

18+

ЖЕЛЕЗНАЯ ЦЕПЬ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ КНИГА II

КАССАНДРА КЛЭР

БЕСТСЕЛЛЕР №1 ПО ВЕРСИИ
THE NEW YORK TIMES И USA TODAY

Миры Кассандры Клэр

Кассандра Клэр

**Последние часы. Книга
II. Железная цепь**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Клэр К.

Последние часы. Книга II. Железная цепь / К. Клэр —
«Издательство АСТ», 2021 — (Миры Кассандры Клэр)

ISBN 978-5-17-127164-0

У Корделии Карстерс, кажется, есть все, о чем только можно мечтать. Она помолвлена с Джеймсом Эрондейлом, которого любит с детства. Ее лучшая подруга, Люси Эрондейл, рядом, так же, как и верный меч – Кортана. И отец, которого Корделия так любит, наконец вернулся домой. Но это лишь праздничный фасад. На самом деле все гораздо мрачнее. Брак с Джеймсом – ложь, необходимая, чтобы спасти репутацию Корделии. Кортана обжигает руку хозяйки, стоит той прикоснуться к ней. Да и возвращение отца прошло совсем не так, как хотелось. В Лондоне тоже беспокойно. Серийный убийца преследует Сумеречных охотников на темных лондонских улицах... Многие уже погибли от его руки Корделия, Джеймс и Люси пытаются выследить убийцу и сохранить тайну – каждый свою, страшную, способную безвозвратно изменить многое.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127164-0

© Клэр К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	11
Лондон,	12
1	13
2	31
Грейс,	42
3	46
4	60
5	75
Лондон,	86
6	87
Грейс,	98
7	102
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Кассандра Клэр
Последние часы
Книга II. Железная цепь

Cassandra Clare
THE LAST HOURS
Book II
Chain of Iron

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Серия «Миры Кассандры Клэр»

Text © 2021 by Cassandra Clare, LLC
Jacket design by Nick Sciacca © 2021 by Simon & Schuster, Inc.
Jacket photo-illustration copyright © 2020 by Cliff Nielsen
Interior illustrations by Kathleen Jennings © 2021 Cassandra Clare, LLC
© О. Ратникова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Рику Риордану

*с благодарностью за разрешение
использовать в этой книге
благородное имя ди Анджели*

Часть первая Милые забавы

«Скоро вы услышите обо мне и моих милых забавах. С прошлого раза у меня осталось еще немного крови в бутылке из-под имбирного пива, но она стала густой, как клей, и я не могу использовать ее для письма. Надеюсь, красные чернила подойдут».

*Джек-потрошитель,
«Письмо начальнику»¹,*

¹ Письмо, якобы написанное серийным убийцей Джеком-потрошителем и доставленное в Скотленд-Ярд 29 сентября 1888 г. – Здесь и далее примечания переводчика.

Лондон, Ист-Энд

Это было странное, почти забытое ощущение – находиться в человеческом теле. Чувствовать, как ветер шевелит твои волосы, как ледяная крошка впивается в лицо, слышать стук собственных подошв по булыжной мостовой. Размахивать руками на ходу, привыкать к тому, что теперь шаги твои стали шире.

Лишь несколько минут назад первые тусклые лучи солнца озарили небо на востоке, и на улицах почти никого не было. Время от времени на глаза ему попадались уличные торговцы, с трудом толкавшие свои тележки по заснеженным тротуарам; один раз дорогу ему перешла прижатая к земле нищетою и тяжелым трудом поденщица в переднике и шали, спешившая на работу.

Обходя очередной сугроб, он споткнулся и сердито нахмурился. Это тело было таким слабым, неловким. Дальше так продолжаться не может, сказал он себе. Ему нужна энергия.

Перед ним на снегу промелькнула тень. Старик в рабочей одежде и фуражке, низко надвинутой на лоб, пересек тротуар и нырнул в темный боковой переулок. Он проследил взглядом за прохожим и увидел, что тот уселся на какой-то ящик и привалился спиной к кирпичной стене. Сунул руку в карман поношенной куртки, извлек бутылку джина и вытащил пробку.

Ступая совершенно беззвучно, он зашел в переулок следом за человеком. В эту расщелину, зажатую между двумя высокими стенами, никогда не заглядывало солнце, и здесь царила почти полная темнота. Пьяница повернул голову и тупо посмотрел на него.

– Т-тебе чего?

В полумраке сверкнул кинжал из адамаса. Снова и снова лезвие вонзалось в грудь несчастного. Из ран хлестала кровь, грязный снег у ног жертвы превратился в багровую жижу.

Хищник присел на корточки, сделал глубокий вдох. Энергия, выделившаяся в момент убийства старика, перетекла в его новое тело через зажатый в руке нож. Хотя какая-то польза от этих жалких смертных, подумал он, поднялся и взглянул на серое небо. Он уже чувствовал себя лучше. Чувствовал себя сильным.

Вскоре он станет достаточно сильным для того, чтобы атаковать своих настоящих врагов. Повернувшись спиной к убитому, он едва слышно прошептал их имена.

Джеймс Эрондейл.

Корделия Карстерс.

1

Силки страстей

*«Стареет мир, не старится она;
Спокон веков она муржей влекла,
Улавливая души и тела
В силки страстей, как в наши времена.*

*Ей любы мак и томных роз цветы;
Кого, Лилит, не зачаруешь ты,
Твой поцелуй и сонных грез настой?»²*

Данте Габриэль Россетти,
«Телесная прелесть»

Серый зимний туман накрыл Лондон, словно гигантское одеяло; его бледные щупальца тянулись вдоль стен домов, заползли в переулки, обвивали фонари и деревья. Глядя в окно кареты, Люси Эрондейл с трудом различала за прозрачной завесой черные ветви кипарисов. Она ехала по длинной, усыпанной хвоей и мусором дороге, ведущей к крыльцу Чизвик-хауса. Крыша особняка вздымалась над пластами тумана, подобно горному пику, возвышающемуся над облаками.

Девушка выбралась из кареты у подножия парадного крыльца, поцеловала в нос коня по имени Балий, прикрыла попоной его холку и направилась в бывший сад, сплошь заросший колючками. Среди терновника торчали остатки статуй Virgil и Софокла, опутанные жесткими плетями ползучих растений. Головы и руки поэтов валялись среди сорняков. Остальные скульптуры были скрыты за разросшимися кустами и низко свисавшими ветвями столетних деревьев, отчего казалось, будто их поглотили хищные джунгли.

Пробравшись через останки разрушенной беседки, когда-то увитой розами, Люси, наконец, приблизилась к цели – старому кирпичному сараю. Крыша постройки давно обрушилась, и при виде ее Люси почему-то пришло в голову сравнение с заброшенной хижинкой пастуха, гниющей среди болот. Из дыры в крыше поднималась тонкая струйка дыма. Если бы дело происходило в романе «Прекрасная Корделия», то сейчас на поляну, пошатываясь, выбрался бы безумный, но прекрасный герцог. Но в жизни никогда не случилось такого, как в книгах.

Земля вокруг сарая была разрыта. В течение последних четырех месяцев они с Грейс хоронили здесь результаты своих неудачных экспериментов – тельца несчастных умерших птичек, мышей и крыс, принесенных кошками, которых они пытались оживить.

До сих пор у них ничего не получилось. Кроме того, Грейс не знала всего до конца. Люси не посвящала ее в свою тайну, не рассказывала ей о своей способности повелевать мертвыми. Грейс не знала о том, что Люси пыталась приказывать животным и птицам ожить, пыталась добраться до остатков их «душ», жизненной энергии, уцепиться за что-нибудь, чтобы вернуть их из царства мертвых. Но у нее ничего не вышло – ни разу. Жизненная сила, нечто неуловимое, то, чем могла повелевать Люси, навсегда покидало тела животных после смерти.

Но об этом она не рассказывала Грейс.

Люси мельком взглянула на крошечные могильные холмики, с философским видом пожала плечами и подошла к массивной деревянной двери. Иногда она задавала себе вопрос: зачем нужна такая внушительная дверь в сарае, у которого нет крыши? Она постучала условленным стуком: один раз, два раза, потом еще один и еще два.

² Перевод М. Квятковской.

Изнутри донесся звук шагов, затем заскрежетал засов, и дверь отворилась. На пороге стояла Грейс Блэкторн. Ее кукольное лицо было серьезным, как всегда. Распущенные волосы даже в тумане поблескивали, подобно серебряным нитям.

– Ты пришла, – произнесла она, и в голосе ее прозвучало неприятное удивление.

– Я обещала, поэтому и пришла. – С этими словами Люси протиснулась мимо Грейс.

Сарай состоял из единственного помещения с замерзшим земляным полом. У стены стоял стол, над которым на грубых железных крюках висел фамильный меч Блэкторнов. На столе была устроена лаборатория: ряды перегонных кубов и стеклянных бутылочек, ступка, дюжины пробирок. Остальное свободное место на столе занимали разнообразные кульки и жестянки; некоторые из них были открыты, пустые свалены в кучу.

Рядом со столом в земле была выкопана яма, примитивный очаг, который и являлся источником дыма. Однако огонь горел неестественно тихо, точнее, беззвучно, и в очаге лежали не поленья, а куча камней. Зеленоватые язычки пламени жадно устремлялись вверх, словно желая пожрать железный котел, подвешенный на крюке. В котле шипело черное варево, от которого исходил странный запах – пахло одновременно землей и какими-то едкими реактивами.

Люси медленно подошла ко второму, длинному столу. На нем стоял гроб. Сквозь стеклянную крышку она могла видеть Джесса; он был точно таким же, как в день их последней встречи – белая рубашка, черные волосы, обрамлявшие бледное лицо и спускавшиеся на шею, пушистые ресницы. Глаза умершего были закрыты.

Она не ограничилась птицами, крысами и летучими мышами. В те краткие минуты, когда Грейс отлучалась по какому-нибудь делу и оставляла ее наедине с гробом, Люси пыталась призвать Джессу вернуться в мир живых. Но с Джессом вышло еще хуже, чем с животными. В отличие от трупиков мышей и птиц, тело юноши не было пустой оболочкой – она чувствовала чье-то присутствие внутри, она могла «нащупать» жизнь, душу, энергию. Но душа – или нечто иное, что бы это ни было – словно «застряла» между жизнью и смертью, и Люси не могла призвать ее, заставить покинуть «чистилище». После таких попыток она чувствовала себя слабой и больной, как будто совершала нечто преступное.

– Все равно я не была уверена в том, что ты придешь, – сердито произнесла Грейс. – Я сижу тут уже целую вечность. Ты достала колючее яблоко?

Люси вытащила из кармана небольшой сверток.

– Я с большим трудом сумела сбежать из дома и не могу остаться надолго. Сегодня вечером мне необходимо увидеться с Корделией.

Грейс взяла сверток и резким движением разорвала бумагу.

– Потому что завтра у нее свадьба? Но какое это имеет отношение к тебе?

Люси бросила на Грейс долгий, тяжелый взгляд, но девушка не обратила на это никакого внимания. Люси часто казалось, что Грейс недоступны такие простые человеческие чувства, как дружба, любовь, сострадание, желание помочь близким. По крайней мере, когда речь шла не о Джессе.

– Я поверенная Корделии, – объяснила она. – Я должна вести ее к алтарю, а также поддерживать ее во время церемонии. Сегодня мы с ней едем...

Ее перебило громкое шипение – это Грейс высыпала в котел содержимое кулька. Огонь взметнулся до потолка, помещение заполнил густой дым. Запахло уксусом.

– Вовсе не обязательно мне об этом рассказывать. Я уверена, что Корделия меня недолюбливает.

– Я и не собиралась обсуждать с тобой Корделию, – возразила Люси и закашлялась.

– Во всяком случае, я, будучи на ее месте, наверняка невзлюбила бы соперницу, – усмехнулась Грейс. – Но ты права, нечего говорить об этом. Я пригласила тебя сюда не ради пустой болтовни.

Она не сводила пристального взгляда с котла. Туман, проникавший в комнатку, смешивался с дымом и окутывал фигуру Грейс полупрозрачным плащом. Люси потеряла одетые в перчатки руки, чувствуя, как бешено колотится сердце. Грейс заговорила:

– *Hic mortui vivunt. Igni ferroque, ex silentio, ex animo. Ex silentio, ex animo! Resurget!*

Пока Грейс нарастав произносила слова заклинания, снадобье начало бурно кипеть, пламя зашипело; оно поднималось выше и выше, стало лизать котел. Немного жидкости выплеснулось на пол. Люси инстинктивно отпрянула, когда из замерзшей земли полезли зеленые ростки. Ростки стремительно увеличивались в размерах и за несколько секунд превратились в стебли с листьями и почками высотой почти по колено.

– Оно действует! – ахнула Люси. – И правда действует!

На лице Грейс, обычно холодном и бесстрастном, на миг промелькнуло ликующее выражение. Она шагнула к гробу Джесса...

Цветы увяли так же быстро, как и расцвели, лепестки осыпались. Казалось, время ускорило свой бег. Люси беспомощно смотрела, как желтеют, сморщиваются и падают листья, как стебли высыхают и с треском обламываются под собственным весом.

Грейс, застыв на месте, уставилась себе под ноги, на мертвые цветы, лежавшие в грязи. Потом бросила быстрый взгляд в сторону гроба – но Джесс даже не пошевелился.

Конечно же, он не пошевелился.

Грейс ссутулилась, на лице ее отразилось разочарование.

– В следующий раз я попрошу у Кристофера более свежие образцы, – извиняющимся тоном проговорила Люси. – Или более мощные реагенты. Мы наверняка что-то делаем не так.

Грейс подошла к гробу брата и положила руку на стекло. Губы ее шевелились, как будто она обращалась к умершему с какими-то словами, но Люси не могла расслышать ни звука.

– Проблема заключается не в качестве ингредиентов, – наконец произнесла Грейс холодным, ровным голосом. – Проблема в том, что мы в своих действиях опираемся на науку. Активаторы, реагенты – все это бесполезно. Наука бессильна в таких делах.

– Откуда тебе знать?

Грейс окинула Люси ледяным взглядом.

– Я знаю, ты считаешь меня дурочкой, потому что я нигде не училась, – сказала она, – но должна тебе сказать, что я все-таки прочитала пару книжек за годы, проведенные в Идрисе. Точнее, я перечитала почти все, что имелось в нашей библиотеке.

Люси вынуждена была признаться себе в том, что Грейс частично права – она, Люси, даже не подумала, что ее «сообщница» может интересоваться книгами или чем-то еще, помимо завлечения в свои сети мужчин и возвращения Джесса к жизни.

– Значит, ты утверждаешь, что на науку полагаться нельзя? И что же ты можешь предложить взамен?

– Ответ напрашивается сам собой. Магия. – Грейс говорила таким тоном, словно объясняла простейшие вещи несмышленому ребенку. – Не такая, как эта – детский лепет, повторение заклинаний из книги, которую моя мать даже не удосужилась спрятать, – презрительно выплюнула она. – Мы должны черпать силу из более надежного источника.

У Люси внезапно пересохло в горле.

– Ты имеешь в виду некромантию. Именно она берет силу в смерти и использует ее для возвращения ушедших.

– Некоторые считают такую магию «черной». Но я называю ее «необходимой».

– Ты удивишься, но я тоже считаю ее черной, – заявила Люси, даже не пытаясь скрыть возмущение. Грейс, видимо, уже все решила, не посоветовавшись с Люси, что противоречило правилам их сотрудничества. – А я не желаю заниматься такими дурными делами.

Грейс раздраженно тряхнула головой с таким видом, словно Люси поднимала шум из-за пустяков.

– Мы должны обсудить это с каким-нибудь некромантом.

Люси обхватила себя руками. Ей почему-то стало очень холодно.

– С некромантом? Ну уж нет. Даже если нам удастся найти черного колдуна, Конклав такое запрещает.

– И не без причины, – резко ответила Грейс, подбирая юбки и собираясь уходить. – То, что мы вынуждены делать, – это не «добро». По крайней мере, не в общепринятом смысле. Но ты ведь давно уже поняла это, Люси, так что можешь прекратить прикидываться, будто ты выше и лучше меня.

– Грейс, нет. – Люси проворно шагнула к двери и загородила собой выход. – Я этого не хочу и не думаю, что Джесс одобрил бы применение некромантии. Разве нельзя поговорить с чародеем? С одним из тех, кто пользуется доверием Конклава?

– Возможно, Конклав им и доверяет, но я – нет. – В глазах Грейс вспыхнули зловещие огоньки. – Я решила действовать сообща с тобой, потому что мне показалось, будто ты нравишься Джессу. Но ты совсем недавно познакомилась с моим братом и не знала его при жизни. Ты не можешь судить о том, что ему нравится или не нравится. Я – его сестра, и я намерена вернуть его любым способом, чего бы это мне ни стоило. Ты понимаешь меня, Люси? – Грейс смолкла и сделала глубокий вдох. – Настало время решать, что для тебя важнее – твои драгоценные принципы или жизнь моего брата.

Корделия Карстерс слегка поморщилась от боли, когда Райза закрепляла в ее прическе черепаховый гребень. Гребень поддерживал тяжелые пряди густых волос цвета красного дерева. Горничная убедила девушку в том, что следует поднять волосы наверх, поскольку такой стиль сейчас исключительно популярен.

– Сегодня не надо так стараться, – возразила тогда Корделия. – Это всего лишь катание на санях. Мои волосы все равно рано или поздно окажутся в беспорядке, и неважно, сколько шпилек и гребней ты в них натыкаешь.

На это Райза ответила неодобрительным взглядом. Видимо, служанка считала, будто молодая госпожа должна приложить больше усилий и выглядеть как можно лучше ради своего жениха. В конце концов, Корделия выходила замуж не за кого-нибудь, а за Джеймса Эрондейла – завидная партия по меркам Сумеречных охотников и тем более простых людей. Он был красивым, богатым, благовоспитанным, добрым, у него имелись хорошие связи в аристократических кругах.

Корделия знала: нет никакого смысла говорить горничной, что жениху совершенно безразлична ее внешность. Джеймсу было все равно, в чем она придет: в вечернем платье, в лохмотьях, да хоть совсем без одежды, если уж на то пошло. Но объяснять это Райзе было бы напрасной тратой времени. Более того – нельзя было даже заикаться об этом ни единой живой душе, за исключением нескольких посвященных лиц.

– *Dokhtare zibaye man, tou ayeneh knodet ra negah kon*, – произнесла Райза и подала Корделии серебряное ручное зеркало. «Посмотри на себя, моя прекрасная доченька».

– Очень красиво, Райза, – вынуждена была признать Корделия. Жемчужины, украшавшие гребни, составляли живописный контраст с блестящими кудрями, отливавшими рубиновым блеском. – Но ты уверена, что завтра тебе удастся превзойти это творение?

Райза в ответ лишь подмигнула. Хоть один человек с нетерпением ждет завтрашнего дня, подумала Корделия. Каждый раз, когда она вспоминала о собственной свадьбе, ей хотелось выброситься из окна.

Завтра она в последний раз будет сидеть перед зеркалом в этой комнате, пока мать и Райза будут вплетать шелковые цветы в ее тяжелые косы. Завтра она вынуждена будет изображать не только безукоризненно одетую и причесанную, но и бесконечно счастливую невесту. Завтра, если Корделии повезет, большинство гостей будут заняты обсуждением ее платья и не обратят внимания на ее взгляд и выражение лица. Надежда всегда остается.

Райза прикоснулась к ее плечу. Корделия послушно поднялась на ноги и в последний раз набрала в легкие воздуха. Горничная принялась затягивать шнурки корсета, который приподнимал грудь и выпрямлял спину. Цель корсета, с раздражением подумала Корделия, – это ни на минуту не дать женщине забыть о том, что ее фигура отличается от принятого в обществе стандарта красоты.

– Довольно! – прохрипела она, когда пластины из китового уса врезались ей в тело. – Знаешь ли, я надеялась что-нибудь съесть на вечере.

Райза укоризненно посмотрела на хозяйку, взяла с кровати зеленое бархатное платье и помогла Корделии одеться. Служанка осторожно расправила длинные узкие рукава, разгладила белую пену кружев на запястьях и воротнике. Затем началась длительная процедура застегивания множества крошечных пуговиц на спине. Платье тесно облегалo фигуру, и Корделия знала, что без корсета ни за что не втиснулась бы в него. Когда она подняла руку, чтобы Райза укрепила на спине Кортану, на пальце ее сверкнуло кольцо Эрондейлов, подаренное женихом в день помолвки.

– Мне нужно поторапливаться, – сказала Корделия, когда Райза подала ей маленькую шелковую сумочку и муфту. – Джеймс никогда не опаздывает.

Райза коротко кивнула; этот жест с ее стороны был эквивалентом горячих дружеских объятий.

Да, верно, думала Корделия, поспешно спускаясь по лестнице. Джеймс никогда не опаздывал. В обязанности жениха входило сопровождать даму на вечера и званые обеды, приносить лимонад и подавать веер, а также следить за тем, чтобы во время танцев невеста не осталась без кавалера. Джеймс превосходно играл свою роль. Весь сезон он вместе с Корделией посещал смертельно скучные великосветские сборища, но она редко видела своего жениха вне стен аристократических салонов. Иногда он присоединялся к ней и ее друзьям во время действительно интересных вечеров – например на посиделках в таверне «Дьявол» или на чаепитиях у Анны, – но даже в обществе ровесников он выглядел рассеянным и погруженным в себя. У них почти не было шансов поговорить о совместном будущем, но, даже если бы такая возможность появилась, Корделия не знала бы, что сказать.

– Лейли?

Корделия спустилась в вестибюль, пол которого был отделан изразцами с узором в виде мечей и звезд, и сначала решила, что внизу никого нет. Лишь услышав голос Соны, она заметила мать – та стояла у окна, выходящего на улицу, и тонкой рукой придерживала тяжелую портьеру. Вторая рука лежала на округлившемся животе.

– Это действительно ты, – произнесла Сона. Корделия заметила, что круги под глазами у матери стали темнее. – Куда ты опять уходишь?

– Паунсби устраивают катание на санях на Парламентском холме, – ответила Корделия. – На самом деле, все это ужасно скучно, но Алистер собирается пойти, и я решила составить ему компанию; кроме того, мне нужно отвлечься от мыслей о завтрашнем дне.

Сона заставила себя улыбнуться.

– Волноваться накануне свадьбы – это совершенно нормально, Лейли *joon*³. Я себе места не могла найти от ужаса в ночь перед свадьбой с твоим отцом. Я едва не уехала на первом поезде в Константинополь.

Корделия вздохнула, и улыбка матери погасла. «О боже», – пронеслось в голове у Корделии. Ведь прошла уже целая неделя после того, как ее отца, Элиаса Карстера, отпустили из Базилиаса, госпиталя Сумеречных охотников в Идрисе. Он провел там несколько месяцев, чтобы вылечиться от алкоголизма – намного дольше, чем они предполагали сначала; всем трем остальным членам семьи Карстерс было прекрасно известно о природе его «болезни», но в разговорах они никогда не касались ее даже намеком.

Элиас должен был приехать в Лондон пять дней назад, но от него до сих пор не было никаких вестей, если не считать короткого письма, отправленного из Франции. Он даже не обещал вернуться ко дню свадьбы Корделии. Положение было неприятным и затруднительным, причем вдвойне неприятным оттого, что ни мать, ни брат не желали обсуждать его с Корделией.

Девушка сделала глубокий вдох и рискнула заговорить:

– *Mâtân*. Я знаю, ты еще надеешься на то, что отец приедет до свадьбы...

– Я не надеюсь, я знаю это, – возразила Сона. – Что бы ни задерживало его до сих пор, он ни за что не пропустит свадьбу единственной дочери.

Корделия едва сдержалась, чтобы не покачать головой в изумлении. Как может ее мать до сих пор в это верить? Отец пропустил столько ее дней рождения, даже тот день, когда Корделии нанесли первую рану, и все из-за «болезни». Именно из-за своей пагубной привычки он в конце концов совершил непоправимую ошибку, стоившую жизни многим людям, после чего его арестовали и едва не отдали под суд, а потом заперли в госпитале Идриса. Предполагалось, что к настоящему времени Элиас излечился, но его отсутствие говорило само за себя.

Раздался стук каблучков, и на лестнице появился Алистер, поправляя растрепанные темные кудри. Он выглядел очень изящным в своем новом зимнем твидовом пальто, но впечатление портило вечно недовольное выражение лица.

– Алистер, – обернулась к нему Сона. – Ты тоже собираешься на эту прогулку?

– Меня не приглашали.

– Неправда! – воскликнула Корделия. – Алистер, я же отправляюсь туда только потому, что ты идешь!

– Я решил, что приглашение, к моему великому сожалению, потерялось на почте, – ответил Алистер, небрежно взмахнув рукой. – Я в состоянии сам себя развлечь, матушка. Кроме того, у некоторых из нас имеются неотложные дела. Мне некогда посещать все светские увеселения подряд с утра до поздней ночи.

– Корделия, не докучай брату, – упрекнула дочь Сона и покачала головой. Это показалось Корделии в высшей степени несправедливым – ведь она всего лишь сказала, что Алистер лжет.

Сона потерла поясницу и вздохнула.

– Мне нужно поговорить с Райзой насчет завтрашнего дня. У нас еще много работы.

– Тебе следует отдохнуть! – крикнул Алистер вслед матери, которая направилась по коридору в кухню. Когда она скрылась из виду, он обернулся к сестре. Вид его не предвещал ничего хорошего. – Она что, ждала отца? – шепотом спросил он. – До сих пор? Зачем она так терзает себя?

Корделия беспомощно пожала плечами.

– Она любит его.

Алистер презрительно фыркнул и бросил:

³ Дорогая (*фарси*).

– *Chi! Khodah margam bedeh*⁴.

Корделии эти слова, сказанные в адрес матери, показались очень грубыми.

– Любовь не подчиняется здравому смыслу, – возразила она, и Алистер быстро отвел взгляд.

Он уже несколько месяцев не упоминал о своем бывшем возлюбленном в присутствии Корделии, хотя на его имя приходили письма, подписанные аккуратным почерком Чарльза. Корделия не одно такое письмо нашла нераспечатанным в корзине для бумаг. Она помолчала и продолжала:

– Все же мне очень хотелось бы, чтобы он сообщил нам, что с ним все в порядке, – хотя бы ради матушки.

– Он вернется, когда ему вздумается. И, зная его, я могу предположить, что это произойдет в самый неподходящий момент.

Корделия кончиком пальца рассеянно пригладила мех на муфте.

– Ты не хочешь, чтобы он возвращался, Алистер?

Лицо брата было непроницаемым. Он несколько лет защищал Корделию от неприятной правды, выдумывал извинения для отца, объяснял его отсутствие «приступами болезни». В начале осени Корделия узнала, чего все это стоило Алистеру, поняла, какие невидимые шрамы это оставило у него на сердце и как тщательно он их скрывал.

Алистер, казалось, хотел что-то ответить, но в этот момент с улицы донесся стук копыт, немного приглушенный слоем снега, покрывавшего тротуары и проезжую часть. Напротив крыльца, около фонаря, остановилась какая-то карета. Алистер подошел к окну, немного отодвинул занавеску и нахмурился.

– Это экипаж Фэйрчайлдов, – заметил он. – Значит, твоему жениху было недосуг заехать за тобой и он послал вместо себя парабата?

– Ты несправедлив к Джеймсу, – резко произнесла Корделия. – И ты это прекрасно знаешь.

Алистер ответил не сразу.

– Может быть, ты и права. До сих пор Эрондейл вел себя более или менее достойно по отношению к тебе.

Корделия смотрела, как Мэтью Фэйрчайлд грациозно выбирается из экипажа, и ее внезапно одолел мучительный страх. А вдруг Джеймс в последний момент решил не связывать себя узами брака с нелюбимой женщиной и послал Мэтью, чтобы сообщить о разрыве?

«Выбрось из головы эти глупости», – твердо приказала она себе. Мэтью, насвистывая что-то себе под нос, поднялся на крыльцо. Улица была покрыта свежавыпавшим снегом, лишь кое-где виднелись следы ботинок редких прохожих. На меховом воротнике пальто Мэтью таяли снежинки, крошечные кристаллики поблескивали в его светлых волосах, и его прекрасное лицо с высокими скулами порозовело от холода. Он походил на ангела кисти Караваджо, украшенного сахарной глазурью. Ведь он не стал бы насвистывать веселую мелодию, если бы принес ей плохие новости, правда?

Корделия открыла дверь. Мэтью стоял на верхней ступеньке крыльца и, топая ногами, отряхивал снег со своих ботинок-балморалов.

– Привет, дорогая моя, – обратился он к Корделии. – Я явился, чтобы отвезти тебя на высокий холм, откуда мы оба совершим опасный спуск на неуправляемой штуковине, кое-как сколоченной из хилых досочек.

Корделия улыбнулась.

– Звучит заманчиво. А что мы будем делать после этого?

⁴ Буквальный перевод: «Что? Боже, дай мне умереть». Выражает реакцию на абсурдное, нелепое, шокирующее высказывание.

– Как это ни странно, – ответил Мэтью, – мы заберемся обратно на холм, чтобы проделать то же самое снова. Говорят, это какое-то помешательство, вызванное снегопадом.

– Где Джеймс? – вмешался Алистер. – Ну, знаешь, тот из вашей компании, которому следовало сейчас быть здесь.

Мэтью с неприязнью оглядел Алистера. Корделия испытала знакомое тягостное чувство, граничившее с отчаянием. Так бывало всякий раз, когда Алистер оказывался в обществе кого-либо из «Веселых Разбойников». Несколько месяцев назад все они внезапно ополчились на Алистера, и она понятия не имела, что было тому причиной. Она не могла заставить себя заговорить об этом ни с братом, ни с друзьями.

– Джеймса вызвали по важному делу.

– По какому еще делу? – возмутился Алистер.

– По делу, которое тебя совершенно не касается, – самодовольно посмеиваясь, промурлыкал Мэтью. – Такое вот любопытное совпадение, а?

Черные глаза Алистера блеснули.

– Ты очень пожалеешь, если моя сестра угодит в какую-нибудь неприятную историю из-за тебя, Фэйрчайлд, – процедил он. – Я прекрасно знаю, с какой компанией ты водишься.

– Алистер, прекрати, – взмолилась Корделия. – И скажи, ты действительно не поедешь к Паунсби или ты просто хотел поиздеваться над матушкой? И если ты туда все-таки собираешься, ты поедешь в карете со мной и Мэтью?

Взгляд Алистера остановился на Мэтью.

– Интересно, – сказал он, – почему ты без шляпы в такую погоду?

– Спрятать под шляпой такие локоны? – Мэтью тряхнул головой. – А ты сам пожелал бы, чтобы тучи постоянно скрывали солнце?

На лице Алистера появилось выражение крайнего раздражения.

– Я иду прогуляться, – объявил он.

И с этими словами он направился к дверям и ушел прочь, навстречу зимнему вечеру. Однако драматический эффект был немного испорчен тем, что свежевыпавший снег приглушал его шаги.

Корделия вздохнула и спустилась по ступеням в сопровождении Мэтью. Южный Кенсингтон превратился в сказочный город – на окнах домов мерцали замысловатые ледяные узоры, в воздухе медленно кружились пушистые снежные хлопья, из-за белой пелены едва пробивался таинственный желтый свет уличных фонарей.

– У меня такое чувство, что мне теперь всю жизнь придется извиняться перед людьми за Алистера. На прошлой неделе он заставил разрыдаться нашего молочника.

Мэтью помог ей сесть в карету.

– Никогда не извиняйся передо мной за поведение Алистера. Он всего лишь объект, на котором я могу оттачивать свое остроумие. – Он уселся рядом с Корделией и хлопнул массивную дверцу.

Внутри кареты было уютно: стены были отделаны шелком, на окнах висели бархатные занавески, на сиденьях лежали мягкие подушки. Корделия откинулась назад, прислонилась спиной к стене. Локоть ее касался рукава пальто Мэтью, и присутствие друга оказывало на нее умиротворяющее действие.

– Мне кажется, Мэтью, что я не видела тебя уже целую вечность, – произнесла она, желая поскорее сменить тему. – Я слышала, твоя матушка вернулась из Идриса? А Чарльз – из поездки в Париж?

Мать Мэтью, Шарлотта, занимала пост Консула, поэтому ей часто приходилось покидать Лондон. Ее старший сын Чарльз недавно получил небольшую должность в парижском Институте и с головой погрузился в изучение политических проблем. Все знали, что Чарльз надеется в один прекрасный день стать Консулом.

Мэтью провел рукой по волосам, чтобы вытряхнуть из золотых локонов последние снежинки.

– Ты знаешь мою мать – не успев переступить порог Портала, она тут же помчалась куда-то по делам. А Чарльз, естественно, не терял времени и сразу вернулся, чтобы увидеться с ней. Хочет напомнить людям из парижского Института о своей тесной связи с Консулом и намекнуть, что она жить не может без его ценных советов. А сейчас сидит дома и с важным видом разглагольствует перед отцом и Мартином Уэнтвортом. Когда я уходил, он как раз отвлек их от партии в шахматы и попытался завести дискуссию по поводу политики Сумеречных охотников во Франции. Мне показалось, будто Уэнтворт совершенно отчаялся – наверное, молился про себя о том, чтобы Кристофер устроил очередной взрыв в лаборатории и дал ему возможность спастись бегством.

– Очередной взрыв?

Мэтью ухмыльнулся.

– Во время последнего эксперимента Кит умудрился почти полностью спалить Томасу брови. Он говорит, что вот-вот найдет способ заставить порох воспламеняться в присутствии рун, но у Томаса, к несчастью, не осталось бровей, которые можно было бы принести в жертву науке.

Корделия напрягла воображение, пытаясь придумать какой-нибудь остроумный ответ насчет бровей Томаса, но ничего не приходило в голову.

– Ну хорошо, – неловко произнесла она, пряча руки в муфту. – Я сдаюсь. Где Джеймс? Он струсил и бежал во Францию? Свадьба отменяется?

Прежде чем ответить, Мэтью выудил из внутреннего кармана серебряную флягу и отхлебнул бренди. Может быть, он пытается таким образом выиграть время, размышляла Корделия. Всегда беззаботный и легкомысленный Мэтью почему-то внезапно сделался серьезным.

– Боюсь, это моя вина, – наконец признался он. – Точнее, виноват не только я, но и остальные «Веселые Разбойники». В последнюю минуту мы решили, что просто не можем позволить Джеймсу расстаться со свободой без прощальной холостяцкой вечеринки, и в мою задачу входит не дать тебе узнать об этом скандальном событии.

У Корделии даже голова закружилась от невероятного облегчения. Джеймс не покинет ее. Конечно же, нет. Он не способен на такой поступок. Это же Джеймс.

Она расправила плечи.

– И поскольку ты только что сообщил, что вечеринка намечается скандальная, мне остается думать, что ты провалил свое задание.

– Отнюдь! – Мэтью сделал еще пару глотков и убрал флягу в карман. – Я лишь сказал, что Джеймс проводит вечер накануне свадьбы в компании друзей. Откуда тебе знать, что там происходит – может быть, они чинно пьют чай и изучают историю баварских фей. Мне поручено убедиться в том, что ты находишься в полном неведении относительно их занятий.

Корделия невольно улыбнулась.

– И как же ты намерен в этом «убедиться»?

– Сопровождая тебя на другую скандальную вечеринку, само собой. Ты же не думала, что мы действительно собираемся кататься с горы вместе с занудными Паунсби?

Корделия отодвинула занавеску и выглянула в окно. Почти полностью стемнело. Оказалось, что они уже покинули заснеженные скверы Кенсингтона и выехали из аристократического Вест-Энда. Улицы здесь были узкими, откуда ни возьмись появился густой туман. Тротуары кишели людьми, которые разговаривали на дюжине языков и грели руки над импровизированными кострами, плававшими в больших железных бочках.

– Мы в Сохо? – с любопытством спросила она. – Неужели... неужели мы едем в Адский Альков?

Мэтью игриво приподнял бровь.

– А куда же еще?

Адским Альковым называли популярный в Лондоне салон и ночной клуб для жителей Нижнего Мира. Салон находился в неприметном с виду здании на Бервик-стрит. Корделии уже приходилось бывать там в конце лета; оба визита надолго запомнились не только ей, но и ее друзьям.

Она опустила занавеску, обернулась к Мэтью, который внимательно наблюдал за ней, и притворилась, будто подавляет зевок.

– Серьезно? Снова Адский Альков? Это место наскучило мне, как дамский бридж-клуб. Я уверена, ты в состоянии предложить нечто более скандальное.

Мэтью усмехнулся.

– Значит, ты не против провести вечер в таверне «Бритый Оборотень»?

Корделия игриво ударила его по руке муфтой.

– Такой таверны не существует. Я отказываюсь в это верить.

– Как угодно... но уверяю тебя: в этом городе найдется немного мест более скандальных, чем Альков. А кроме того, я не могу отвезти тебя в одно из таких неприличных мест и рассчитывать потом на прощение Джеймса, – сказал Мэтью. – Сбивать невесту парабата с пути истинного считается неспортивным.

Корделия снова рассмеялась и внезапно ощутила свинцовую усталость.

– О, прекрати, Мэтью, тебе не хуже меня известно, что это фальшивая свадьба, что я не настоящая невеста, – пробормотала она. – Я могу сбиваться с пути истинного сколько душе угодно. Джеймса это абсолютно не волнует.

Мэтью молчал. Корделия впервые заговорила о том, о чем ее друзья прекрасно знали, но предпочитали помалкивать, и неожиданная откровенность сбила его с толку. Однако Мэтью никогда надолго не терял дара речи.

– Ошибаешься, его это волнует, – возразил он, когда карета свернула на Бервик-стрит. – Хотя, возможно, и не в том смысле, в каком это представляется посторонним. С другой стороны, я не думаю, что роль жены Джеймса окажется слишком тягостной для тебя, тем более что это продлится всего один год, верно?

Корделия закрыла глаза. Такова была их договоренность: один год жизни в браке с целью спасти репутации ее и Джеймса. Потом она подаст на развод. Они разойдутся мирно и останутся друзьями.

– Да, – прошептала она. – Всего один год.

Карета остановилась под уличным фонарем, и тусклый желтый свет озарил лицо Мэтью. У Корделии внезапно сжалось сердце от дурного предчувствия. Мэтью было известно ровно столько же, сколько и остальным, в том числе и ее жениху, но в этот момент девушка уловила в его взгляде что-то странное. На миг ей показалось, что он проник в ее тайну, догадался о том, в чем она не признавалась ни единой живой душе. Корделии не нужна была чужая жалость, она ненавидела, когда ее жалели. Она приходила в ужас при мысли о том, что кто-то узнает о ее отчаянной безответной любви к Джеймсу, поймет, как страстно она желает стать его женой по-настоящему.

Мэтью толкнул дверцу кареты и спрыгнул на мостовую, покрытую кашей из воды и грязного снега. После короткого разговора с кучером он вернулся и помог Корделии выйти из экипажа.

Вход в Адский Альков находился в узкой улочке под названием Тайлерс-корт. Мэтью подал Корделии руку, и они углубились в неосвещенный переулок, похожий на нору.

– Мне тут пришла в голову одна мысль, – заговорил он. – Допустим, мы знаем, как обстоит дело, но ведь так называемое светское общество понятия не имеет об этом! Вспомни, с каким презрением они разглядывали тебя на том первом балу в Лондоне! Прошло несколько недель, и ты отхватила самого завидного жениха страны и заткнула рты этим наглым само-

довольным девицам. Взять, например, Розамунду Уэнтворт. Она вцепилась в Тоби Бэйбрука, словно клещ, и вынудила его почти сразу сделать предложение, лишь бы доказать всем, что она не хуже тебя.

– Вот как? – с неподдельным интересом воскликнула Корделия. Ей даже в голову не могло прийти, что она имеет какое-то отношение к неожиданной помолвке Розамунды. – А я считала, что это брак по любви.

– Я всего лишь говорю, что время этой помолвки наводит на определенные подозрения. – Мэтью небрежно взмахнул рукой. – Но меня не интересует Розамунда; я хотел сказать, что тебе следует радоваться своему успеху и зависти всего Лондона. Все те, кто смотрел на тебя свысока, когда ты приехала сюда, все те, кто перешептывался у тебя за спиной и повторял слухи насчет твоего отца – они все сейчас кусают локти от досады и готовы отдать полжизни, лишь бы очутиться на твоём месте. Наслаждайся этим.

Корделия хмыкнула.

– Да, ты всегда находишь самое неприличное из всех возможных решений проблемы.

– Я считаю, что неприличные решения – самые верные, и всегда рассматриваю их в первую очередь.

Они достигли входа в Адский Альков и, войдя в незаметную дверь, очутились в узком коридорчике, стены которого были завешены тяжелыми гобеленами. Корделия с некоторым удивлением увидела венки из веток вечнозеленых растений, в которые были вплетены белые розы и алые маки. Видимо, коридор украсили к Рождеству, хотя до самого праздника оставалось несколько недель.

Сумеречные охотники прошли через анфиладу салонов и остановились на пороге восьмиугольного помещения – главного зала Алькова. Сегодня здесь все было иначе, чем в прошлый раз; вдоль стен были расставлены какие-то деревья с голыми ветвями, выкрашенные мерцающей белой краской, украшенные темно-зелеными венками и красными стеклянными шарами. Фреска, также выполненная светящимися красками, изображала лесной пейзаж – ледник, окаймленный заснеженными соснами, сов, притаившихся среди теней. Черноволосая женщина с телом змеи обвивала дерево, расколотое молнией; чешуя ее была раскрашена золотом.

Малкольм Фейд, мужчина с фиолетовыми глазами, Верховный Маг Лондона, руководил группой фэйри, исполнявших какой-то сложный танец. Танцующие феи взметали тучи снега, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что крошечные снежинки искусно вырезаны из белой бумаги. Разумеется, танцевали не все гости; некоторые собрались вокруг небольших круглых столиков, держа в руках медные кружки с глинтвейном. Неподалеку от входа на кушетке сидели оборотень и фэйри и с жаром спорили по поводу ирландского движения за гомруль⁵. Корделию всегда поражало здешнее пестрое общество. Очевидно, вампиры и оборотни, а также различные дворы фэйри, враждовавшие за стенами салона, забывали о разногласиях ради возможности насладиться искусством и поэзией. Она понимала, почему Мэтью так нравилось в Адском Алькове.

– Так-так, моя любимая девушка – Сумеречный охотник, – раздался совсем рядом знакомый протяжный голос. Обернувшись, Корделия узнала Клода Келлингтона, молодого вервольфа-музыканта, ответственного за развлечения в салоне. Он сидел за столом в компании женщины-фэйри с длинными сине-зелеными волосами, которая с любопытством разглядывала Корделию. – Я вижу, вы привели с собой Фэйрчайлда, – продолжал Келлингтон. – Прошу вас, уговорите его сегодня быть более забавным и поучаствовать в увеселениях. Он никогда не танцует.

– Клод, я играю ключевую роль в твоих увеселениях, – возразил Мэтью. – Роль восторженной аудитории. В этом смысле я просто незаменим.

⁵ Движение за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX вв.

– Ну что ж, тогда приводи еще артистов, таких, как она, – сказал Келлингтон, кивая на Корделию. – Если тебе удастся найти хоть кого-то ее уровня.

Корделия невольно вспомнила представление, которое произвело такое сильное впечатление на Келлингтона. Однажды вечером она исполнила на сцене Адского Алькова весьма скандальный танец и до сих пор не могла понять, как у нее хватило на это смелости. Но она постаралась не покраснеть и принять вид умудренной опытом девицы, готовой в любую минуту изобразить Саломею.

Она огляделась по сторонам в поисках новой темы для разговора, и на глаза ей попались украшенные деревья.

– Значит, в Адском Алькове тоже празднуют Рождество?

– Не совсем.

Корделия обернулась и увидела, что за спиной у нее стоит Гипатия Векс, хозяйка салона. Несмотря на то что дом принадлежал Малкольму Фейду, гостей приглашала Гипатия; у тех, кто ей не нравился, не было ни малейшего шанса переступить порог Адского Алькова. Она была облачена в сверкающее алое платье, и ее темные волосы украшал позолоченный цветок пиона.

– Здесь не празднуют Рождество, хотя, разумеется, у себя дома наши гости свободны отмечать, что им вздумается. В декабре наступает время так называемого Праздника Ламии, и посетители Алькова выражают почтение своей покровительнице.

– Своей покровительнице? Вы имеете в виду... себя? – переспросила Корделия.

В глазах чародейки со зрачками-звездочками промелькнуло насмешливое выражение.

– Я имею в виду гораздо более могущественное создание. Нашу прародительницу, ту, которую называют Матерью Чародеев или Матерью Демонов.

– Ах, – пробормотал Мэтью. – Лилит. Теперь, когда вы нам все разъяснили, я вижу, что в вашем интерьере гораздо больше сов, чем в обычные дни.

– Сова – один из ее символов, – объяснила Гипатия, проводя кончиками пальцев по спинке кресла Келлингтона. – Через несколько дней после сотворения Земли Бог создал для Адама жену. Ее звали Лилит, и она не желала беспрекословно подчиняться Адаму, поэтому ее изгнали из райского сада. Она стала супругой демона Саммаэля и родила ему множество детей-демонов, которые, в свою очередь, породили первых чародеев. Все это разгневало Небеса, и три ангела мщения – Сеной, Сансеной и Самангелоф – были посланы для того, чтобы покарать Лилит. Ангелы сделали ее бесплодной и заключили в царстве Эдом, выжженной пустыне, где обитают лишь ночные твари и ухающие филины и где она пребывает до сего дня. Но иногда Лилит, образно выражаясь, протягивает руку помощи магам, преданным ее делу.

В основном эта история была знакома Корделии, хотя в легендах Сумеречных охотников три ангела описывались не как мстители и каратели, а как герои и защитники добра. Через восемь дней после того, как Сумеречный охотник появлялся на свет, проводили следующий ритуал: Безмолвные Братья и Железные Сестры накладывали на новорожденного чары, включавшие имена Сеноя, Сансеноя и Самангелофа. Сона однажды объяснила Корделии, что такая церемония необходима для защиты души новорожденного от зла и делает его недоступным для влияния демонов.

Но, наверное, сейчас лучше об этом не упоминать, подумала Корделия.

– Мэтью действительно обещал мне нечто скандальное, – усмехнулась она, – однако я подозреваю, что Конклав категорически против присутствия Сумеречных охотников на именинах высокопоставленных демонов.

– Это не именины Лилит, – возразила Гипатия. – Всего лишь праздник Нижнего Мира, имеющий к ней некоторое отношение. Мы считаем, что в этот день она покинула Эдем.

– А, теперь я поняла, зачем эти красные шары на ветках! – воскликнула Корделия. – Это же яблоки. Запретный плод.

– Удовольствие от посещения Адского Алькова, – улыбнулась Гипатия, – заключается в прикосновении к неизведанному. Как известно, запретный плод сладок.

Мэтью пожал плечами.

– Не вижу, почему Конклав должен возражать против нашего присутствия. Нам ведь не обязательно выражать почтение Лилит или что-то там отмечать. Это всего лишь украшения.

Гипатию, казалось, позабавили его слова.

– Разумеется. Побрякушки, только и всего. Кстати, о побрякушках...

Она многозначительно посмотрела на фэйри, спутницу Келлингтона; та сразу поднялась и уступила Гипатии свое место. Гипатия уселась в кресло с таким видом, словно все здесь принадлежало ей, и расправила пышные юбки. Фэйри исчезла в толпе, а чародейка продолжала:

– В тот вечер, когда вы в последний раз навещали нас, мисс Карстерс, у меня пропала ценная пиксида. Если я не ошибаюсь, Мэтью тогда вас сопровождал. Я вот задаю себе вопрос: может быть, я подарила вам эту шкатулку, а потом просто забыла об этом?

О нет. Корделия прекрасно помнила, что случилось с пиксидой, украденной у Гипатии: она взорвалась при попытке заключить туда демона-мандихора. Девушка бросила быстрый взгляд на Мэтью, но тот лишь небрежно пожал плечами и схватил кружку глинтвейна с подноса проходившего мимо фэйри-официанта. Корделия откашлялась.

– Вообще-то, припоминаю, что так оно и было. Вы еще при этом пожелали мне удачи.

– Это был не просто ценный подарок, – добавил Мэтью, – помимо всего прочего, она очень помогла нам спасти Лондон от полного уничтожения.

– Именно, – подхватила Корделия. – Ваша пиксида сыграла ключевую роль. Она была абсолютно необходима для предотвращения страшной катастрофы.

– Мистер Фэйрчайлд, вы плохо влияете на мисс Карстерс. В результате общения с вами она стала излишне дерзкой. – Гипатия смотрела в упор на Корделию, но по выражению ее лица нельзя было догадаться, о чем она думает. – Должна сказать, я несколько удивилась, увидев вас сегодня. Мне казалось, что в ночь перед свадьбой невеста Сумеречного охотника должна точить меч или тренироваться в обезглавливании манекенов.

Корделия начинала недоумевать, с какой целью Мэтью привез ее в Альков. Ей совершенно точно не хотелось проводить вечер накануне свадьбы, подвергаясь насмешкам надменных чародейек, пусть даже в роскошном интерьере.

– Я не такая, как остальные невесты Сумеречных охотников, – сухо ответила она.

Гипатия лишь усмехнулась.

– Как вам будет угодно, – произнесла она. – Мне кажется, кое-кто из моих гостей желает с вами пообщаться.

Корделия, проследив за ее взглядом, очень удивилась при виде двух знакомых молодых женщин, сидевших за столиком. Одной из них была Анна Лайтвуд, как всегда ослепительная в облегающем фраке и синих гетрах, а второй – Люси Эрондейл в милом наряде цвета слоновой кости, отделанном стеклярусом. Подруга оживленно махала Корделии.

– Это ты их пригласил? – обратилась она к Мэтью, который в этот момент в очередной раз прикладывался к фляге. Он запрокинул голову, поморщился, обнаружив, что выпивка закончилась, закрыл крышку и убрал флягу в карман. Глаза его лихорадочно блеснули.

– Да, – ответил он. – Я не могу с тобой оставаться, мне нужно к Джеймсу на вечеринку, но я оставляю тебя в надежных руках. Девушки получили задание танцевать и пить с тобой вино, сколько тебе будет угодно. Приятного вечера.

– Спасибо. – Корделия приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать Мэтью в щеку, и почувствовала аромат пряностей, смешанный с резким запахом бренди. В последний момент он почему-то повернул голову, и Корделия нечаянно коснулась губами его губ. Она поспешно отстранилась, но успела заметить, что Келлингтон и Гипатия внимательно наблюдают за этой сценой.

– Не уходи, Фэйрчайлд, я вижу, твоя фляга опустела, – заговорил Келлингтон, внезапно очутившийся рядом с ними. – Пойдем со мной к бару, я прикажу наполнить ее любым напитком – все, что пожелаешь.

Он смотрел на Мэтью с каким-то странным выражением – Корделия вдруг вспомнила, что после того откровенного танца оборотень впился в нее точно таким же взглядом. В нем угадывалась жажда или, пожалуй, страстное желание.

– Я никогда не отказываюсь от предложений получить «все, что пожелаю», – хмыкнул Мэтью и позволил Келлингтону увлечь себя в гущу толпы. Корделия хотела было окликнуть друга и попрощаться, но решила оставить его в покое; кроме того, Анна жестами приглашала ее присоединиться к ним за столиком.

Девушка оставила Гипатию и направилась к своим подругам, но в тот момент, когда она находилась посередине зала, внимание ее случайно привлекло какое-то движение среди теней – там обнимались двое мужчин. Она невольно вздрогнула, сообразив, что видит Мэтью и Келлингтона. Мэтью прислонился спиной к стене, а оборотень, который был выше ростом, склонился над юношей.

Рука Келлингтона ласкала затылок Мэтью, пальцы его перебирали золотистые локоны.

Корделия увидела, как Мэтью недовольно тряхнул головой, а потом танцующие заслонили их; когда фэйри унеслись прочь, она увидела, что Мэтью исчез, а Келлингтон с мрачным видом возвращается к Гипатии. Она сама не понимала, почему этот эпизод так потряс ее. Для нее не являлся новостью тот факт, что Мэтью интересовали не только женщины, но и мужчины; кроме того, его не связывали никакие обязательства, он волен был развлекаться как угодно и с кем угодно. Но что-то в Келлингтоне вызывало у Корделии смутную тревогу. Она взмолилась про себя Ангелу, попросила его дать Мэтью хоть немного здравого смысла и осторожности...

Кто-то коснулся ее плеча.

Резко обернувшись, она увидела совсем рядом женщину – ту самую фэйри, которая недавно сидела за столом с Келлингтоном. На фэйри было бархатное платье изумрудного цвета и кольцо из мерцающих синих камней.

– Прошу прощения, – произнесла она хриплым, нервным голосом. – Вы не... вы не та самая девушка, которая танцевала для нас несколько месяцев назад?

– Это я, – осторожно ответила Корделия.

– Да, ваше лицо сразу показалось мне знакомым, – сказала фэйри. Она была бледной и выглядела взволнованной. – Я восхищена вашим мастерством. И мечом, конечно же. Я права, предполагая, что ваш клинок – это легендарная Кортана? – Последнее слово она произнесла шепотом, словно упоминание названия меча требовало недюжинной смелости.

– О нет, что вы, – рассмеялась Корделия. – Это копия. Всего лишь искусно выполненная копия.

Фэйри смотрела на нее несколько мгновений, потом тоже рассмеялась.

– О, превосходно! – воскликнула она. – Я иногда забываю о том, что смертным свойственно шутить. Шутка – это такая маленькая ложь, предполагается, что она должна забавлять собеседника, верно? Но любой фэйри безошибочно узнает творение кузнеца Велунда⁶. – Женщина рассматривала меч с восхищением. – Должна сказать, что Велунд – величайший из оружейников, работающих на Британских островах.

Корделия резко выпрямилась.

⁶ Велунд – бог-кузнец, персонаж скандинавской и англо-саксонской мифологии. В Англии его имя связывают с мегалитической гробницей Уэйлендз-Смайти («Кузница Велунда»). Памятник датируется примерно 3500 г. до н. э. и расположен в графстве Оксфордшир (до 1974 г. эта территория относилась к графству Беркшир). Согласно народному поверью, путник, чей конь потерял подкову, должен был оставить коня и серебряную монету на ночь у кургана, и наутро конь оказывался подкованным. Велунду приписывалось создание мечей короля Артура и других знаменитых героев, а также коронационных мечей английских (Кортана) и французских королей (Жуайёз).

– Работающих? – повторила она. – Вы хотите сказать, что кузнец Велунд еще жив?

– Ну разумеется! – подтвердила фэйри, радостно хлопая в ладоши, и Корделия подумала: наверное, сейчас ей сообщат, что Велунд – вон тот захмелевший гоблин с абажуром на голове, мирно попивающий вино в темном углу. Но незнакомка продолжала: – Уже много веков ни одно из его творений не попадало в руки смертных, но говорят, что пламя еще горит в его горне, в кузнице под курганом среди меловых холмов Беркшира.

– Вот как, – пробормотала Корделия, пытаясь перехватить взгляд Анны и знаками позвать ее на помощь. – Очень интересно.

– Если вам вдруг захочется познакомиться с создателем Кортаны, я могу это устроить. Нужно пройти мимо большой белой лошади и спуститься под холм. Это обойдется вам всего лишь в монетку и обещание...

– Нет, – твердо произнесла Корделия. Возможно, она и была несколько наивной по сравнению с остальными посетителями салона, но ей было прекрасно известно, что следует делать, когда фэйри предлагают тебе сделку: категорически отказаться.

– Приятного вечера, – добавила она. – К сожалению, я должна идти.

Повернувшись к фэйри спиной, она услышала слова, произнесенные негромким голосом:

– Знаете, совсем не обязательно выходить замуж за мужчину, который вас не любит.

Корделия застыла на месте, потом медленно оглянулась. Сонное выражение исчезло с лица женщины: та смотрела на нее внимательно, настороженно.

– Есть другие пути, – продолжала она. – Я могу вам помочь.

Корделия огромным усилием воли заставила себя сделать бесстрастное лицо.

– Меня ждут друзья, – ответила она ледяным тоном и ушла. Сердце стучало оглушительно, словно молот. Она бессильно упала в кресло напротив Анны и Люси. Девушки жизнерадостно приветствовали ее, но она едва улыбнулась в ответ: мысли ее были далеко.

«За мужчину, который вас не любит». Откуда этой фэйри известно об их отношениях?

– Маргаритка! – воскликнула Анна. – Может быть, ты все-таки обратишь на нас внимание? Мы, как-никак, пытаемся тебя развлечь.

Она пила шампанское из высокого бокала. Анна взмахнула рукой, и кто-то тут же услужливо подал ей второй, который она протянула Корделии.

– Ура! – восторженно воскликнула Люси, потом вернулась к своему занятию: не обращая внимания ни на кружку с сидром, ни на подруг, она яростно строчила в блокноте, время от времени поднимала голову и рассеянно смотрела куда-то в пространство.

– На тебя снизошло вдохновение, дорогая? – спросила Корделия. Сердцебиение постепенно приходило в норму. Фэйри постоянно несут всякую чушь, убеждала она себя. Должно быть, эта девица подслушала, как Гипатия говорит с Корделией о свадьбе, и решила сыграть с ней злую шутку, зная, как волнуется каждая невеста накануне важного дня. Наверное, всех девушек время от времени одолевают сомнения в любви жениха. Возможно, в случае Корделии эти опасения были оправданны, но подобные страхи знакомы многим, а фэйри свойственно играть на страхах смертных. Этот разговор совершенно ничего не значит – просто попытка заполучить у Корделии то, что на самом деле нужно было фэйри: монету и обещание.

Люси взмахнула рукой, в которой была зажата ручка. Пальцы ее были перепачканы чернилами.

– Здесь столько интересного материала, – прошептала она. – Ты видела Малкольма Фейда? Смотри, вон там! Просто восхитительный фрак. Ты знаешь, я решила, что лорд Кинкейд будет не бравым морским офицером, а талантливым художником, чьи картины сочли непристойными и запретили выставлять в Лондоне; он переедет в Париж, сделает прекрасную Корделию своей музой, и его будут принимать в самых знаменитых салонах...

– А куда подевался герцог Бланкширский? – удивилась Корделия. – Я думала, что моя тетка вскоре станет герцогиней.

– Он умер, – сообщила Люси, слизывая чернила с пальца. На шее у нее поблескивала цепочка. Она уже несколько месяцев носила простой золотой медальон, и когда Корделия спросила, откуда у нее новое украшение, подруга ответила, что это старинная семейная реликвия, приносящая удачу. Корделия до сих пор помнила минуту, когда увидела медальон впервые, помнила блеск золота в полумраке – это было в ту самую ночь, на кладбище Хайгейт, когда Джеймс едва не погиб от отравления демоническим ядом. Одно время Корделии хотелось подробнее расспросить Люси о «семейной реликвии», но потом она напонила себе о том, что сама утаивает многие вещи от своего будущего парабата. Нет, она не имела права вмешиваться в жизнь Люси и требовать от нее абсолютной откровенности, особенно когда речь шла о такой мелочи, как медальон.

– Значит, это будет роман с трагическим финалом, – заметила Анна и повертела в пальцах бокал с шампанским, любуясь сверкающими пузырьками.

– О, вовсе нет, – возразила Люси. – Просто... мне кажется, неинтересно, когда главная героиня навеки связана с одним-единственным мужчиной. Мне хотелось, чтобы она пережила захватывающие любовные приключения.

– Не совсем уместный разговор накануне свадьбы, – хмыкнула Анна, – но, признаюсь, я в каком-то смысле согласна с Люси. Кроме того, остается надежда на то, что тебя, Маргаритка, даже после свадьбы ждут новые приключения. – Анна поднесла к губам бокал, и в ее синих глазах сверкнули странные искорки.

Люси тоже взялась за свою кружку.

– За конец свободы! За начало счастливого тюремного заключения!

– Чепуха, Люси, – отрезала Анна. – Наоборот, свадьба для женщины – это освобождение.

– Как это? – полюбопытствовала Корделия.

– В глазах общества, – пояснила Анна, – незамужняя леди пребывает во временном, так сказать, переходном состоянии перед замужеством и поэтому обязана «вести себя прилично» и с нетерпением ждать предложения руки и сердца. Замужняя женщина, напротив, может флиртовать с кем угодно, не боясь подмочить свою репутацию. Может свободно путешествовать без сопровождения родных, куда ей вздумается. Например, в мою квартиру и из нее.

Люси широко распахнула глаза.

– Ты хочешь сказать, что у тебя были романы с замужними женщинами?

– Я хочу сказать, что с замужними это случается чаще, чем с девицами, – пожала плечами Анна. – Согласись, замужняя дама пользуется большей свободой. Девушки никогда не выходят из дома без матери, отца или брата в качестве сопровождающего, это неприлично. Выйдя замуж, женщина получает возможность беспрепятственно посещать магазины, лекции, встречаться с друзьями – словом, у нее имеется дюжина предлогов оставить семейный очаг, чтобы продемонстрировать поклоннику очередную модную шляпку.

Корделия хихикнула. Общение с Анной и Люси неизменно поднимало ей настроение.

– А тебе, насколько я понимаю, нравятся дамы в модных шляпках.

Анна подняла указательный палец и с важным видом изрекла:

– По собственному опыту могу сказать, что дама, которая способна выбрать шляпку, подходящую к ее лицу, с таким же вниманием относится и к прочим деталям своего туалета.

– Мудрое замечание, – улыбнулась Люси. – Ты не возражаешь, если я вставлю эту фразу в свой новый роман? Такое изречение вполне в духе лорда Кинкейда.

– Разумеется, не возражаю, моя милая, – сказала Анна. – Ведь ты уже похитила у меня половину совершенно оригинальных афоризмов. – Она оглядела собравшихся. – Ты видела, что Мэтью ушел с Келлингтоном? Надеюсь, это не начнется заново.

– А что у них было с Келлингтоном? – поинтересовалась Люси.

– В прошлом году он едва не разбил Мэтью сердце, – объяснила Анна. – У Мэтью имеется дурная привычка связываться с теми, кто разбивает ему сердце. Видимо, сказывается предрасположенность к безответной любви.

– Правда? – пробормотала Люси, снова начиная царапать что-то в блокноте. – Боже мой.

– Приветствую вас, прекрасные дамы, – произнес высокий молодой человек со смертельно бледным лицом и волнистыми каштановыми волосами. Корделия даже вздрогнула от неожиданности – незнакомец возник рядом с их столиком словно по волшебству. – Я ослеплен вашей красотой. Кто из вас жаждет потанцевать со мной первой?

Люси вскочила.

– Я потанцую с вами! – воскликнула она. – Вы ведь вампир, верно?

– Э... ну да.

– Превосходно. Мы потанцуем, и вы поведаете мне о жизни неумирающих. Вы преследуете красивых женщин на улицах в надежде насладиться глотком крови аристократки? А по ночам оглашаете кладбища рыданиями, потому что ваша душа проклята навеки, верно?

Темные глаза молодого человека беспокойно забегали.

– Я всего лишь хотел пригласить вас на вальс, – пролепетал он, но Люси уже подхватила его под руку и увлекла в центр зала. Музыка внезапно заиграла громче, и Корделия чокнулась с Анной. Обе рассмеялись.

– Бедняга Эдвин, – заметила Анна, глядя на танцующих. – Он ужасно нервничает по любому поводу даже в привычной обстановке. А теперь, Корделия, я раздобуду нам еще по бокалу шампанского, и ты расскажешь мне все о завтрашней свадьбе, до мельчайших подробностей.

2

Ускользающее видение

«А если невзначай, на ступеньках дворца, на зеленой траве в лощине, в сумрачном одиночестве собственной спальни, вы очнетесь – а хмель истончился или прошел, спросите у ветра, у волны, у звезды, у птицы, у стенных часов, у всего, что ускользает, стонет, катится, поет, говорит – спросите, который час; и ветер, волна, звезда, птица, стенные часы вам ответят: “Пора опьяняться! Чтобы не быть рабами, которых терзает Время – опьяняйтесь; опьяняйтесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью, чем хотите”»⁷.

Шарль Бодлер, «Опьяняйтесь»
(«Парижский сплин», XXXIII)

– Осторожно, сзади! – в ужасе вскрикнул Кристофер, и Джеймс прижался к стене. Два оборотня, сцепившихся в пьяной драке, едва не сбили его с ног. Томас поднял бокал над головой, чтобы не разлить пиво – со всех сторон их пинали, толкали и задевали разбушевавшиеся посетители.

Джеймс был не вполне уверен в том, что таверна «Дьявол» является подходящим местом для прощальной холостяцкой вечеринки, поскольку он и без того проводил здесь больше времени, чем дома. Но Мэтью проявил необыкновенную настойчивость в этом вопросе и намекнул, что подготовил для жениха нечто особенное.

Джеймс оглядел зал, до отказа забитый буйными жителями Нижнего Мира, и вздохнул про себя.

– Я полагал, что вечер пройдет в более спокойной обстановке.

Когда они приехали, посетители вели себя относительно мирно. Был обычный, довольно оживленный вечер. Гоблины, оборотни и домовые выпивали, болтали и в целом занимались своими делами; никто даже не взглянул в сторону Сумеречных охотников. Джеймс уже собрался незаметно проскользнуть наверх, в занимаемые «Веселыми Разбойниками» частные комнаты, где можно было расслабиться в знакомой обстановке в компании приятелей. Однако Мэтью, войдя в зал, сразу же забрался на стул, постучал стило о металлический подсвечник, чтобы привлечь всеобщее внимание, и выкрикнул:

– Друзья! Сегодня мой парабатай Джеймс Джереми Джозафат Эрондейл прощается с холостяцкой жизнью!

Все восторженно завывали и заухали.

Джеймс помахал рукой в знак благодарности, надеясь на то, что этим все и закончится, но оказалось, так просто ему не отделаться. Самые разнообразные существа Нижнего Мира подходили к нему, чтобы пожать руку, похлопать по спине и пожелать счастья. К собственному изумлению, Джеймс обнаружил, что знает почти всех присутствующих – точнее, знал их с тех пор, как был мальчишкой. Они видели, как он взрослеет и становится мужчиной.

Здесь была Ниша, «самая старая вампирша из самой старой части этого старого города», как она всегда себя называла. Здесь были два Сиды, оборотни, которые вечно спорили о том, кому из них называться «Сидом», а кому – «Сидни». Жениха подошла поздравить и кучка странных хобгоблинов. Они болтали исключительно между собой, никогда не разговаривали с посторонними, но периодически – по-видимому наугад – посылали выпивку другим посети-

⁷ Перевод Е. В. Баевской.

телям. Хобгоблины окружили Джеймса и потребовали, чтобы он допил виски, которое кто-то сунул ему в руку, потому что собирались его угостить.

Джеймс был искренне тронут, но тут же, естественно, вспомнил о том, что брак его будет фиктивным, и его охватило странное, неприятное чувство. «Мы разведемся через год, – подумал он. – Если бы они это знали, то так бы не радовались».

После своей короткой речи Мэтью скрылся на втором этаже и бросил друга на растерзание буйным гостям, которые, получив новый повод для выпивки, пошли вразнос. И, разумеется, дело кончилось тем, что Сид набросился с кулаками на другого Сиду, а стены и пол таверны содрогнулись от оглушительного улюлюканья гостей.

Томас недовольно нахмурился, но, воспользовавшись преимуществами высокого роста и могучего телосложения, растолкал пьяных и помог друзьям укрыться в более укромном углу зала.

– Веселее, Томас, – пробормотал Кристофер. Его каштановые волосы растрепались, очки он поднял на лоб. – Специальное представление Мэтью должно начаться... – Он бросил в сторону лестницы взгляд, полный надежды. – С минуты на минуту.

– Когда Мэтью планирует что-то «специальное», обычно получается нечто ужасно восхитительное или восхитительно ужасное, – заметил Джеймс. – Кто-нибудь хочет заключить пари насчет того, что произойдет сегодня?

Кристофер улыбнулся уголком губ.

– Нечто необыкновенно прекрасное, если верить Мэтью.

– Это может быть что угодно, – пробормотал Джеймс, наблюдая за дракой. Барменша Полли бесстрашно пыталась разнять Сидов, в то время как водяной Пиклз принимал ставки на победителя.

Томас расцепил руки, скрещенные на груди, и сказал:

– Это русалка.

– Это... что? – изумился Джеймс.

– Русалка, – повторил Томас. – Она исполнит нам нечто вроде... похотливого русалочьего танца.

– Какая-то его подруга из числа дам полусвета, – вставил Кристофер, который, судя по его тону, весьма гордился знанием слова «полусвет». Естественно, круг общения Мэтью, включавший поэтов и куртизанок, был чужд Кристоферу с его тинктурами и пробирками и совершенно не знаком Томасу, который проводил время или за книгами, или в бесконечных тренировках. Тем не менее оба с радостным предвкушением ждали «похотливых танцев».

– Что конкретно она будет делать? – спросил Джеймс. – И... где она будет это делать?

– Надеюсь, в большом аквариуме, – сказал Кристофер.

– Что касается твоего первого вопроса, – добавил Томас, – наверняка исполнит нечто божественное с колокольчиками, кастаньетами и вуалью. Ну, я так думаю.

Кристофер внезапно беспокоился.

– А вуаль не намокнет?

– Это будет незабываемо, – увлеченно продолжал Томас. – Так Мэтью говорит. Несравненная красота, и все такое прочее.

Джеймс невольно потянулся к серебряному браслету, который носил на запястье, и рассеянно провел пальцами по гладкой поверхности. В последнее время он почти забыл о нем, не обращал на него внимания. Это украшение подарила Джеймсу Грейс Блэкторн, когда ему было четырнадцать лет. Но сейчас приближалась его свадьба с другой женщиной, и Джеймс изо всех сил старался не думать о Грейс.

«Один год», – повторил про себя Джеймс. Он должен временно забыть о Грейс, не думать о ней еще один год. Такое обещание они дали друг другу. Кроме того, он дал слово Корделии, что не будет видиться с Грейс наедине, не будет больше переписываться с бывшей возлюблен-

ной. Джеймс понимал: если кто-нибудь узнает об этом, над Корделией, его невестой, потом женой, будут насмехаться, это будет унижительно для нее. В свете должны считать, что их брак – самый что ни на есть настоящий.

При мысли о том, что Корделия увидит этот браслет завтра, на свадьбе, Джеймсу стало не по себе. Он твердо решил снять украшение сразу после возвращения домой. Конечно, Грейс может счесть это оскорблением, но, оставив браслет, он унизит тем самым свою будущую супругу. В тот день, когда они с Корделией обручились, Джеймс твердо решил, что никогда не предаст ее, не нарушит свои брачные клятвы ни словом, ни делом. Возможно, он не сможет быть верным жене в сердце и в мыслях, но ему было вполне по силам спрятать подальше символ любви к другой.

Тем временем в противоположном конце зала домовые под руководством Полли соорудили подмости, на которых действительно установили огромный стеклянный бак с водой. Два домовых расставляли на «сцене» канделябры, пытались устроить нечто вроде театрального освещения, остальные сновали по залу, отодвигали столы к стенам и освобождали место для зрителей.

Заскрипели ступени, и появился Мэтью. Волосы его отливали золотом в свете множества свечей; пиджак он оставил в комнате и был одет лишь в сорочку и синий жилет с зелеными полосками. Он ловко перемахнул через перила и, очутившись на сцене, поднял руки и призвал к тишине. Однако посетители, не обращая на него внимания, продолжали громко переговариваться и стучать кружками. В конце концов Сид не выдержал, захлопал в ладоши и заорал:

– Эй, вы все! Тихо, не то я разобью кое-кому его паршивую башку!

– Вот именно! – крикнул второй Сид. Очевидно, они решили временно забыть о своих разногласиях.

Посетители кабака довольно долго ворчали и ругались, и какой-то оборотень злобно прорычал:

– Паршивую башку, значит! Ну, я это тебе припомню!

Однако минут через пять все уgomонились.

– Погодите, – прошептал Джеймс. – А каким образом русалка спустится по лестнице?

Последовала небольшая пауза. Кристофер, который в это время протирал очки, поднял голову и в некотором недоумении пробормотал:

– А как русалка поднялась по лестнице?

Томас пожал плечами.

– Еще раз добрый вечер, мои дорогие друзья! – выкрикнул Мэтью и подождал, пока стихнут вежливые аплодисменты. – Сегодня в честь торжественного события в жизни нашего старого друга и завсегдатая «Дьявола» мы хотим представить вам нечто воистину необычайное и исключительное. Вы весьма любезно терпели присутствие «Веселых Разбойников» в течение нескольких лет...

– Мы просто решили, что вы, Сумеречные охотники, совершили налет на наш трактир, – весело перебила его Полли, – но не торопитесь довести его до конца.

– Завтра один из нас – точнее, первый из нас – бесстрашно встретит свою судьбу и присоединится к несчастным страдальцам, скованным цепями брака, – продолжал Мэтью. – Зато сегодня мы с шиком отметим его прощание со свободной жизнью!

Зал содрогнулся от оглушительного шума, в котором смешались радостные выкрики, уханье и гогот, не совсем пристойные шуточки и стук кружек по столам. Какой-то сатир и странное приземистое рогатое существо, занимавшие места в первом ряду, вскочили на ноги и изобразили похотливые объятия; они стонали и извивались до тех пор, пока кто-то не швырнул в них увесистую палку колбасы. Хобгоблин, сидевший за пианино, забренчал легкомысленную мелодию. Мэтью достал из кармана колдовской огонь, поднял высоко над головой, и в свете волшебного камня все увидели какую-то фигуру, спускавшуюся по ступеням.

Джеймс подумал: наверное, сегодня впервые за всю историю Сумеречных охотников колдовской огонь будет использован в качестве сценического освещения. А в следующий момент, когда он пригляделся к фигуре, все мысли разом вылетели у него из головы. Кристофер издал какой-то странный булькающий звук, а Томас просто таращился на необыкновенное явление.

У русалки были ноги смертной женщины. Длинные, стройные и, как невольно отметил Джеймс, весьма привлекательные. Ноги были задрапированы полупрозрачными юбками из экзотических водорослей.

К несчастью, выше талии это была не женщина, а рыба с огромными круглыми глазами. Широко разинутым ртом рыба жадно хватала воздух. Чешуя отливала красивым металлическим блеском, но потрясенный Джеймс не мог отвести взгляда от немигающих желтых глаз размером с суповую тарелку.

Зрители совершенно обезумели, шум стал в два раза громче прежнего. Какой-то оборотень замогильным голосом взвыл:

– КЛАРИБЕЛЛА!

– Представляю вам русалку Кларибеллу! – заорал Мэтью.

Возбужденная толпа свистела и топала ногами. Джеймс, Кристофер и Томас по-прежнему молча взирали на эту картину.

– Русалка вверх ногами, – наконец пробормотал Джеймс, обретя дар речи. К несчастью, пока он был не в силах выразиться осмысленно.

– Мэтью нанял «обратную русалку», – подхватил Томас. – Но зачем?

– Интересно, что это за рыба, – вслух размышлял Кристофер. – Может быть, существует несколько разновидностей русалок, и каждая состоит в родстве с особым видом рыбы? Например, акула, сельдь и тому подобное?

– А я сегодня на завтрак ел копченую рыбу, – печально признался Томас.

«Обратная русалка» начала покачивать бедрами с непринужденностью опытной танцовщицы кабре. Захлопали небольшие плавники, тянувшиеся вдоль боков.

Надо отдать должное Мэтью, подумал Джеймс: завсегдатаи таверны «Дьявол» оказались искренними почитателями Кларибеллы и ее таланта. Когда танец был окончен, она скрылась в аквариуме от наиболее восторженных поклонников.

– В ней и правда что-то есть, – пробормотал Кристофер и с надеждой взглянул на Джеймса. – Согласен?

– Надо было пойти кататься на санях с Паунсби, – буркнул Джеймс.

– Ты не против тихого вечера наверху? – сочувственно предложил Томас. – Я сейчас проложу нам дорогу.

Когда они протискивались следом за Томасом сквозь толпу существ Нижнего Мира, Мэтью, который в это время продавал билеты на приватные танцы Кларибеллы, заметил их и прыгнул со сцены.

– Ищешь блаженного уединения? – спросил Мэтью, подхватив Джеймса под руку. От него пахло, как обычно, одеколоном и бренди – и еще почему-то немного дымом и опилками.

– Я собираюсь сидеть наверху с вами троими, – сказал Джеймс. – Не назвал бы это «уединением».

– Значит, назовем это покоем, – хмыкнул Мэтью. – «Ты цепенел века, глубоко спящий, наперсник молчаливой старины...»⁸

Когда они начали подниматься по лестнице, Эрни, хозяин таверны, взобрался на сцену и попытался пуститься в пляс с Кларибеллой. Русалка, взмахнув короткими плавниками, без труда увернулась от кабатчика и прыгнула в ванну с джином, обиталище водяного Пиклза.

⁸ Джон Китс, «Ода к греческой вазе». Перевод В. А. Комаровского.

Мгновение спустя она вынырнула и выпустила изо рта фонтан алкоголя, а Пиклз заржал от восторга.

Через несколько секунд друзья очутились в своей комнате, и Томас как следует запер дверь на засов. В помещении было холодно, сквозь прореху в крыше на истертый ковер капала вода, но Джеймс почувствовал себя так, словно вернулся домой. Это была «штаб-квартира» «Веселых Разбойников», их убежище, надежное укрытие от внешнего мира; и это было единственное место, где Джеймсу хотелось сейчас находиться. Снегопад усилился, и ветер швырял белые хлопья в окна со свинцовыми переплетами.

Пока Томас искал пустой горшок, чтобы подставить под дыру в потолке, Кристофер, опустившись на колени у очага, переворачивал отсыревшие поленья, которые, очевидно, долго лежали в снегу. Повозившись с дровами, он вытащил из кармана странный предмет – небольшую колбочку, к которой была подсоединена металлическая трубка. Над этим новейшим изобретением, «химической зажигалкой», Кристофер трудился несколько недель. Он щелкнул переключателем, и колбочка наполнилась розовым газом. Раздался негромкий хлопок, и из трубочки вырвался язычок пламени; однако пламя тут же погасло, и из трубки повалил густой черный дым.

– О, прошу прощения, я не думал, что так получится, – пробормотал Кристофер, пытаясь заткнуть трубочку носовым платком. Джеймс и Мэтью, возмущенно переглянувшись, ринулись к окну. Все начали кашлять и судорожно хватать ртом воздух. Томас схватил с полки потрепанную книгу и принялся махать ею, пытаясь выгнать черный дым в форточку. Друзья распахнули все окна и двери и с помощью полотенец, пиджаков и каких-то тряпок, оказавшихся под рукой, стали помогать Томасу. Через некоторое время ядовитый дым рассеялся, однако в комнате по-прежнему висел едкий запах, а стены и мебель покрылись тонким слоем сажи.

Мэтью и Джеймс захлопнули окна. Томас сходил в соседнюю комнату за сухими дровами, и когда Кристофер попробовал разжечь огонь – на этот раз обычными спичками, – и у него все получилось. Все четверо, дрожа от холода, собрались у круглого стола, стоявшего посередине комнаты; Мэтью взял руки Джеймса в свои и начал яростно их растирать.

– По-моему, неплохой способ провести последний вечер в качестве холостяка, – заметил он.

– В любом случае я предпочитаю провести его в вашей компании, – ответил Джеймс, стуча зубами. – Во-первых, только вам известна правда об этой свадьбе.

– И поэтому мы даже не надеялись на то, что последний вечер будет веселым, как это обычно бывает, – фыркнул Мэтью. Он отпустил руки Джеймса и принес из буфета четыре бокала. Словно по волшебству, в его руках появилась бутылка бренди, и он налил каждому по щедрой порции.

Он говорил легкомысленным тоном, но Джеймс уловил в его голосе нотки горечи и подумал: интересно, сколько бокалов Мэтью успел выпить до появления в таверне?

– А мне, наоборот, показалось, что представление Кларибеллы развеселило посетителей, – возразил Томас.

– А ты знал, что она – «обратная русалка»? – с невинным видом спросил Кристофер, широко распахнув лиловые глаза.

– Э-э... – протянул Мэтью, снова наполняя свой опустевший бокал. – В общем, нет. То есть ее агент сказал, что она не такая, как все, но я просто подумал, что она совсем необразованная, или немая, или что-то в этом духе. Я все равно нанял ее, потому что мне не хотелось выглядеть снобом.

Томас подавился спиртным.

– Тебе следовало взглянуть на нее, прежде чем платить агенту, – заметил Джеймс и отпил немного бренди. Янтарная жидкость обожгла внутренности, и он почувствовал, что постепенно согревается. Огонь весело трещал в камине, создавая уютную атмосферу.

Он всего лишь хотел пошутить, но Мэтью состроил обиженную гримасу.

– Я же старался, – оправдывался он. Потом обратился к Томасу и Кристоферу: – А от вас я не услышал ни одной идеи насчет сегодняшнего вечера.

– Ты даже спрашивать не стал, сразу сказал, что уже обо всем позаботился, – огрызнулся Томас.

– Самое важное, – вмешался Кристофер, стремясь задушить ссору в зародыше, – что мы вместе. И еще, конечно, важно вовремя доставить Джеймса на завтрашнюю церемонию.

– Конечно. Ведь жениху не терпится стать законным мужем своей нареченной невесты, – медленно проговорил Мэтью, и друзья в тревоге переглянулись. Они почти никогда не ссорились и редко спорили, и уж тем более никто никогда не слышал о ссорах между Джеймсом и Мэтью.

Мгновение спустя до Мэтью, по-видимому, тоже дошло, что последнее замечание было лишним. Из шкафа выглянул скелет, о котором предпочитали не упоминать. Мэтью трясущимися руками достал из кармана флягу и приложился к ней, но оказалось, что она пуста. Он швырнул флягу на диван и посмотрел на Джеймса. Глаза его неестественно ярко блестели.

– Джейми, – заговорил он. – Сердце мое. Брат мой. Ты не обязан это делать. Ты не обязан взваливать на себя это бремя. Ты ведь и сам это знаешь, верно?

Кристофер и Томас затаили дыхание, вцепившись в подлокотники кресел.

– Но Корделия... – начал Джеймс.

– А тебе никогда не приходило в голову, что Корделия тоже не хочет выходить за тебя замуж? – перебил его Мэтью. – Фиктивный брак – знаешь, вряд ли можно назвать это мечтой любой девушки...

Джеймс медленно встал из-за стола. Сердце отчаянно колотилось в груди.

– Ради того, чтобы спасти меня от суда Конклава и тюремного заключения за поджог, уничтожение чужой собственности и бог знает за что еще, Корделия солгала Инквизитору. Она сказала, что ту ночь мы провели вместе. – Он говорил хрипло, но четко, уверенно. – Ты знаешь, что это означает для женщины. Ради меня она навеки погубила свою репутацию.

– Но ее репутация спасена, – возразил Кристофер. – Ты...

– Предложил ей руку и сердце, – сказал Джеймс. – Нет, к черту, я просто сказал ей, что мы поженимся. Потому что Корделия действительно отказала бы мне, если бы я предоставил ей такую возможность. Она ни за что на свете не согласилась бы принуждать меня, не потерпела бы, чтобы я пожертвовал ради нее своим счастьем.

– А ты, выходит, это сделал? – спросил Томас, глядя на него в упор. – Ты пожертвовал ради Корделии своим счастьем?

– Ты можешь думать что хочешь, но для меня большим несчастьем было бы видеть ее опозоренной, – ответил Джеймс, – и знать, что это моя вина. Год брака с Маргариткой – это ничтожная цена за наше спасение. – Он вздохнул. – Вы что, забыли? Вы же все говорили, что это будет чертовски забавно! Чертовски забавная шутка!

– Видишь ли, чем ближе эта шутка становится к воплощению в жизнь, тем менее забавной она нам кажется, – пробормотал Кристофер.

– Какие уж там шутки, – буркнул Томас. – Брачные руны, нерушимые клятвы...

– Я это знаю, – прошептал Джеймс и отвернулся к окну. Лондон тонул в снегу. Они сидели в теплой комнате, освещенной уютным светом ламп, а снаружи лежал белый холодный мир.

– И Грейс Блэкторн тоже знает, – заметил Мэтью.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Никто из них не упоминал имени Грейс при Джеймсе со дня приема в честь его помолвки. Это было четыре месяца назад.

– Откровенно говоря, я понятия не имею о том, что Грейс думает или знает, – заговорил Джеймс. – После нашего обручения она вела себя очень странно...

Мэтью криво усмехнулся.

– Несмотря на то, что у нее самой есть жених и она не имеет никакого права...

– Мэтью, – тихо сказал Томас.

– Я не говорил с ней несколько месяцев, – защищался Джеймс. – Не обменялся ни единым словом.

– Но ты не забыл, что спалил этот дом из-за нее, верно? – спросил Мэтью, снова подливая себе бренди.

– Не забыл, – коротко ответил Джеймс. – Но это не имеет никакого значения. Я дал Маргаритке слово и намерен его сдержать. Если вы считали, что нельзя позволить мне выполнить свой долг, вам следовало начать свою кампанию немного раньше. Свадьба назначена на завтра.

Никто не ответил на эти слова. Все четверо сидели молча, боясь пошевелиться. Снег залепил окна. Единственными звуками в комнате были потрескивание поленьев и завывание зимнего ветра. Джеймс смотрел на свое отражение в стекле: бледное лицо, черные волосы.

Наконец Мэтью нарушил молчание.

– Конечно, ты прав. Мы просто волнуемся за тебя. Ты слишком честный, слишком порядочный... Знаешь, иногда чужая доброта может ранить больше, чем любые дурные слова или дела.

– Я не настолько добр, – возразил Джеймс, отворачиваясь от окна, и внезапно комната и его друзья куда-то исчезли, и он почувствовал, что падает, проваливается вниз, в черную бездну, хотя понимал, что на самом деле стоит у окна в комнате над трактиром.

Наконец он приземлился на какую-то твердую поверхность.

«Нет, только не сейчас, этого не может быть». Но, поднимаясь на ноги, Джеймс увидел, что находится посреди серой пустыни, под мертвым пепельным небом. Это невозможно, повторял он про себя, – он сам видел, как разрушалось серое царство, слышал, как гневно ревел Велиал.

В последний раз, когда Джеймс побывал в этом царстве, Корделия у него на глазах вонзила свой знаменитый меч в грудь Велиалу. Невольно он представил, какой она была в тот миг: как занесла меч для удара, как развевались ее прекрасные волосы... Она была похожа на воинственную богиню или на аллегорическую фигуру с картины «Свобода, ведущая народ»⁹.

Это удар имел роковые последствия: в земле образовалась расселина, небеса разверзлись и из дыры хлынул кровавый свет. Велиал взревел от ярости, его лицо растрескалось, провалилось, рассыпалось, тело превратилось в груды песка, и ветер унес его прочь.

Велиал не умер, но рана, нанесенная Кортаной, лишила его могущества, и Джем сказал, что демон не сможет вернуться на Землю еще по меньшей мере сто лет. И действительно, с того дня все было спокойно. Джеймс ни разу не видел своего страшного деда, не посещал его призрачное царство. Но кто, если не Велиал, сейчас вторгся в его сознание и заставил перенестись на эту серую равнину?

Джеймс, прищурившись, огляделся по сторонам. Он видел эту страну множество раз во сне и во время загадочных приступов, поэтому сразу понял, что пейзаж изменился. На серой, прежде совершенно однообразной, равнине появились груды белых костей, песчаные дюны, корявые мертвые деревья. В отдалении, посреди каменистого поля, поросшего сорной травой, возвышалось массивное каменное здание, нечто вроде крепости. Только люди – или, по крайней мере, разумные существа – могли построить нечто подобное. Но прежде Джеймс ни разу не видел в царстве Велиала признаков цивилизации.

⁹ Картина французского художника Эжена Делакруа (1830).

Он неуверенно сделал шаг, но ничего не получилось – он как будто врезался в невидимую стену. Могучая воздушная волна ударила ему в лицо, ослепила его, заставила рухнуть на колени, а потом он, задыхаясь, полетел куда-то в бесконечный мрак. Он снова вращался, кувыркался и, наконец, больно ударился о деревянный пол.

Поморщившись, Джеймс заставил себя приподняться на локтях, сделал глубокий вдох и ощутил мерзкую вонь каких-то химикалий, смешанную с запахом дыма и сырой шерсти. Прежде чем перед глазами прояснилось, он услышал голоса. Громче всех вопил Мэтью.

– Джеймс! Джейми!

Джеймс слабо кашлянул. Во рту стоял металлический привкус, и он поднес дрожащую руку к губам. На пальцах остались алые и еще почему-то черные пятна. Чьи-то руки схватили его за запястья, грубо подняли на ноги, кто-то обнял его за плечи. Пахло бренди и одеколоном.

– Мэтью, – прохрипел он едва слышно.

– Воды! – воскликнул Кристофер. – Здесь есть вода?

– Я такую гадость не пью, – огрызнулся Мэтью, устраивая Джеймса на софе. Потом сел рядом и уставился в лицо другу так пристально, что тот рассмеялся, несмотря на весь ужас ситуации.

– У меня все в порядке, Мэтью, – заговорил он. – Не знаю, что ты хочешь увидеть в моих глазах.

– Я нашел воду, – вмешался Томас и, отпихнув в сторону Кристофера, протянул Джеймсу кружку. У Джеймса так сильно тряслись руки, что половину он пролил на рубашку. Кристофер похлопал его по спине, и через некоторое время, откашлявшись, Джеймс снова смог дышать и пить нормально.

Допив, он поставил пустую кружку на подлокотник дивана.

– Спасибо, Томас...

Он не успел договорить: Мэтью стиснул его в медвежьих объятиях, вцепился ему в рубашку, прижался лицом к его горячей щеке.

– Ты ушел в серое царство, – прошептал Мэтью, – ты стал похож на тень, как будто я пожелал, чтобы ты исчез, и мое желание исполнилось...

Джеймс откинулся на спинку дивана, убрал Мэтью волосы со лба, поправил ему одежду.

– Значит, тебе хочется, чтобы я исчез? – притворно строгим тоном спросил он.

– Нет. Иногда у меня возникает желание... исчезнуть самому, – вздохнул Мэтью. И Джеймс вдруг с содроганием понял, что его друг изменил своей привычке постоянно смеяться и шутить и на этот раз был совершенно серьезен.

– Никогда больше так не говори! – прошипел Джеймс и взглянул через плечо Мэтью на остальных «Веселых Разбойников», которые наблюдали за ними с озабоченными лицами. – Итак, я превратился в тень?

Томас кивнул. Мэтью откинулся на спинку дивана, но продолжал крепко держать друга за запястье, словно желая убедиться, что тот находится в мире живых и никуда отсюда не денется.

– А я думал, что эта чушь уже закончилась... – вздохнул Джеймс.

– Прошло несколько месяцев, – хмуро сказал Кристофер.

– Я считал, что ничего подобного с тобой больше не случится, – возмущался Томас. – Ведь царство Велиала уничтожено.

Джеймс постарался придать себе уверенный вид, хотел успокоить друзей – «это совершенно ничего не значит, для этого найдется сотня других объяснений, и вообще, наверняка это неважно», – но не смог произнести ни слова. Он чувствовал, что мертвое царство совсем рядом; он видел далекую крепость, окутанную дымом, в горле першило от гари.

Вне всяких сомнений, кто-то «помог» Джеймсу снова перенестись во владения Велиала. И едва ли это неизвестное существо желало ему добра.

– Я знаю, – наконец произнес он. – Я тоже так считал.

С наступлением ночи сильно похолодало; дома и деревья покрылись инеем. Корделия, находившаяся в приподнятом настроении, двигаясь несколько неуверенно после выпитого шампанского, выкарабкалась из институтского экипажа и излишне оживленно замахала Люси. Все окна в доме на Корнуолл-гарденс были темными.

– Спасибо за вечеринку-сюрприз! – воскликнула она, закрывая дверь кареты. – Вот уж никак не думала, что проведу вечер накануне свадьбы, играя в «блешки» с оборотнями.

– Ты думаешь, они жульничали? Мне показалось, они играли нечестно. Но все равно это было ужасно занятно. – Люси высунулась из окна и послала Корделии воздушный поцелуй. – Доброй ночи, моя дорогая! Завтра я буду твоей поверенной! Мы станем сестрами!

Лицо Корделии омрачила тень.

– Всего лишь на год.

– Нет, – твердо возразила Люси. – Что бы ни случилось, мы всегда будем сестрами.

Корделия улыбнулась, отвернулась от Люси и поднялась на крыльцо. Парадная дверь отворилась, и Люси разглядела силуэт Алистера, который держал лампу в высоко поднятой руке, подобно Диогену, ищущему честного человека. Кивнув Люси, он пропустил сестру в дом и захлопнул дверь; Люси постучала в стенку кареты, и Балий тронулся с места. Приглушенный топот копыт напомнил Люси стук дождя по крыше экипажа.

Она со вздохом откинулась на спинку сиденья, обитого синим шелком. Внезапно на нее навалилась усталость. Вечер показался ей бесконечным. Примерно в час ночи Анна скрылась куда-то в компании Лили, девушки-вампириши из Пекина. Люси приказала себе держаться до последнего: она была твердо намерена оставаться в Алькове до тех пор, пока Корделии не захочется домой. Люси знала, что подруга страшится завтрашнего дня, и прекрасно ее понимала. Конечно, люди женились не только по любви, браки по расчету были нередки в среде Сумеречных охотников. Но даже если такой брак является временным, размышляла Люси, все равно жених и невеста должны чувствовать себя ужасно. Корделии придется завтра напрячь все силы, чтобы достойно сыграть свою роль. И Джеймсу тоже.

– О чем задумалась? Даю пенни, чтобы узнать, – раздался совсем рядом негромкий голос. Люси резко подняла голову и невольно улыбнулась.

Джесс. Он сидел напротив нее, и его лицо освещал розоватый свет фонаря, укрепленного снаружи на стенке кареты. Она уже приучила себя не вздрагивать и не подскакивать на месте при его неожиданном появлении; в течение четырех месяцев, прошедших со дня их знакомства, она видела Джесса почти каждую ночь.

Он всегда выглядел одинаково. Он не становился выше ни на дюйм, волосы не нуждались в стрижке. Он всегда появлялся в тех же самых черных брюках и белой рубашке, и Люси не могла представить его в другой одежде. Его прозрачные глаза были зелеными, как пatina на старой монете.

Кроме того, в присутствии Джесса Люси всегда чувствовала себя так, словно чьи-то холодные пальцы прикасались к ее позвоночнику. Ее бросало то в жар, то в холод.

– Пенни – это очень мало, – ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал весело. – Я соглашусь поделиться своими ценными мыслями только за более высокую плату.

– К сожалению, у меня нет ни гроша, – ответил Джесс, демонстрируя пустые карманы. – Хорошо провели время в Алькове? Анна, как всегда, была очень элегантно одета; мне бы так хотелось, чтобы она дала мне совет по поводу жилетов и гетр, но ты сама понимаешь... – Он похлопал себя по груди, намекая на то, что не имеет возможности сменить одежду.

Люси улыбнулась призраку.

– Значит, ты там шнырял и подсматривал за нами? Я тебя не заметила.

Лишь в редких случаях она не видела Джесса, если он присутствовал в комнате. Четыре месяца назад ради спасения жизни Джеймса он отдал Люси свой последний вздох, глоток воз-

духа, заключенный в золотом медальоне, который она сейчас носила на шее. Люси боялась, что Джесс растает и исчезнет навсегда, но ее опасения оказались напрасными. Несмотря на то что Джесс, к ее досаде, оставался бесплотным, он был прекрасно виден – но только ей.

Он откинул голову на расшитую золотом спинку сиденья.

– Скажем так, я ненадолго заглянул туда, желая убедиться, что вы благополучно добрались до Алькова. Ночью по Бервик-стрит шляются всякие подозрительные личности: грабители, карманники, бродяги.

– Бродяги? – заинтересовалась Люси. – Точь-в-точь как персонаж из «Прекрасной Корделии».

– Кстати, о «Прекрасной Корделии». – Он направил на нее указательный палец. – Когда ты позволишь мне познакомиться с твоим великим произведением?

Люси замялась. Она давала Джессу почитать кое-что из своих ранних романов, в том числе «Спасение Принцессы Люси из когтей ее кошмарных родственников»; этот роман очень понравился Джессу, особенно впечатлил его отрицательный герой, Жестокий Принц Джеймс. Но «Прекрасная Корделия» – это было совершенно другое дело.

– Я сейчас ее редактирую, – ответила она. – Текст нуждается в серьезном редактировании. Любой роман требует тщательной полировки, как алмаз.

– Или как ботинки, – сухо заметил Джесс. – Я сам подумываю написать роман. О призраке, который ведет очень, очень скучную жизнь.

– А может быть, – предложила Люси, – тебе следует написать роман о призраке, у которого есть любящая сестра и преданная подруга. Которые все свое свободное время посвящают попыткам вернуть его из царства призраков на грешную землю.

Джесс ничего не ответил. Люси хотела пошутить, поднять ему настроение, но глаза его потемнели, лицо стало серьезным. Как странно, подумала она: даже когда человек превращается в привидение, его глаза остаются зеркалом души. А она знала, что у Джесса есть душа. И что он жив, как любой из людей, населяющих Землю, что он отчаянно жаждет вернуться в реальную жизнь, вырваться из «тюремного заключения» между жизнью и небытием. Днем Джесс спал и просыпался только после захода солнца.

Джесс выглянул в окно. Они проезжали по площади Пикадилли, почти безлюдной в такой поздний час. Статую Антэроса слегка припорошило снегом; у ее подножия спал бездомный.

– Не надейся слишком сильно, Люси. Иногда надежда бывает смертельно опасной.

– А ты говорил это Грейс?

– Она не желает меня слушать. Отмахивается от моих предостережений. Но я... мне не хотелось бы, чтобы ты испытала жестокое разочарование.

Люси подала призраку руку в синей лайковой перчатке. Джесс наблюдал за ее отражением в оконном стекле; себя он, конечно, не мог видеть. Возможно, это его устраивало.

Он перевернул руку ладонью вверх. Люси сняла перчатку, осторожно коснулась пальцами его ладони и ахнула. Прикосновение холодной бесплотной руки было едва уловимым, как дуновение ветерка, как воспоминание. И все же сердце девушки забилося чаще, кровь быстрее побежала по жилам, словно ее тело пронзила молния; она видела, чувствовала эти крошечные «электрические искорки», похожие на светлячков в ночи.

Люси откашлялась.

– Не стоит так волноваться насчет меня и моих надежд, – заявила она. – У меня полно важных дел, а кроме того, завтра мне необходимо организовать свадьбу.

Услышав это, Джесс невольно улыбнулся.

– Ты занимаешься организацией этой свадьбы в одиночку?

Она резко откинула голову назад, и цветы на ее шляпке задрожали.

– Я единственная, кто владеет нужными навыками.

– Действительно. Помню, в романе «Спасение Принцессы Люси из когтей ее кошмарных родственников» была такая сцена... Принцесса Люси одерживает верх над Жестоким Принцем Джеймсом в искусстве составления букетов.

– Джеймса сильно раздосадовала эта глава, – удовлетворенно заметила Люси.

В окно лился желтый свет уличных фонарей; одинокий полисмен расхаживал у подножия коринфских колонн Королевского театра на улице Хеймаркет.

Она больше не чувствовала прикосновения руки Джесса. Она отвернулась от окна, и ей на мгновение почудилось, что фигура призрака стала полупрозрачной, а пальцы его – совершенно бесплотными. Она нахмурилась, но Джесс убрал руку, и Люси подумала, что это игра воображения.

– Насколько я понимаю, завтра ты увидишь Грейс, – сказал Джесс. – На мой взгляд, ее ничуть не огорчает эта свадьба и она желает твоему брату всяческого счастья.

Люси была поражена. Они с Джессом крайне редко говорили о Грейс. Она еще ни разу не видела их вдвоем, поскольку днем Джесс спал, а по ночам Грейс не могла незаметно ускользнуть из дома Бриджстоков. Джесс часто навещал сестру, но она никогда не рассказывала Люси содержание их бесед. Несмотря на то что Грейс и Люси вместе пытались воскресить Джесса, они не обсуждали его нынешнее состояние.

Джесс, судя по всему, понимал, что Грейс согласилась на предложение Чарльза для того, чтобы получить поддержку и защиту от Татьяны, и что Джеймс, в свою очередь, женится на Корделии только ради спасения ее репутации. Люси даже казалось, что он считает это благородным поступком. Но Джесс обожал свою сестру и всегда говорил о ней в восторженных выражениях, поэтому Люси не хотела даже намекать ему на то, что бесцветная девица разбила сердце ее брату.

Особенно сейчас, когда она по-прежнему нуждалась в помощи Грейс.

– Что ж, рада слышать, – коротко ответила Люси. Карета выехала из переулочка Шу-лэйн, прогрохотала под аркой кованых чугунных ворот Института и остановилась во дворе. Темная громада собора скрывала небо. – Когда... когда я увижу тебя снова?

Она немедленно пожалела о своих словах. Джесс приходил к ней каждую ночь и лишь несколько раз пропустил встречу. Ей не следовало давить на него.

На губах Джесса появилась печальная улыбка.

– Мне бы очень хотелось появиться на завтрашней свадьбе, но, к несчастью, это невозможно. Жаль, что я не увижу тебя в платье поверенной. Оно похоже на крылья бабочки.

В свое время Люси показывала ему ткань – переливчатый шелк-шанжан, меняющий цвет с персикового на лавандовый; и все же ее удивило то, что Джесс запомнил такие детали. В окне вестибюля мелькнула зажженная лампа, и Люси поняла, что сейчас родители выйдут встречать ее. Она отстранилась от Джесса, взяла с сиденья брошенную перчатку; в этот момент парадные двери Института распахнулись, и желтый свет хлынул во двор, вымощенный каменными плитами.

– Может быть, завтра вечером... – начала Люси, но Джесс уже исчез.

Грейс, 1893–1896

Когда-то она была другим человеком – это она еще помнила. Другой девочкой, хотя и с такими же хрупкими запястьями и белыми волосами. Как-то раз, когда она была совсем маленькой, родители усадили ее за стол и рассказали, что она, ее мать и отец, и все их знакомые – не обычные люди, а потомки ангелов. Их народ называют «нефилимами», их долг – охранять и защищать Землю от чудовищ. На тыльной стороне кисти правой руки у девочки был изображен глаз, но она не помнила, когда ей нанесли этот рисунок. Родители сказали, что глаз является знаком ее принадлежности к расе Сумеречных охотников и позволит ей когда-нибудь сражаться с демонами, невидимыми для простых людей.

Она должна была помнить лица родителей, дом, в котором они жили. Ей было тогда семь лет, она должна была помнить, как все произошло. Кажется, она сидела в какой-то комнате с каменными стенами, в Аликанте, когда появилась целая толпа незнакомых взрослых. Эти люди сказали девочке, что ее отца и матери больше нет.

В этот момент все ее чувства умерли. Той девочки, которая жила с родителями, той, которая вошла в эту каменную комнату, тоже не стало.

Сначала девочка подумала, что ее отошлют к родственникам, хотя родители давно порвали со своей родней. Но вместо этого ее отдали жить к совершенно незнакомой, чужой женщине. Внезапно она превратилась в члена семьи Блэкторн. За ней приехала карета из черного дерева, блестящая, как фортепиано; карета проехала по залитым летним солнцем полям Идриса, миновала лес Брослин и остановилась у железных ворот, украшенных завитушками и гербами искусной работы. Это был Блэкторн-Мэнор, ее новое жилище.

Должно быть, для девочки это было потрясением – покинуть скромный дом в бедном квартале Аликанте и переселиться в родовое имение одной из старейших семей Сумеречных охотников. Но воспоминания об этом потрясении, как и о доме в Аликанте, давно канули в небытие.

Ее новая мать оказалась странной. Сначала она была добра к девочке, даже слишком добра. Она имела обыкновение неожиданно хватать малышку костлявыми руками и крепко прижимать к себе.

– Никогда не думала, что у меня появится дочь, – бормотала она каким-то изумленным тоном, как будто обращалась к кому-то третьему, невидимому для девочки. – Да еще с таким восхитительным именем. Грейс.

Грейс.

В поведении Татьяны Блэкторн были и другие странности, которые пугали девочку. Татьяна не прикладывала ни малейших усилий для того, чтобы поддерживать порядок в своем особняке и поместье, равнодушно смотрела на то, как гниют и рушатся постройки. Единственной прислугой в доме была угрюмая горничная с неприятным лицом, которую Грейс видела редко. Иногда Татьяна была ласкова с приемной дочерью, но с ней все чаще случались припадки, во время которых она пускалась в перечисление своих бесконечных несчастий. В несчастьях она обвиняла всех: своих братьев, другие семьи Сумеречных охотников, да и Сумеречных охотников в целом. Они все якобы виновны в смерти ее мужа. Вскоре Грейс поняла, что ее мать желает своим родственникам и заодно всем обитателям Идриса провалиться к дьяволу в преисподнюю.

Несмотря на странные выходки Татьяны, Грейс была благодарна судьбе за то, что эта женщина удочерила ее; она радовалась тому, что у нее, круглой сироты, все-таки есть семья и дом. Но Блэкторн-Мэнор был довольно мрачным местом. Кроме того, Грейс никак не могла понять свою приемную мать, которая вечно скрывалась в темных уголках особняка и занима-

лась чем-то сомнительным, сильно смахивавшим на колдовство. Жизнь девочки была бы очень одинокой, если бы не Джесс.

Он был на семь лет старше нее и очень обрадовался, когда у него появилась сестра. Тихий, добрый мальчик читал Грейс вслух и помогал ей плести венки из цветов, собранных в заброшенном саду. Она замечала, что его лицо становилось каменным, когда мать начинала разглагольствовать о своих врагах и о том, как жестоко она им однажды отомстит.

Во всем мире у Татьяны была только одна привязанность – Джесс. Грейс она часто ругала, не стеснялась давать ей пощечины и щипать ее в наказание за воображаемые проступки; но она никогда не поднимала руку на Джесса. Наверное, это потому, что он мальчик, размышляла Грейс; а может быть, потому, что он родной сын Татьяны, а Грейс – всего лишь нищая сирота, взятая в дом из милости?

Однако на самом деле это не имело значения. Грейс не нуждалась в любви приемной матери, ведь у нее был Джесс. Он утешал ее, когда она нуждалась в утешении и обществе, он был намного старше ее и представлялся ей совсем взрослым.

Для них обоих эта дружба оказалась большим счастьем, потому что они почти не покидали поместье и лишь изредка сопровождали мать во время коротких визитов в Англию, в Чизвик-хаус. Это был огромный каменный дом, окруженный парком, который Татьяна с большим трудом отвоевала у своих братьев пятнадцать лет назад и с тех пор ревниво охраняла. Несмотря на то что Чизвик-хаус находился в пригороде Лондона и поэтому представлял немалую ценность, Татьяна совершенно забросила его и, казалось, даже радовалась тому, что он постепенно приходит в упадок.

Грейс всякий раз испытывала облегчение, возвращаясь в Идрис, но вовсе не потому, что пребывание в окрестностях Лондона вызывало у нее воспоминания о прошлой жизни – эти воспоминания давно превратились в нечто зыбкое и нереальное. Посещение большого города почему-то наводило ее на мысли о том, что у нее все-таки была другая жизнь до Джесса, Татьяны и Блэкторн-Мэнора. А эти размышления были бессмысленными и ненужными.

Однажды вечером Грейс, сидя у себя в комнате, услышала над головой странные звуки – топот, грохот. Она не испугалась, но ей стало любопытно; она поднялась наверх и сильно удивилась, обнаружив, что шум производит не кто иной, как Джесс. В одном из залов верхнего этажа, просторном помещении с высоким потолком, он устроил нечто вроде тира с мишенями из тюков соломы, обмотанных дерюгой. Скорее всего, эти помещения тоже использовались предыдущими обитателями особняка для тренировок, но мать неизменно называла их «бальными залами».

– Что ты делаешь? – воскликнула потрясенная Грейс. – Ты же знаешь, что нам не следует притворяться Сумеречными охотниками.

Джесс подошел к соломенному чучелу и вытащил брошенный нож. Грейс заметила, что нож попал в самый центр мишени.

– Это не притворство, Грейс. Мы и есть Сумеречные охотники.

– Только по рождению, так говорит мама, – осторожно ответила она. – Но не по собственному выбору. Она говорит, что Сумеречные охотники – жестокие вандалы и убийцы. Нам запрещено обучаться обращению с оружием.

Брат приготовился снова бросить нож.

– Но почему-то она живет в Идрисе, тайной стране, которая создана для Сумеречных охотников и известна только им. Ты носишь Метку. А я... я тоже должен ее получить.

– Джесс, – медленно произнесла Грейс. – Тебе действительно так хочется стать Сумеречным охотником? Драться с демонами, размахивая какими-то палками, и все такое?

– Я для этого появился на свет, – мрачно ответил он. – Я тренировался самостоятельно с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. На чердаке этого дома полно старого оружия и учебников. И ты тоже рождена, чтобы сражаться с демонами.

Грейс молчала, и внезапно в памяти ее всплыла полузабытая картина – ее родители бросают ножи в доску, укрепленную на стене в одной из комнат их маленького домика в Аликанте. Они сражались с демонами всю жизнь и погибли в бою. Может быть, Татьяна ошибалась и это действительно было кому-то нужно. Может быть, такая жизнь не была совершенно бессмысленной.

Джесс заметил странное выражение лица Грейс, но не стал расспрашивать, о чем она думает. Вместо этого он продолжал приводить аргументы в пользу своего занятия:

– А что, если однажды на нас нападут демоны? Кто-то же должен защищать нашу семью.

– А ты меня научишь сражаться? – неожиданно для самой себя попросила Грейс, и брат ее улыбнулся, а она разразилась слезами от избытка чувств. Было так странно осознавать, что тебя любят. Что твоя жизнь имеет смысл. Что ты являешься частью чего-то большого и значительного.

Они начали с метания ножей. Они не смели тренироваться днем, но ночью могли делать все что угодно. Спальня матери находилась в дальней части дома, и Татьяна не слышала глухого стука ножей. А Грейс, к своему удивлению, делала большие успехи. Через несколько недель Джесс подарил ей охотничий лук и красивый колчан из красной кожи. Он просил прощения за то, что оружие не новое, но она знала: он откопал лук и колчан на чердаке и несколько недель усердно приводил их в порядок, все ради нее. Эти вещи были для Грейс ценнее самого дорогого подарка.

Затем они стали учиться стрелять из лука. Это было более рискованно, чем метание ножей. Детям необходимо было тайком выбираться из дома по ночам, чтобы практиковаться в заброшенном тире в дальней части парка, у ограды. Грейс ложилась в постель одетой, дожидаясь восхода луны и в темноте спускалась на первый этаж, где ее ждал брат. Джесс был терпеливым учителем, он никогда не бранил Грейс, всегда поощрял. В прошлой жизни она не мечтала иметь брата, но теперь каждый день благодарила судьбу за то, что у нее появился Джесс – благодарила более горячо, чем за общество Татьяны.

До переезда в Блэкторн-Мэнор Грейс не догадывалась о том, какую опасность таит в себе одиночество. Прошло несколько месяцев, и она поняла, что от одиночества ее приемная мать лишилась рассудка. Грейс хотела полюбить Татьяну, но женщина с самого начала отмахивалась от девочки и проявлений ее чувств. Она настолько замкнулась в себе, что стала бояться любви и отвергала все привязанности, кроме привязанности Джесса. Постепенно Грейс поняла, что Татьяна не нуждалась в ее любви. Ей нужна была лишь преданность.

Но человеку необходимо кого-то любить; Грейс переполняли чувства, от которых сердце ее готово было разорваться. И поэтому она обратила на Джесса всю любовь, на которую была способна. На Джесса, который учил ее лазить по деревьям, говорить и читать по-французски, который каждый вечер сидел в ее комнате, пока она не засыпала, и читал ей самые разные книги – от «Энеиды» Вергилия до «Острова сокровищ».

Когда мать была занята своими таинственными делами, они встречались в заброшенном кабинете в конце галереи; все стены здесь занимали книжные полки, а у стола стояли два старых огромных кресла, покрытых плесенью. Они читали вместе. Это тоже часть обучения воина, говорил Джесс. Грейс так и не поняла, почему Джесс был так добр к ней. Возможно, он сразу увидел, что Грейс может стать для него близким человеком и что они сумеют выжить, лишь опираясь друг на друга. Поодиночке они наверняка соскользнули бы в ту же темную яму безумия, которая поглотила их мать; вместе они смогли бы даже стать счастливыми.

Когда Грейс было десять лет, Джесс уговорил мать позволить ему, наконец, нанести руну. Это неправильно, говорил он – жить в Идрисе и не иметь даже руны Ясновидения, дающей Зрение. Он прекрасно знал, что все жители Идриса обладали Зрением, для него было даже опасно оставаться «слепым». Мать была недовольна, но все же согласилась. В особняк пришли два Безмолвных Брата. Грейс не помнила, как ей наносили первую руну, и при виде мрачных

фигур с зашитыми ртами, в рясах с капюшонами, беззвучно скользивших по коридорам Блэк-торн-Мэнора, у нее мурашки побежали по коже. Но она призвала на помощь всю свою храбрость и решилась присутствовать в комнате Джесса, когда Безмолвный Брат изображал руну Ясновидения на тыльной стороне правой кисти юноши. Она была с ним, когда он поднял руку, несколько секунд в изумлении рассматривал ее и принялся горячо благодарить Безмолвного Брата.

Она была с Джессом в ту ночь, когда у него началась лихорадка, и смотрела, как он умирает.

3

Железная цепь

«Ах, чары кокетки пленили меня,
Сразил этот ветреный взгляд.
О, если бы мог я поверить в любовь,
В слова, что фальшиво звучат,
И если была бы она моей Мод,
Прекрасной звездой моих снов,
Улыбка ее озарила бы мир,
И солнце сияло бы вновь».

Альфред Теннисон, «Мод»

«Вам не обязательно выходить замуж за мужчину, который вас не любит».

Когда Корделия подняла голову и взглянула на свое отражение, в ушах у нее уже не в первый раз прозвучал голос таинственной фэйри. Из зеркала на нее смотрела испуганная бледная девушка в свадебном платье с пышной юбкой из тяжелой золотой парчи. Она показалась самой себе похожей на привидение – словно ее душу связывала с реальностью лишь тонкая незримая нить. Это какой-то сон, этого не может с ней произойти на самом деле. Это не она сегодня станет женой человека, который ее не любит. Нет, не может быть, чтобы она в последний раз стояла перед зеркалом в своей спальне, в последний раз проснулась под одной крышей с матерью и братом, в последний раз увидела в окно голые деревья, черную железную ограду сквера и длинный ряд белых домов, освещенных тусклым зимним солнцем. Ее жизнь просто не может так резко измениться за один день, ведь ей всего семнадцать лет.

– *Doktare zibaye man*. Моя прекрасная дочь, – произнесла Сона, неловко обнимая Корделию за плечи и стараясь не прижиматься к ней животом. Корделия взглянула на мать: у них были одинаковой формы руки, одинаковые очертания лица, губ. На шее у Корделии поблескивала золотая цепочка, часть приданого, полученного от матери. Кожа девушки была немного светлее, чем у Соны, но глаза были точно такие же, черные. И еще Корделия неожиданно для себя обнаружила, что стала выше матери.

Сона укоризненно покачала головой. Непослушный локон выбился из-под золотой ленты, расшитой драгоценными камнями, которая поддерживала волосы Корделии. Мать поправила прическу.

– Лейли, *azizam*¹⁰. У тебя грустное лицо.

Корделия вздохнула. Она даже представить себе не могла, что скажет Сона, если услышит правду об этой свадьбе.

– Просто все это слишком... серьезно. Слишком резкая перемена должна произойти в моей жизни, *Mâtân*. Я покидаю твой дом навсегда, но мне предстоит жить даже не в Сайренворте, а в чужом, незнакомом месте...

– Лейли, – ласково произнесла Сона. – Не тревожься. Перемены – это всегда нелегко. Перед свадьбой с твоим отцом я ужасно волновалась. Все вокруг твердили, что мне выпала неслыханная удача, ведь я выхожу замуж за отважного героя, победителя демона Янлуо. Но матушка улучила минутку, отвела меня в сторону и сказала: «Да, он блестящий молодой человек и отважный Сумеречный охотник, но ты не должна забывать, что ты тоже воин». Все будет хорошо. Только не забывай, что ты тоже воин.

¹⁰ Милая, дорогая.

Корделия совершенно не ожидала услышать от матери такие слова. Сона говорила о своей семье лишь в редких случаях, когда нужно было привести пример истинного героизма; и тогда она не уставала повторять, что ее род происходит от легендарных воителей древней Персии. Родителей Соны давно не было в живых, они погибли еще до того, как Корделия появилась на свет; однако девушка знала, что в Тегеране живут ее тетушки, дядюшки и кузены. Сона ничего не рассказывала о них и не пригласила их на свадьбу дочери; как она объяснила, было бы невежливо заставлять немолодых людей путешествовать в такую даль, а Порталам они не доверяли.

Выйдя замуж за Элиаса, мать Корделии оборвала связи с семьей и не вспоминала о прежней жизни; единственной ниточкой, связывавшей Сону с прошлым, оставалась старая служанка Райза. Изоляция Соны была не единственным, что беспокоило Корделию. Элиас уже много лет назад превратился из отважного героя в обычного больного человека. Что думает об этом Сона? Считает ли она себя воином? Ведь из-за «слабого здоровья» мужа ей пришлось всецело посвятить себя семье и домашним хлопотам, провести полжизни в бесконечных скитаниях, заниматься образованием дочери.

– Сона-ханум! – В дверях стояла Райза. – Он приехал! Только что... и без предупреждения... – Она с озабоченным видом оглянулась.

– Алистер! Корделия! – раздался снизу, из холла, знакомый голос. – Сона, любовь моя! Сона побелела и оперлась о туалетный столик.

– Элиас?

– Это *bâbâ*¹¹? – Корделия подобрала тяжелые юбки и бросилась в коридор. Райза, мрачная как туча, уже спускалась в холл. Элиас, даже не взглянув на служанку, взбежал по ступеням и остановился на лестничной площадке. Он улыбался.

Корделия застыла на полпути. Когда она услышала голос отца, ее сердце бешено забилося от радости, но сейчас... сейчас, глядя, как мать спешит навстречу Элиасу, чтобы его обнять, она не могла сдвинуться с места. У Корделии почему-то возникло ощущение, будто она здесь чужая. Отец обнял и поцеловал мать, потом отступил и прикоснулся к ее округлившемуся животу.

Сона принялась что-то быстро шептать на ухо Элиасу. Отец по-прежнему улыбался, но Корделия заметила, что у него усталый вид; лицо прорезали глубокие морщины, подбородок плохо выбрит, кое-где осталась седая щетина. Костюм выглядел поношенным, словно Элиас не снимал его несколько месяцев.

Он протянул руки к дочери и позвал ее по имени, и она очнулась от ступора. Мгновение спустя отец сжимал ее в объятиях, поцеловал в лоб, и это знакомое чувство, прикосновение его рук, колючей щетины, тепло его тела, успокоило ее, как всегда, несмотря ни на что.

– *Bâbâ*, – прошептала она, подняла голову и взглянула ему в лицо. Он так сильно постарел. – Где ты был? Мы очень волновались.

Запах табака, исходивший от его волос и одежды, тоже был хорошо знаком Корделии. Но когда отец поцеловал ее, повеяло еще чем-то сладковатым, неприятным. Что это – вино, перегар? Нет, ей просто показалось.

Элиас сделал шаг назад, сжимая руки дочери в своих.

– Мне очень приятно, что вы с таким нетерпением ждали меня, дорогая. – Он оглядел ее с ног до головы, и глаза его хитро блеснули. – Но тебе не стоило разряжаться в пух и прах ради меня.

Корделия рассмеялась и подумала: «Отец вернулся. Он будет присутствовать на моей свадьбе. Это самое главное».

– Это мое свадебное платье... – заговорила она, но смолкла, увидев улыбку Элиаса.

¹¹ Отец, папа.

– Я знаю, дитя мое. Именно поэтому я приехал сегодня. Я бы ни за что не пропустил твою свадьбу.

– Тогда почему же ты не вернулся сразу после того, как тебе разрешили уйти из Басилиаса?

Все трое обернулись и увидели Алистера на пороге его комнаты. Судя по всему, он как раз одевался: пиджака на нем не было, запонки он не успел вдеть в манжеты. Поверх рубашки – черный жилет, на котором золотыми нитями вышиты руны Любви, Радости и Единения, но настроение у Алистера было далеко не праздничное.

– Отец, мы знаем, что ты покинул больницу неделю назад. Матушка все это время места себе не находила. И Лейли тоже.

Элиас пристально смотрел на сына. Он не протянул к нему руки, как к Корделии, и не сразу смог заговорить – у него перехватило дыхание от волнения.

– Подойди и поприветствуй меня, Исфандиар, – произнес он, называя Алистера его вторым именем. Исфандиаром звали великого героя, персонажа поэмы «Шахнаме», персидского эпоса. Этот герой мог связать любого демона заколдованной цепью. Когда Алистер был маленьким, он обожал слушать истории из «Шахнаме»; дети сидели у огня рядом с Элиасом, а он читал им вслух.

Но это было очень давно. А сейчас Алистер, услышав свое персидское имя, даже не пошевелился. Элиас нахмурился.

– Да, меня действительно отпустили несколько дней назад, – ответил он. – Однако прежде, чем вернуться, я отправился в глухой лес, который находится во Франции, к западу от Идриса.

– Чтобы покаяться и искупить свою вину? – насмешливо спросил Алистер.

– Чтобы забрать свадебный подарок Корделии, – сказал Элиас и, перегнувшись через перила, крикнул: – Райза!

– О нет, не надо, я потом посмотрю, – запротестовала Корделия. Она заметила, как мать в тревоге переводит взгляд с сына на мужа, и хотела, чтобы неловкая сцена поскорее закончилась. – Мы потом откроем все подарки, с Джеймсом.

– Райза, – снова крикнул Элиас, – принеси длинный деревянный ящик, который лежит среди моего багажа. Чепуха, – сказал он, обернувшись к Корделии. – Эта вещь не для твоего домашнего хозяйства. Это подарок лично для тебя.

Через несколько минут появилась хмурая Райза с ящиком на плече. Не обращая внимания на сердитое лицо служанки, Элиас взял ящик и протянул Корделии. Она взглянула на Алистера, который стоял, прислонившись к косяку, и слегка подняла брови, словно спрашивая, что ей следует делать. Он лишь пожал плечами. Ей захотелось подойти и тряхнуть его как следует. Неужели так трудно притвориться, что ты рад видеть отца?

Она снова посмотрела на Элиаса, который продолжал держать на весу тяжелый ящик, открыла латунные защелки, подняла крышку.

И ахнула в изумлении.

На ярко-синем бархате покоились ножны – самые прекрасные ножны из всех, что когда-либо приходилось видеть Корделии. Эта вещь была достойна того, чтобы ее выставили в музее. Ножны были выкованы из лучшей стали, сверкающей, как серебро; их украшали золотые инкрустации и выгравированный орнамент в виде листьев, лиан и крошечных птиц. Присмотревшись, Корделия заметила среди листьев миниатюрные руны, похожие на бабочек.

– Единственный дар, достойный моей дочери, – сказал Элиас, – это вещь, достойная меча, который выбрал ее.

– Откуда это у тебя? – прошептала Корделия.

Она была тронута. Когда Алистер рассказал ей о том, как ему чуть ли не с детства приходилось вызволять Элиаса из всяких передраг, искать в кабаках и тащить на себе домой, как

он помогал Соне сохранить лицо и оберегал сестру от неприглядной правды, Корделия разгневалась на отца. Как он мог быть таким эгоистом, как мог проявить такое безразличие к семье и ее нуждам?

Но в то же время он был рядом с дочерью, когда это было необходимо, учил ее лазить по деревьям, обращаться с оружием, рассказывал о Кортане и об ответственности, лежащей на ее владельце. И сегодня, в день свадьбы, он пришел и принес такой чудесный подарок. Может быть, не стоит больше сердиться на него, может быть, следует простить за все, ведь он пытается измениться, покончить с прошлым...

– Фэйри северной Франции известны своим мастерством в изготовлении оружия, – ответил Элиас. – Говорят, что эти ножны – творение самой Мелузины. Я сразу понял, что они должны принадлежать тебе. Надеюсь, ты примешь их в знак моей любви к тебе, дитя мое, и... и в качестве обещания стать лучше.

Сона робко улыбнулась. Элиас осторожно поставил ящик с ножнами на столик.

– Благодарю тебя, отец! – воскликнула Корделия и обняла его крепко-крепко. Краем глаза она заметила движение: Алистер молча скрылся в своей комнате и закрыл за собой дверь.

Проклятый браслет, как же избавиться от него, размышлял Джеймс, расхаживая по спальне. Он собирался снять его несколько дней назад... кажется. Или нет? Да-да, он был совершенно уверен, что пытался снять эту штуку, но в какой-то момент замок браслета сломался.

Джеймс направился к столу, чтобы найти перочинный нож или еще что-нибудь острое, чтобы открыть замок, но по пути случайно увидел свое отражение в зеркале и остановился. Ему захотелось убедиться, что одежда в полном порядке. Ради Корделии он сегодня должен был выглядеть безукоризненно.

Он пригладил волосы – безнадежное занятие, упрямые кудри тут же снова рассыпались по плечам. Застегнул последнюю пуговицу на фраке из золотой парчи, который сшил для него портной отца, древний старик по имени Лемюэль Сайкс.

Джеймс вспомнил, каким возбужденным и довольным выглядел отец, представляя его Лемюэлю: «Мой мальчик женится!» Сайкс неприязненно пробормотал что-то вроде поздравления. Судя по количеству волос в ушах, он вполне мог быть оборотнем, но Джеймс решил, что спрашивать неприлично. Портной и дальше продолжал вести себя грубо и даже враждебно, а кроме того, Джеймс постоянно опасался, что он умрет от старости прямо у них на глазах. Однако Уилл оказался прав, поручив Сайксу шить свадебный костюм. Джеймс понимал, что не может объективно оценивать собственную внешность, но тем не менее у него захватило дух, когда он впервые увидел себя в парадном фраке, богато расшитом золотом. Он выглядел взрослым. Выглядел как молодой человек с серьезными намерениями, уверенно идущий по жизни, знающий, чего он хочет. Да, сегодня не помешает пусть даже иллюзия уверенности в себе, подумал Джеймс.

Он отвернулся от зеркала и сделал шаг к столу, но в этот момент в дверь постучали, и пришлось идти открывать. На пороге Джеймс обнаружил родителей в элегантных официальных нарядах. Подобно жениху, Уилл был одет во фрак и черные брюки, с той разницей, что фрак был сшит из черного сукна. На Тессе было простое платье из розового бархата, расшитое мелким жемчугом. Вид у обоих был мрачный.

У Джеймса упало сердце.

– Что-то не так?

«Они узнали, – промелькнуло в голове. – Узнали о том, что из-за меня сгорел Блэк-торн-Мэнор, а Корделия солгала, чтобы меня выгородить, узнали, что этот брак – ложь, что мы не любим друг друга и женимся только ради спасения ее доброго имени».

– Не волнуйся, – ласково произнес Уилл. – Мы пришли сообщить тебе... одну новость.

Тесса вздохнула.

– Уилл, ты до смерти перепугал бедного мальчика, – заговорила она. – Наверное, он подумал, что Корделия решила порвать с ним. Ничего подобного не произошло, успокойся. Просто... ее отец вернулся.

– Элиас вернулся? – С этими словами Джеймс отступил в сторону и позволил родителям войти. По коридору сновали горничные и лакеи, и ему показалось, что такой разговор лучше вести за закрытыми дверями. – Когда?

– Насколько я понимаю, сегодня утром, – ответил Уилл. У окна стояли три кресла; Джеймс сел на край одного из них рядом с отцом и матерью и посмотрел на улицу. В комнату проникал бледный свет зимнего утра. Заиндевшие ветви деревьев покачивались на ветру. – Как тебе известно, его выпустили из Базилиаса несколько дней назад, но он утверждает, что якобы ездил за свадебным подарком для Корделии и поэтому задержался.

– Ты как будто ему не веришь, – сказал Джеймс. – И где ты думаешь он был все это время?

Уилл и Тесса переглянулись. Происшествие с Элиасом Карстерсом стало предметом пикантных сплетен уже через неделю после того, как его отправили в Базилиас «на лечение». Большинство Сумеречных охотников Лондона знали или подозревали, что «болезнь» поджидала Элиаса на дне бутылки. Корделия честно рассказала обо всем Джеймсу, хотя он видел, что это причиняло ей боль. Рассказала о том, что она совсем недавно узнала о тяге отца к спиртному, поделилась противоречивыми чувствами по этому поводу. Она надеялась, что Безмолвные Братья исцелят его, и в то же время боялась, что лечение не поможет.

Тесса заговорила, тщательно подбирая слова:

– Все-таки он отец Корделии. Мы должны дать ему шанс и сделать вид, что верим его словам. Сона абсолютно счастлива, да и Корделия, без сомнения, испытывает огромное облегчение оттого, что отец все-таки будет на ее свадьбе.

– Значит, они уже здесь? – взволнованно воскликнул Джеймс. – Корделия и ее семья? С ней все в порядке, как тебе кажется?

– Ее тайком провели через черный ход, чтобы никто не увидел ее до начала церемонии, – усмехнулся Уилл. – А что касается ее внешности... насколько я успел заметить, она вся золотая и... пышная, если можно так выразиться.

– Слушая тебя, можно подумать, будто речь идет о йоркширском пудинге, – хмуро пробормотал Джеймс. – Как вы считаете, мне следует пойти к ней? Спросить, не нужно ли ей что-нибудь?

– Не думаю, – возразила Тесса. – Корделия – умная, храбрая, сильная девушка, но ее отношения с отцом – это глубоко личное. Вряд ли тебе следует обсуждать это сегодня, тем более что почти весь Конклав знает правду. Самое лучшее, что ты можешь сейчас сделать – это поддержать Корделию, помочь ей сохранить уверенность в себе, а также быть любезным с Элиасом. Необходимо дать ему понять, что мы рады его возвращению и воссоединению их семьи.

– Это долг мужа, – добавил Уилл. – Отныне вы с Корделией – одно целое. У вас все будет общее: цели, мечты, обязанности. Насколько я понимаю, Элиас скрывал свое пагубное пристрастие много лет; если бы Конклав стало известно об этом раньше, все обернулось бы совершенно иначе. Могу я дать тебе небольшой совет по поводу семейной жизни?

– Тебя сейчас не остановит даже табун диких лошадей, верно? – буркнул Джеймс и мысленно взмолился: «Пожалуйста, только не это. Меньше всего мне нужно, чтобы после нашего развода он упрекал себя в том, что дал мне плохой совет».

– Зависит от обстоятельств, – заметил Уилл. – В твоём распоряжении имеется табун диких лошадей?

Джеймс заставил себя улыбнуться.

– Сейчас нет.

– Тогда тебе все-таки придется выслушать совет, – удовлетворенно произнес Уилл. – Итак: всегда доверяй Корделии свои мысли и чувства. – Он пристально посмотрел сыну в глаза. – Возможно, ты будешь бояться того, что может случиться после откровенного разговора. Возможно, тебе захочется что-то скрыть из страха причинить жене боль или вред. Но тайны и недомолвки разрушают отношения между людьми, Джейми. Ложь разрушает все – любовь, дружбу; и в конце концов ты оказываешься в горьком, безнадежном одиночестве, один на один со своими тайнами.

Тесса осторожно прикоснулась к руке Уилла, давая ему понять, что разговор свернул не в ту сторону. Джеймс молча кивнул; настроение было безнадежно испорчено. Тайны. Ложь. Он лгал родителям, лгал всем насчет своих чувств. Что скажет Уилл через год, когда они с Корделией объявят о расставании? Как объяснит это отцу и матери? Воображение нарисовало душераздирающую картину: вот отец с искаженным от боли и стыда лицом перечеркивает его брачные руны...

Уилл хотел добавить что-то еще, но в эту минуту с улицы донесся стук колес и хруст снега: карета проехала по двору. Хлопнула дверца, послышались возбужденные голоса. Первые гости прибыли.

Все трое поднялись, и Уилл, шагнув к Джеймсу, погладил его по голове.

– Может быть, хочешь на минутку остаться один? Ты бледен как смерть. Но ты же знаешь, что перед таким важным событием жених и невеста всегда волнуются, это естественно.

«Ради Корделии я должен взять себя в руки», – подумал Джеймс. Как ни странно, мысль о Маргаритке придавала ему сил: иногда он забывал, что его женой будет именно Маргаритка, у которой такой знакомый, заразительный смех, ласковые руки, милая улыбка и которая обладала удивительной силой. Ему не нужно жениться на незнакомой, чужой девушке. Если бы не горькие, неотвязные мысли о неизбежном разочаровании родителей, Джеймс был бы даже доволен судьбой.

– Нет, в этом нет нужды, – ответил он. – Я просто очень рад, вот и все.

Родители с облегчением улыбнулись. Все трое спустились в празднично убранный холл. Уилл открыл двери, в вихре снежинок появились гости, и Джеймс, выходя им навстречу, внезапно вспомнил, что так и не снял браслет Грейс. Было уже поздно возвращаться в комнату и пытаться открыть злополучный замок. Корделия поймет, подумал он.

Джеймсу казалось, что сегодня в Институте собрались все Сумеречные охотники Лондона и половина населения остальных крупных городов. Он обменивался любезностями с гостями, когда в противоположном конце зала появилась Люси.

Джеймс извинился, оставил гостей и поспешил к сестре. Они находились в помещении, которое Тесса называла Длинным Залом – это была прямоугольная комната, отделявшая вестибюль Института от храма. Двойные двери, ведущие в храм, были распахнуты, и Джеймс с изумлением заметил, что помещение совершенно преобразилось. Потолочные балки были увиты гирляндами из хризантем и пшеничных колосьев, подвязанных золотыми лентами; центральный проход между скамьями был усыпан золотыми лепестками экзотических цветов. Торцы скамей украшали венки из лилий с желтыми сердцевинами, веселой оранжевой календулы и желтых нарциссов – Джеймс знал, что нарцисс – национальный символ Уэльса. С потолка свисали полотнища ярко-желтого бархата, расшитые узорами в виде птиц и крепостных башен, эмблем семей Эрондейлов и Карстерсов. По обе стороны алтаря возвышались огромные хрустальные вазы с пышными букетами желтых цветов. «Совсем скоро ты будешь стоять перед этим алтарем», – прошептал Джеймсу внутренний голос. Все поверхности, все ниши были уставлены зажженными свечами.

Он знал, что организацией свадьбы занимались его мать и Сона; да, сегодня они превзошли самих себя.

– Где ты пропадала? – прошептал Джеймс, догоняя сестру. На ней было шелковое платье персикового цвета с чехлом из шифона и золотыми шелковыми бантами на рукавах. На груди сверкал золотой медальон, с которым она в последнее время не расставалась. Джеймс как-то спросил у Люси, откуда у нее эта вещица, но сестра рассмеялась, сказала, что он говорит глупости и медальон она носит уже давно. Действительно, он вспомнил, как она прижимала золотой кружочек к его губам в ту ночь, когда он едва не умер на Хайгейтском кладбище. Позже Люси уверяла его, что эта штука приносит удачу.

– Мэтью еще не приехал, и мне пришлось одному приветствовать тысячу незнакомых людей. Включая Пэнгборнов из Корнуоллского Института.

Люси скорчила гримасу.

– Даже со стариканом Липкие Руки?

Джеймс усмехнулся, услышав прозвище, которое они в детстве дали Альберту Пэнгборну. Позже Альберт возглавил Корнуоллский Институт в 1850 году после Феликса Блэкторна.

– Если я правильно помню, отец потребовал, чтобы я называл его «сэр». И пожал его липкую руку.

– Как тебе не повезло. – Люси самодовольно усмехнулась, глядя на брата. – Сегодня я должна быть с Корделией, и мне некогда болтать с тобой. Я ее поверенная. Она приводит себя в порядок у меня в комнате.

– А как же я? Почему я не могу спокойно готовиться к церемонии? – возмутился Джеймс, по его мнению, вполне справедливо.

– Потому, что ты не невеста, – нравоучительно сказала Люси. – Ты жених. Ты должен увидеть ее в свадебном наряде в дверях церкви. Это должен быть волшебный момент.

Они помолчали немного. Люси прекрасно знала, что ничего «волшебного» между женихом и невестой не произойдет, однако вид у нее был такой упрямый, что Джеймс понял: сейчас не время для откровенных разговоров.

– А кто зажег все эти свечи? – поинтересовался Джеймс. – Должно быть, это заняло не меньше часа.

Люси подкралась к дверям часовни и заглянула внутрь.

– Серьезно, Джеймс. Сейчас тебе не об этом надо думать. Наверное, это дело рук Магнуса; он нам очень помог. – Она попятилась, прихватив из ближайшей гирлянды несколько желтых роз. – Все, хватит. Удачи тебе, Джеймс. Мне нужно возвращаться к Маргаритке.

Она огляделась и внезапно просияла.

– О, смотри, Томас и Кристофер уже пришли. Значит, скоро и Мэтью явится.

Джеймс направился к друзьям, но его перехватил целый отряд тетушек и дядюшек: тетя Сесили, ее муж, Габриэль Лайтвуд, брат Габриэля, Гидеон, и его жена Софи. С ними была какая-то незнакомая женщина.

Гидеон хлопнул жениха по плечу.

– Джеймс! Отлично выглядишь.

– Какой замечательный фрак, – восхитился Габриэль. – Это моя дочь помогала тебе выбирать костюм?

– Увы, Анна не имеет к этому никакого отношения, – ответил Джеймс, приглаживая манжеты. – Отец отвел меня к своему портному, древнему старику. Бедняга никак не мог понять, зачем мне золотой фрак, и пытался уговорить меня выбрать цвет, приличествующий джентльмену, черный или серый.

– Сумеречные охотники не женятся в серых костюмах! – воскликнула Сесили, сверкая глазами. – А Уилл уже слишком давно пользуется услугами этого человека; я начинаю подозревать, что твой отец в свое время проиграл ему в карты. Ты знаком с Филоменой?

Джеймс взглянул на женщину, которая стояла рядом с его дядями. Она была, наверное, ровесницей Анны; у нее были прямые, блестящие темные волосы, собранные в пучок на затылке, ярко-алые губы и темные глаза с тяжелыми веками. Она посмотрела на жениха и улыбнулась.

– Не имел удовольствия, – ответил Джеймс.

– Во имя Ангела, где мои хорошие манеры! – воскликнул Габриэль, покачивая головой. – Джеймс, позволь представить тебе Филомену ди Анджело. Она только что прибыла из Рима. Лондон – ее первая остановка в годичном путешествии.

– Значит, вы жених? – произнесла Филомена с сильным акцентом, глядя в упор на Джеймса. – Обидно. Такой красивый мужчина.

– Что ж, вы знаете, как говорят, – любезно улыбнулся Джеймс. – Все самые красивые мужчины либо женаты, либо принадлежат к ордену Безмолвных Братьев.

Сесили захихикала. К счастью, появление Чарльза Фэйрчайлда избавило Джеймса от дальнейшего разговора на эту щекотливую тему. Чарльз, по обыкновению, излишне громко воскликнул:

– Поздравляю! – И с энтузиазмом хлопнул Джеймса по спине. – Ты случайно не видел где-нибудь здесь своих родителей?

В этот момент подошел Уилл, очевидно, заметив с другого конца зала рыжую шевелюру будущего политика.

– Чарльз, – улыбнулся он. – Ты нас искал?

– Я хотел поговорить с вами насчет Парижа, – обрадовался Чарльз, отвел Уилла в сторону и что-то возбужденно зашептал ему на ухо. Лайтвуды принялись обсуждать с Филоменой обстановку с демонами в Лондоне. К неудовольствию Конклава, после периода длительного отсутствия демоны начали появляться в городе все чаще, и возникла необходимость в ночном патрулировании. Джеймс, чувствуя, что не может сказать по этому поводу ничего нового, решил отправиться на поиски Мэтью.

Обернувшись, он обнаружил прямо перед собой Грейс – она появилась бесшумно и неожиданно, как призрак.

В голове Джеймса пронеслись строчки из Теннисона: «Если даже я буду остывший прах в склепной сырости и в пыли, мое сердце и там, впотьмах, задрожит (пусть века прошли!) – и рванется в рдяных, алых цветах ей навстречу из-под земли»¹².

Он не помнил, что дальше произошло с героями поэмы, помнил только, как поэт мечтал о том, чтобы возлюбленная пришла на его могилу.

Прошло несколько месяцев с того дня, когда Джеймс в последний раз видел Грейс вблизи. Он замечал бывшую невесту на вечерах и приемах, но не подходил к ней. И с тех пор они, естественно, не сказали друг другу ни единого слова. Он сдержал свое обещание. Никакого общения с Грейс, никаких контактов. Он надеялся, что боль и тоска со временем притупятся, но в этот момент понял, как глубоко ошибался. На Грейс было жемчужно-серое платье, подходящее к цвету ее глаз; бледные щеки были едва тронуты румянцем – словно две капли крови, упавшие в воду. Она была прекрасна, как туманный рассвет, как безмятежное зимнее море под завесой дождя. Когда Грейс была так близко, Джеймс не замечал никого и ничего, кроме нее; эта женщина заполняла все его мысли, она словно заслоняла от него остальных людей, подобно лампе, при свете которой уже не видишь звезд.

Сам того не осознавая, он взял ее за руку и отвел за колонну, подальше от любопытных взглядов.

– Грейс, – прошептал он, – я не знал, придешь ли ты.

¹² А. Теннисон, «Мод». Перевод Г. М. Кружкова.

– Я не смогла найти уважительной причины, чтобы остаться дома.

Ее лицо, мелодичный голос, прикосновение к ее нежной белой коже – все это заставляло его остро чувствовать реальность, и еще боль, как будто в сердце проворачивали нож. Она продолжала:

– Чарльз захотел, чтобы я сопровождала его.

Он отпустил ее руку и быстро огляделся. Рядом находилась только какая-то горничная с веснушчатым лицом; встретившись взглядом с Джеймсом, она смущенно попятилась. Джеймс не узнал эту женщину, что было неудивительно: сегодня в Институте было полно незнакомых слуг, нанятых Бриджет для подготовки к свадьбе и банкету.

– Я бы предпочел, чтобы ты осталась дома.

– Знаю. – Грейс прикусила губу. – Но пойми: я должна поговорить с тобой наедине до начала церемонии. Непременно. Это крайне важно.

Джеймс знал, что должен отказаться.

– Гостиная, – поспешно произнес он, стараясь не слушать голос здравого смысла. – Через десять минут.

– Ну уж нет, так не пойдет.

Джеймс поднял голову. Голос принадлежал Мэтью. Джеймс понятия не имел, как его поверенный сумел их отыскать, но Мэтью был здесь и смотрел на них с Грейс строго и хищно, будто смертельно оскорбленный филин.

– Грейс Блэкторн, сегодня день свадьбы Джеймса. Оставьте его в покое.

Но Грейс, к немалому изумлению Джеймса, ничуть не смутилась и не испугалась.

– Я уйду, только если Джеймс попросит меня оставить его в покое, а вашим приказам я подчиняться не намерена, – отрезала она. – Я вам ничем не обязана.

– Очень сомневаюсь в этом, – огрызнулся Мэтью. – Например, вы передо мной в долгу за те страдания, которые мой парабатай испытал по вашей вине.

– Ах да, – с издевкой в голосе произнесла Грейс, – вы чувствуете его боль, не так ли? Если его сердце будет разбито, вы тоже навеки лишитесь покоя? А он чувствует то же, что и вы? Интересно, потому что это поставило бы нас четверых, включая невесту, в весьма неловкое положение.

– Грейс, – сурово перебил ее Джеймс. – Довольно.

Девушка вздрогнула, и он со стыдом осознал, что уже во второй раз в жизни говорит с ней повелительно и грубо.

– Я не хотела причинять тебе боль, Джеймс, никогда, поверь мне.

– Я знаю, – тихо ответил он и увидел, что Мэтью качает головой, а лицо его покраснело от гнева.

– Через десять минут, – негромко напомнила ему Грейс и поспешила прочь, к Чарльзу.

Мэтью окинул друга гневным взглядом. Он был в шикарном наряде, состоявшем из пиджака и потрясающего парчового жилета, достойного Магнуса Бейна. На жилете была искусно вышита батальная сцена. А галстук из желтого шелка сиял так, словно был соткан из золотых нитей. Но эффект портили взъерошенные волосы и негодующее выражение лица.

– Да что ей от тебя нужно?

– Я тоже очень рад тебя видеть. Мои поздравления. – Джеймс печально вздохнул. – Прости. Я понимаю, почему ты так тревожишься. Но она сказала, что ей необходимо поговорить со мной до начала церемонии, только и всего.

– Не вздумай, – предостерег его Мэтью. – Не знаю, что она хочет тебе сказать, но это в любом случае причинит тебе боль. По ее милости ты все эти годы испытывал только страдания.

– Друг мой, – мягко возразил Джеймс, – она тоже страдает. Это не ее вина. Если кто-то и виноват в сложившейся ситуации, так это я.

– Чтобы страдать, у нее в груди должен быть не камень, а человеческое сердце, способное испытывать хоть какие-то чувства... – сказал Мэтью, но, заметив выражение лица друга, прикусил язык.

– Возможно, если бы ты узнал ее лучше... – заговорил Джеймс.

Во взгляде Мэтью промелькнуло странное выражение.

– Знаешь, я действительно никогда не говорил с ней, – признался он. – А если мы и разговаривали, я этого не помню. – Он вздохнул. – Ну хорошо. Моя задача в качестве поверенного – помогать тебе во всем. Оставляю свое мнение при себе. Я прекрасно вижу, что ты в нем не нуждаешься.

– Спасибо, – ответил Джеймс и положил руку на грудь Мэтью. К его удивлению, рука коснулась чего-то твердого и, судя по всему, металлического. Он отогнул лацкан пиджака, а Мэтью с кривой усмешкой сунул руку во внутренний карман и продемонстрировал серебряную флягу.

– Для храбрости, – пояснил он.

– Мне кажется, что сегодня в храбрости нуждаюсь я, а вовсе не ты, – легкомысленно произнес Джеймс. Он надеялся, что Мэтью еще не успел выпить как следует, но знал, что спрашивать его об этом бесполезно. Иногда он чувствовал себя глупо из-за своей тревоги – ведь Анна, например, устраивала знаменитые вечеринки, где гости в невероятных количествах поглощали абсент, а он сам, Джеймс, и его друзья частенько выпивали в таверне «Дьявол». И все же...

На все упреки в любви к спиртному Мэтью реагировал легкомысленными шуточками, а если Джеймс настаивал, то получал в ответ отсутствующий взгляд. Поэтому сейчас он лишь улыбнулся и убрал руку.

– Что ж, тогда у меня к тебе огромная просьба как к поверенному. Постарайся занять Инквизитора Бриджстока разговором. Мне кажется, он жаждет дать мне несколько мудрых советов как будущему отцу семейства, и я не уверен, что смогу сохранить серьезное выражение лица.

Голоса людей, окружавших Грейс, сливались в сплошной хор, который действовал ей на нервы. Она рассеянно слушала разговор Чарльза с родителями Джеймса – речь шла почему-то о вампирах – и пристально смотрела на медленно ползущую минутную стрелку старинных часов, висевших на стене.

Она ждала девять минут, ни секундой дольше. Когда девять минут прошли, она прошептала Чарльзу:

– Извини, мне нужно на минуту отойти – я вижу, что приехали Уэнтворты, я должна поздороваться с Розамундой.

Чарльз рассеянно кивнул и вернулся к беседе с Уиллом Эрондейлом. Но это вполне устраивало Грейс. Ей вовсе не нужно было, чтобы жених смотрел, куда она направляется, или чтобы он отправился ее искать; она выбрала его вовсе не потому, что он был безумно в нее влюблен.

Грейс скрылась в толпе и постаралась незаметно пробраться к лестнице, ведущей в жилые помещения Института. Покинув заполненный людьми зал, она почувствовала себя увереннее. Большинство членов Лондонского Анклава, за исключением Лайтвудов, смотрели на Грейс с подозрением, а их попытки завязать дружескую беседу были еще хуже косых взглядов.

Гидеон и Софи Лайтвуд предлагали ей переехать к ним в дом почти при каждой встрече; они говорили, что всегда рады видеть ее, как свою племянницу и двоюродную сестру Томаса и Евгении. Сесили и Габриэль Лайтвуд предлагали то же самое, хотя и менее настойчиво, чем Гидеон. Но для Грейс они все были чужими. Наверное, из-за воспитания Татьяны, думала

она. Мать без конца повторяла, что ее братья – чудовища, хотя оба казались Грейс ничем не примечательными людьми.

И, будучи самыми обычными людьми, они никак не могли понять, что Грейс, поселившись у кого-либо из них, совершит неслыханное, ужасное предательство по отношению к матери, хуже которого она ничего не могла себе представить. Грейс ни минуты не верила, что Татьяна проведет остаток жизни в Адамантовой Цитадели, что бы там ни утверждал Конклав. Она знала: рано или поздно кошмарная старуха найдет способ выбраться из тюрьмы, и расплата за предательство будет жестокой.

Добравшись до нужной двери, Грейс услышала за спиной шаги и обернулась – может быть, это Джеймс догнал ее? Но это оказалась Люси с букетом желтых цветов. Медальон Блэкторнов – медальон Джесса – висел у нее на шее; Люси всегда носила его лицевой стороной внутрь, чтобы никто не заметил выгравированный на крышке терновый венец. Но Грейс прекрасно знала, что это за «украшение».

– Грейс? – удивилась Люси.

Случайная встреча, но, возможно, это к лучшему, подумала Грейс. Она всегда боялась писать письма Люси, ведь кто угодно мог перехватить их. Лучше поговорить лично.

– Люси, – сказала она. – Ты сказала, что хочешь обратиться к чародею относительно нашего... предприятия. Как насчет Малкольма Фейда?

Цветы в руке Люси задрожали, и она энергично кивнула.

– Как хорошо, что тебе это пришло в голову! Отличная мысль. Его легко найти – он каждый день бывает в Адском Алькове. Кроме того, Анклав ему доверяет. Но ты уверена, что он согласится помочь нам в этом... необычном деле?

– Тебе он, возможно, откажет, – сказала Грейс. – Но мне кое-что о нем известно, и я думаю, что мне удастся уговорить его.

– Боже мой, что же это такое? – с любопытством воскликнула Люси, но продолжить расспросы ей не удалось – из дальнего конца коридора донесся чей-то голос, ее звали по имени. – Ты должна мне об этом рассказать, но позже, – пробормотала она и побежала в комнату невесты. Цветы у нее в руке колыхались, словно знамена.

«Превосходно», – подумала Грейс. Если повезет, размышляла она, во время этой короткой «экскурсии» она одним выстрелом убьет двух зайцев. Было странно иметь дело с Люси – оказаться так прочно связанной с человеком, которого она не могла контролировать, на которого она не имела никакого влияния. Но это было сделано ради Джесса. Ради него она была готова на все.

Грейс без труда нашла гостиную. Именно в этой комнате четыре месяца назад она забрала у Джеймса свой серебряный браслет и сказала, что не выйдет за него замуж. Это произошло в конце лета, было совсем тепло, а сейчас за окном кружились снежинки. В остальном ничего не изменилось: те же обои в цветочек, бархатная кушетка и кресла с подголовниками, едва уловимый запах чернил и писчей бумаги.

Внезапно она вспомнила ту сцену в мельчайших подробностях. Вспомнила потрясенное лицо Джеймса, слова, которые он говорил ей.

Она знала, что должна испытывать удовольствие, причиняя ему боль. Но нет – ее мать была довольна, а самой Грейс это было совершенно не нужно. Несколько лет она жила с этим бременем – сознанием того, что Джеймс влюблен в нее. Это было подобно тяжелой ноше или цепям, железным цепям, которые приковывали его к ней. «Эрондейлы рождаются для того, чтобы любить, – говорила ей мать. – Эрондейл отдает любимому человеку все, до последнего, и ничего не требует взамен».

Она его не любила. Она знала, что он красив – ведь она наблюдала за тем, как он из мальчика становился юношей. Каждое лето он приезжал в Идрис совершенно иным; ей казалось, что она смотрит на полотно Россетти, которое из наброска превращается в шедевр. Но

внешность Джеймса была ей глубоко безразлична. Ее матери никогда не приходила в голову одна простая мысль – а если бы и пришла, Татьяна лишь посмеялась бы над ней. Если безответная любовь является пыткой, то быть объектом такой любви тоже может быть мучительно. Мучительно знать, что тебя любят, и понимать, что это не настоящая любовь. Принуждение. Приворот.

Грейс уже один раз пыталась освободить Джеймса от дьявольских цепей, здесь, в этой самой комнате. Она видела, как он смотрел на Корделию, и поняла: когда колдовство рассеется, он возненавидит ее, Грейс, как чудовище, изверга. Но все равно считала, что лучше отпустить его, пока мать лежит без сознания в лазарете. Необходимо произнести роковые слова, после которых к прошлому не могло быть возврата.

«Мы с тобой не можем быть вместе, Джеймс, это невозможно».

Так она сказала ему в прошлый раз. Она думала, что мать ничего не сможет с этим поделать. И жестоко ошиблась. Возможно, сегодняшняя попытка разрыва тоже обречена на провал, но, с другой стороны, прошло четыре месяца. Четыре месяца Грейс не видела и не разговаривала с Джеймсом, а от матери не было никаких вестей. С каждым днем, с каждой неделей надежда крепла в ее сердце. Может быть, они наконец забыли о ней? Если она сейчас все расскажет Джеймсу... если он поймет, что за сила привязывает его к ней, он разлюбит ее, и железная цепь, наконец, будет разорвана.

Скрипнула дверь, Грейс быстро обернулась, думая увидеть Джеймса. Но на пороге стояла молодая горничная, которую она видела внизу, за колонной, та девушка с каштановыми волосами и веснушками на носу. В руках горничная держала метелку и совок для мусора. Она тупо смотрела на Грейс – наверняка не ожидала обнаружить в этой комнате кого-то из гостей.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, мисс?

Грейс постаралась не выдать своей досады.

– Я искала библиотеку.

Горничная двинулась к ней, и когда оказалась совсем близко, Грейс заметила, что улыбка ее была неестественной, словно приклеенной.

– Значит, вы заблудились?

Грейс охватило странное беспокойство, и она сделала шаг в сторону двери.

– Вовсе нет. Сейчас я уйду к остальным, в парадный зал.

– О, Грейс.

Услышав свое имя, Грейс вздрогнула и обернулась. Только в этот момент она сообразила, что горничная держит метлу под странным углом. Как будто у нее вывихнута рука. Ее взгляд стал совершенно остекленевшим, бессмысленным.

– О, ты действительно заблудилась, моя дорогая. Но ничего страшного, я пришла помочь тебе.

Грейс бросилась к двери, но горничная оказалась быстрее. В мгновение ока она загорodiла собой выход.

– Неужели ты не узнала меня, дорогая? – Девушка с веснушками неестественно захихикала. Этот звук был похож на брелчание расстроенного пианино, и еще казалось, что он доносится из колодца.

Четыре месяца. Четыре месяца. Грейс ощутила во рту горький привкус – наверное, ее сейчас стошнит.

– Мама?

Горничная снова фыркнула, потом заговорила, но движения ее губ не соответствовали произносимым словам.

– Дочь моя. Ты и вправду удивлена, увидев меня здесь? Ты должна была понять, что мне захочется присутствовать на этой свадьбе.

– Я не знала, что ты обладаешь способностью вселяться в тела других людей, мама, – едва слышно произнесла Грейс. – Это он помогает тебе?

– Именно, – ответила мать. – Наш покровитель, от которого ты получила свой чудесный дар, любезно помог мне вселиться в это тело, хотя я сомневаюсь, что мне удастся продержаться достаточно долго. – Она скептически осмотрела трясущиеся руки горничной. – Разумеется, он мог бы отправить сюда демона Эйдолон, способного менять обличье, или любого другого из своих слуг, но он пожелал, чтобы я лично уладила эту маленькую проблему. Он не хочет, чтобы его дар пропадал зря. А ты не хочешь разгневаться на него. Правда?

Его дар. Способность Грейс подчинять себе мужчин и заставлять их выполнять свои желания. Только мужчин, конечно же, – Татьяна считала женщин слабыми существами, недостойными ее внимания. В руках мужчин сосредоточена власть и влияние, только их умами стоит повелевать.

– Правда, – глухо произнесла Грейс. Немного найдется на свете людей, которые по собственной воле рискнули бы прогнать такого могущественного демона. – Но если ты – и твой покровитель – хотите предотвратить свадьбу, вам надо было начать действовать раньше.

Татьяна гнусно ухмыльнулась.

– Я доверилась тебе, решила, что ты самостоятельно сумеешь переубедить Эрондейла, но вижу, как сильно ошиблась в тебе. У тебя был способ связаться со мной, этот кусок адамаса, но ты ни разу даже не потрудились взять его в руки. Как обычно, ты разочаровала меня.

– Я боялась, что меня застигнут за этим делом, – оправдывалась Грейс. – Я живу у Бриджстоков... он ведь Инквизитор, мама.

– Ты сама решила покинуть мой дом и поселиться в логове врагов. А что касается свадьбы, это не имеет значения. Я уже предвкушаю, как ты заставишь Эрондейла нарушить брачные клятвы. Он в сто раз сильнее возненавидит себя, когда поддастся тебе и твоей – нашей – власти. – Лицо «Татьяны» сморщилось в чудовищной ухмылке; она была страшной, неестественной, словно лицо несчастной горничной начало распадаться на части. – Я твоя мать, – заявила она. – Я знаю тебя лучше всех в этом мире.

«Если не считать Джесса», – подумала Грейс, но промолчала.

– Я видела, как ты смотрела на Эрондейла там, в зале. Ты снова собиралась освободить его, так? Ты собиралась во всем признаться?

– Удерживать его бессмысленно, – стараясь говорить как можно более убедительным тоном, отвечала Грейс. – Магия недостаточно сильна. Я не могу привязать его к себе навеки. Он все увидит, поймет, что это ложь и фальшь.

– Чепуха. – Татьяна небрежно взмахнула рукой, и горничная, в свою очередь, сделала неловкий жест, как марионетка. – Ты ничего не понимаешь, девчонка. Существует великий план, и Джеймс Эрондейл – всего лишь пешка в крупной игре. Твоя обязанность – сделать так, чтобы он находился на своем месте и сыграл свою роль, а не выдавать секреты, которые ему не нужно знать.

– Но он не сделает, как я скажу...

– Он сделает то, что нам от него нужно, если ты подчинишь его своей воле. Важно только одно: чтобы ты выполнила приказ и продолжала его контролировать. – В этот момент тело служанки начало дергаться в конвульсиях, и Грейс невольно вспомнила истории о жертвах, заживо проглоченных гигантскими змеями, и как они извивались внутри. – А если попытаешься снова ослушаться, наш покровитель лишит тебя возможности общаться с Джессом. Его тело заберут, и ты никогда больше его не увидишь.

Грейс показалось, что ей в сердце вонзили нож. Демон не мог знать о том, что она собиралась сделать. Не мог знать, что она планировала вернуть брата к жизни. Откуда ему знать?

– Ты не можешь, – прошептала она. – Ты не позволишь ему сделать это, мама, я почти нашла способ вернуть его... ты не можешь нас разлучить...

Татьяна расхохоталась, и в этот момент кто-то взялся за ручку двери. Лицо горничной исказилось, она снова задрожала всем телом и рухнула на ковер. Метла и совок разлетелись в разные стороны. Грейс бросилась к ней, дверь открылась, и послышался чей-то голос:

– Мисс Блэкторн! Мисс Блэкторн, что случилось?

Грейс никак не ожидала увидеть здесь Кристофера Лайтвуда. Она вспомнила, что этот юноша – один из друзей Джеймса; он казался ей наиболее безобидным из троих.

– Я не знаю! – взволнованно воскликнула она. – Она только вошла в комнату, и ей сразу же стало плохо.

– Джеймс послал меня передать вам, чтобы вы возвращались в Длинный Зал.

Кристофер опустился на колени и приложил два пальца к запястью горничной, чтобы проверить ее пульс. Его лоб прорезала морщинка. Он поспешно вскочил на ноги.

– Подождите здесь. Я сейчас вернусь.

Грейс оставалось лишь ждать и беспомощно смотреть на обмякшее тело горничной – к счастью, она хотя бы дышала. Через пару минут вернулся Кристофер в сопровождении Бриджет, кухарки Эрондейлов, и двух лакеев.

Бриджет в старомодном черном платье и шляпке с искусственным желтым цветком, съехавшей набок, опустилась на ковер рядом с горничной и повернула ее голову.

– С дыханием все в порядке. Цвет лица тоже нормальный. – Она как-то странно посмотрела на Грейс. – Наверное, прикинулась больной, чтобы не работать, слишком много дел с этой свадьбой.

– По-моему, у нее сломано правое запястье, наверное, при падении сломала, – заметил Кристофер. – Мне не показалось, что она притворяется.

– Хм-м... – пробормотала Бриджет. – Ну что ж, мы поможем Эдит, не волнуйтесь. Вам следует возвращаться в храм. Церемония начинается, и вы нужны молодому господину.

Кристофер взял Грейс за локоть и вывел из гостиной. Обычно Грейс очень не нравилось, когда ее силой вели куда-то, но Кристофер сделал это настолько деликатно, что она не сердилась на него.

– С вами все в порядке? – спросил он, когда они подошли к лестнице.

– Я сильно испугалась, – ответила Грейс, и это была чистая правда.

– Вы хотите что-нибудь передать Джеймсу? – спросил Кристофер. – Он собирался поговорить с вами, но не успел прийти.

«Какая ирония», – промелькнуло в голове Грейс. Джеймс, порядочный и верный жених, все-таки решил не встречаться с ней наедине. Все напрасно. Ее последняя попытка освободить его была заранее обречена на неудачу.

– Я всего лишь хотела пожелать ему счастья, – произнесла она. Помолчала и тихо добавила: – И передайте ему, чтобы он ценил свою невесту. Любовь – большая редкость в нашем мире, как и настоящая дружба. Это все, что я хотела ему сказать.

4

Нерушимый союз

*«Да будет ваш союз навеки нерушим,
Пусть солнце много лет сияет молодым,
Пусть будут муж с женой верны друг другу до конца,
Никто не разлучит влюбленные сердца».*

Руми, «Этот брак»

Джеймс стоял перед алтарем, глядя в сторону скамей. У него слегка кружилась голова от волнения при виде такого множества лиц – здесь были и Уэнтворты, и Бриджстоки, и Таунсенды, и Бэйбуки, и люди, которых он не знал или видел всего раз в жизни. В первом ряду сидели родители, крепко держась за руки, рядом семья Корделии – Сона в шелковом платье цвета слоновой кости с золотой и серебряной вышивкой, Элиас с усталым, исхудавшим лицом. Он выглядел намного старше, чем в прошлый раз, когда Джеймс видел его – а ведь прошло не больше полугода. Алистер, высокомерный и непроницаемый, как обычно. Тетки и дядя Джеймса. Генри радостно улыбался; его инвалидное кресло стояло рядом со скамьей Чарльза. Томас и Анна взглядами и улыбками пытались подбодрить жениха.

Повсюду были бледно-желтые цветы из Идриса; цветами были увиты скамьи, колонны, алтарь, и в воздухе витал их тонкий аромат. Храм был освещен мягким светом сотен свечей. Джеймс прошел к алтарю, опираясь на твердую руку Мэтью. Мэтью шептал ему на ухо всякие глупости: легкомысленные замечания насчет гостей, язвительные шуточки по поводу шляпы миссис Бриджсток – и Джеймс подумал, как ему повезло. У него есть парабатай, который всегда рядом и всегда готов помочь. Он знал, что никогда не упадет, ведь Мэтью подхватит его и удержит на краю пропасти.

Двери часовни приоткрылись, все подняли головы, но оказалось, что это не Корделия, а Грейс и Кристофер. Девушка быстро подошла к скамье Чарльза и села рядом, а Кит поспешил к Томасу и Анне.

Джеймс почувствовал, что Мэтью крепче сжал его руку.

– Хорошая работа, Кит, – пробормотал он.

Джеймс мысленно согласился. Он поклялся себе, что не будет говорить с Грейс наедине, и день свадьбы едва ли подходил для того, чтобы нарушить обещание. Покинув Длинный Зал, он опомнился и до сих пор не мог понять, что заставило его согласиться на встречу.

Мэтью велел ему не волноваться и пообещал, что отправит Кристофера отменить «свидание». Чувствуя себя виноватым, Джеймс решил забыть об этом эпизоде и посвятил себя светским обязанностям: приветствовал гостей, болтал с Анной и Томасом, говорил комплименты Ариадне, представил Мэтью Филомене и с любопытством наблюдал, как они флиртуют друг с другом. В конце концов появилась Бриджет, почему-то с мрачным лицом, и потребовала, чтобы последних гостей проводили в храм. Приближалось время церемонии. Джеймс знал, что на свадьбах простых людей часто играет музыка, и Сумеречные охотники тоже иногда приглашали музыкантов на церемонию бракосочетания, но сейчас в церкви стояла мертвая тишина. Наверное, было бы слышно, если бы кто-нибудь уронил булавку. Он почувствовал, как ладони взмокли от волнения.

Двери отворились, на этот раз полностью. Свечи вспыхнули ярче, и гости начали оборачиваться, ахать и восклицать.

Это была невеста.

Мэтью придвинулся к Джеймсу, так что их плечи соприкасались. Джеймс знал, что Мэтью тоже не сводит глаз с невесты; все присутствующие смотрели на нее как завороченные,

но Джеймсу почему-то казалось, что он находится в церкви один, что только он видит, как Корделия идет к нему под руку с Люси.

Маргаритка. Смотреть на нее было больно, как на солнце. Джеймс всегда знал, что она красива – всегда? откуда? в какой момент он понял это? – но все равно при виде невесты у него перехватило дыхание, как будто кто-то ударил его кулаком в солнечное сплетение. Она была похожа на пылающий факел, от нее исходили свет и тепло, она вся была золотая: золотые розы были вплетены в ее волосы цвета красного дерева, золотое шитье и золотые бусины украшали ее желтое платье. Над левым плечом виднелась рукоять Кортаны, укрепленной за спиной при помощи широких золотых лент.

– Во имя Ангела, храбрости ей не занимать, – прошептал Мэтью. Джеймс мысленно согласился с ним: ведь, строго говоря, свадьба эта была устроена для того, чтобы исправить чудовищное нарушение приличий. Корделия скомпрометировала себя, ее поступок в свете считался постыдным, она больше не была «честной девушкой». Без сомнения, наиболее консервативные члены лондонского высшего общества считали большой дерзостью появление Корделии в храме в золотом платье и золотых украшениях невесты Сумеречного охотника, с мечом, с высоко поднятой головой.

Джеймс подумал: если среди присутствующих есть упрямцы, верные старым традициям, то сейчас самое время выразить протест против этого «позорного» брака. Но никто не произнес ни слова, гости лишь восхищенно ахали, на лице Соны отражались ликование и восторг. Корделия переступила порог храма, приподняв золотой парчовый подол, и на миг среди пены кружев мелькнула сверкающая туфелька.

Джеймс услышал хрустальный звон, и сначала ему показалось, что за окнами позвякивают на ветру покрытые льдом ветви деревьев. Но потом он случайно заметил довольную улыбку Люси. Сестра что-то знала. Видимо, это действительно была музыка, она приближалась, становилась громче. Нежная, приятная для слуха мелодия почему-то навевала грусть.

Да, кто-то играл на скрипке, и чудесная музыка проникала в храм даже через толстые каменные стены. Гости недоуменно озирались. Джеймс покосился на Мэтью.

– Это Джем?

Мэтью кивнул и взглянул на родителей жениха: Уилл и Тесса улыбались. Джеймсу показалось, что на глазах матери блеснули слезы, но ведь женщины всегда плачут на свадьбах?

– Твои родители попросили его сыграть для вас. Он снаружи, во дворе. Он отказался входить – говорит, что Безмолвным Братьям запрещено посещать свадьбы.

– Я в этом не уверен, – пробормотал Джеймс. Но он понял, что музыка – это свадебный дар ему от человека, который всегда относился к нему как дядя к племяннику. Музыка была такой же чудесной, как Корделия, такой же чистой и возвышенной, как ее первый взгляд, брошенный на жениха, когда она подошла к алтарю и остановилась рядом с ним.

Корделия не ожидала, что будет чувствовать себя так странно: она отчетливо видела людей, цветы, алтарь, слышала звуки, ощущала запахи, но одновременно словно наблюдала за

происходящим со стороны. Она видела родных, видела, как Алистер быстро взглянул на нее и снова устался на спинку скамьи перед ним, видела выражение лица матери. Для Корделии оказались неожиданностью и сильный аромат цветов, и музыка, которая стелилась перед ней, подобно ковру, подталкивала ее вперед, к алтарю.

И Джеймс тоже поразил ее. Она не думала, что он будет так пристально смотреть на нее с того момента, как она переступит порог церкви; казалось, для него во всем мире не существовало никого, кроме нее. Он был так прекрасен, что у нее перехватило дыхание; на нем был золотой фрак точно такого же цвета, как его глаза, в свете свечей блестели растрепанные волосы цвета воронова крыла. У него был ошеломленный, потрясенный вид, когда она приблизилась к алтарю, словно ему было трудно дышать, словно на него обрушился неожиданный удар.

И она его прекрасно понимала. Они оба знали, что этот момент рано или поздно наступит, но только сейчас в полной мере осознали, что происходящее реально, что они действительно станут мужем и женой.

К ним приблизилась Консул, и музыка стала тише. Шарлотта Фэйрчайлд заняла свое место за алтарем. Она ласково улыбнулась, и Корделия отошла от Люси; Джеймс взял руки невесты, и они повернулись друг к другу. Его горячие и крепкие пальцы были грубыми от мозолей. Он склонил голову, она видела его блестящие кудри и бледную щеку.

– Добро пожаловать, дорогие гости, – властный голос Шарлотты разнесся по церкви. Люси чуть не подпрыгивала на месте от восторга. Мэтью рассеянно обводил взглядом толпу, и уголок его рта был приподнят в иронической усмешке.

– Двадцать три года назад, – продолжала Шарлотта, – я в качестве Консула руководила церемонией бракосочетания Уилла и Тессы Эрондейлов в этой самой церкви. Поэтому сейчас я чувствую огромную радость и гордость, ведь мне предстоит соединить навеки их сына, Джеймса, с женщиной, семья которой также близка и дорога мне, с Корделией Карстерс.

Шарлотта устремила пристальный взгляд на Корделию, и девушке стало не по себе. Наверняка Консул, такая пронизательная женщина, может читать в их сердцах. Но Шарлотта лишь улыбнулась и продолжала:

– Сегодня мы, представители Конклава и Анклава, дети Ангела и те, кого мы любим, собрались здесь... – Она подмигнула, и Корделия с некоторым удивлением заметила рядом с Уиллом и Тессой Магнуса Бейна. – Итак, мы собрались здесь, во имя Разиэля, для того, чтобы отпраздновать создание новой семьи. Наш жизненный путь труден и одинок. Разиэль возложил на наши плечи тяжелое бремя, и совсем недавно нам пришлось снова вспомнить об этом. – Взгляд ее ненадолго остановился на Гидеоне и Софи. – Но кроме ответственности мы получили от Ангела много даров. – Шарлотта ласково взглянула на мужа. – Он подарил нам чудесную способность – способность любить, отдавать свое сердце другому человеку. Любовь очищает и освящает нас. Когда мы любим друг друга, мы становимся в некотором смысле похожими на Ангелов.

Корделия почувствовала, что Джеймс слегка сжал ее руку. Он поднял голову и смотрел на нее спокойно и уверенно, слегка улыбаясь, чтобы подбодрить ее. «Держись», – беззвучно произнес он, и она невольно улыбнулась в ответ.

– Джеймс Морган Генри Эрондейл, – громко произнесла Шарлотта. – Ходил ли ты среди стражей, по городу? Нашел ли ты ту, которую любит душа твоя?

Корделия услышала, как Люси втянула воздух в легкие и затаила дыхание. Она выдохнула только после того, как Джеймс ответил твердым, ясным голосом, который разнесся по всей часовне:

– Я нашел ее. – И он слегка вздрогнул, будто эти слова и убежденность поразили его самого. – И не отпущу ее.

– Корделия Кетаюн Карстерс, – продолжала Шарлотта. – Ходила ли ты среди стражей, по городу? Нашла ли ты того, которого любит душа твоя?

Корделия молчала. Джеймс держал ее руки уверенно, но мягко и ласково; она знала, что он всегда будет таким с ней, мягким, спокойным, добрым, заботливым. Сердце ее забилося часто-часто, на щеках выступил предательский румянец. Он не был с ней мягким и спокойным в Комнате Шепота. Его руки страстно ласкали ее тело, губы жадно целовали ее лицо. Тогда она на несколько минут увидела того Джеймса, который был нужен ей, но которого она не могла получить.

Все это время она говорила себе, что без труда выдержит свадьбу и семейную жизнь, что она, по крайней мере, будет жить рядом с Джеймсом, в одном доме с ним, будет видеть, как он засыпает и просыпается. Но сейчас, глядя ему в лицо – на его прекрасный рот, на его пушистые ресницы, скрывавшие золотые глаза и его сокровенные мысли, – она поняла, что к моменту расставания уже не будет прежней. Она добровольно пошла на это, согласилась ради него разбить себе сердце.

– Да, – сказала Корделия. – И я не отпущу его.

Скрипка заиграла громче. Шарлотта просияла.

– Настало время обменяться первыми рунами и следующими клятвами, – сказала она.

Обычно в день свадьбы Сумеречные охотники обменивались двумя парами рун: по одной руне наносили на руку во время публичной церемонии и по одной – на грудь, позднее, когда молодожены оставались наедине. Сона всегда говорила, что одна руна предназначалась для общества, а вторая – для самих супругов.

Мэтью и Люси подошли к алтарю и взяли по золотому стилу.

– «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою», – нараспев произнесла Люси и с уверенным видом подала Корделии стилу. Древние слова ритуала снова заставили Корделию осознать серьезность происходящего. Иногда их произносили сами жених и невеста, иногда – их поверенные. Сегодня Джеймс и Корделия попросили Мэтью и Люси говорить вместо них.

– «Ибо крепка, как смерть, любовь», – продолжал Мэтью и вложил второе стилу в руку жениха. Джеймс никогда не слышал, чтобы его друг говорил таким торжественным тоном. – «Люта, как преисподняя, ревность»¹³.

Джеймс засучил левый рукав фрака и рубашки, открыв другие руны, нанесенные утром. Руны Любви, Удачи и Радости. Корделия наклонилась к нему, чтобы начертать у него на предплечье брачную руну – несколько быстрых штрихов. Ей пришлось придержать его руку, чтобы не сбиться, и она вздрогнула, прикоснувшись к его нежной коже, под которой чувствовались железные мышцы.

Затем настала очередь Джеймса; он осторожно, стараясь не прикасаться к руке Корделии, изобразил первую из брачных рун ниже локтя, там, где заканчивался отделанный кружевом рукав.

Шарлотта склонила голову.

– А сейчас, пожалуйста, повторайте за мной: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни демоны, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не смогут разлучить нас»¹⁴.

– «Ибо я уверена...» – прошептала Корделия. Повторяя слова брачной клятвы за Шарлоттой, она искоса взглянула на четкий профиль Джеймса.

Он казался абсолютно спокойным, и когда настала его очередь, ясным, ровным голосом произнес положенные слова:

¹³ Книга Песни Песней, 8:6.

¹⁴ Измененная цитата из Библии (К Римлянам 8:38–39).

– «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни демоны, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее...»

Корделия думала: «Это произошло. Это действительно произошло. Это реальность». И все же то, что случилось дальше, оказалось для нее полной неожиданностью. Договорив клятвы, они с Джеймсом вздохнули с облегчением. Однако облегчение это длилось недолго.

– Теперь жених может поцеловать невесту, – радостно объявила Шарлотта.

Корделия уставилась на Джеймса, приоткрыв рот. Он, казалось, удивился ничуть не меньше; они оба совершенно забыли о том, что молодоженам положено целоваться во время бракосочетания.

«Я не смогу», – в ужасе подумала Корделия. Она не могла целовать мужчину, который ее не любил, которому не нужны были ее поцелуи, и тем более на глазах у целой толпы. Но Джеймс уже обнимал ее. Рука его коснулась ее щеки, и он едва слышно прошептал ей на ухо:

– Мы зашли слишком далеко. Ты не можешь отказаться от меня сейчас.

Она резко подняла голову, и губы их на миг соприкоснулись. Он улыбался.

– Я бы никогда не... – в негодовании начала она, но он не дал ей договорить.

Джеймс поцеловал ее; этот поцелуй и эта улыбка потрясли ее, словно удар молнии, и у нее подкосились ноги. Корделия бессильно вцепилась в него, обняла его за плечи. Он, конечно, был слишком хорошо воспитан, чтобы поцеловать ее по-настоящему, и губы его были плотно сжаты, но они были нежными и мягкими, такими нежными, горячими, что ей пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы подавить страстный стон.

Он отстранился, и Корделия дрожащими руками пригладила платье. В тот же миг раздались восторженные крики гостей, аплодисменты; кто-то свистел, кто-то топал ногами.

Овация продолжалась, когда они взялись за руки и направились к выходу из церкви. Корделия увидела улыбающуюся Люси, потом взгляд ее случайно упал на лицо Мэтью, застывшее, мрачное. Она заметно вздрогнула. Должно быть, он волнуется за Джеймса, подумала она. Что ж, у него есть для этого все основания. Она долго готовилась к этому дню, но ничто не могло подготовить ее к реальности.

Она стала замужней женщиной.

Она стала женой Джеймса, и ее охватил смертельный ужас.

Они прошли мимо гостей, которые приветствовали их аплодисментами и поздравлениями, миновали Длинный Зал и затем поднялись в большой бальный зал, где были накрыты столы для свадебного обеда.

Корделия, все еще державшая Джеймса за руку, изумленно огляделась. Бальный зал представлял собой сказочное зрелище. Сона и Тесса, которые несколько месяцев без устали трудились над подготовкой к празднику, не оставили без внимания ни малейшей детали: сотни свечей мигали в медных канделябрах, окна были задрапированы портьерами из золотистого шелка. Все вокруг было золотое, подобно платью Корделии. С потолка свисали золотые знамена и сияющие золотые колокольчики. Золотыми лентами были увиты гирлянды из цветков пижмы и желтого кембрийского мака; искусно уложенные пирамиды золотистых яблок и груш поблескивали среди еловых лап и веток белоплодной рябины. Даже два гигантских многоярусных торта, возвышавшихся в центре пышного праздничного стола, были украшены глазурью цвета золота и слоновой кости.

Обеденный стол действительно впечатлял: здесь были блюда с дымящейся жареной бараниной и цыплятами, тонкие бараньи отбивные, говяжий язык, паштет из гусиной печени. Другой длинный стол был заставлен холодными блюдами: лосось в огуречном соусе, салат из лобстера с рисом, салат из вареного картофеля и маринованных огурцов, заливные блюда с крупными целыми яйцами. Через равные промежутки были расставлены блюда с желе – янтарные, зеленые, цвета фуксии.

Корделия, широко раскрыв глаза, смотрела на все это. Вскоре вокруг молодоженов собрались друзья. Кристофер стащил из «натюрморта» грушу и был весьма разочарован, обнаружив, что она восковая.

– Боже мой, это чудесно, – прошептала Корделия.

– Ты мне льстишь, дорогая, – легкомысленно заметил Мэтью. – С другой стороны, я действительно приберег этот жилет для особого случая.

Корделия рассмеялась. К молодым людям присоединились родители Джеймса; они хотели поздравить молодоженов и, как подозревала Корделия, оградить их от натиска наиболее энергичных и болтливых знакомых. Уилл со счастливым видом смотрел на сына, и когда Корделия случайно перехватила его сияющий взгляд, улыбка ее погасла и настроение испортилось. На сердце легло тяжелое бремя. Она обманывала всех родственников, своих родителей и брата, но почему-то лгать Тессе и Уиллу было труднее всего.

– Я просто умираю от голода, – прошептал Джеймс на ухо Корделии.

Люси в это время провожала членов Анклава к предназначенным для них местам. Жених и невеста не могли позволить себе прикоснуться к угощению до тех пор, пока последний гость не усядется за стол. Корделия заметила у дальнего конца стола родных; Алистер и Элиас помогали Соне сесть. Ей хотелось пойти к ним, но Сона еще вчера твердо дала ей понять, что после бракосочетания Корделия должна будет неотлучно находиться рядом с Джеймсом.

– Как это жестоко: я вынужден смотреть на все эти яства, но не могу взять даже крохотного бисквита.

– Смотри, неужели Кристофер ест свою восковую грушу? – прошептала она в ответ. – Ему же будет плохо.

Корделия уже оставила попытки наблюдать за гостями; лица, имена смешались в голове, и она не могла даже вспомнить, кого из этих людей видела прежде, а кого – нет. Джеймс знал всех хотя бы по имени, ведь ему, как сыну руководителя Института, несколько лет приходилось присутствовать на различных светских мероприятиях. Корделия с облегчением увидела знакомые лица – Габриэля и Сесили с маленьким сыном Александром, который во время церемонии спал в детской и до сих пор не мог проснуться, несмотря на шум, разговоры и бурные аплодисменты. Розамунда Уэнтворт жаждала поговорить о свадебных тротах, поскольку «как вам, без сомнения, известно, я тоже скоро выхожу замуж. Тоби, прекрати это и послушай, что тебе говорят». Старшая сестра Томаса, Евгения, недавно вернулась из Идриса. Генри Фэйрчайлд просто взял Корделию за руки и пожелал ей счастья, без всяких красивых фраз, но с такой неподдельной искренностью, что ей захотелось плакать.

Наконец, Люси и Тесса помогли всем гостям найти свои места, и Джеймс с Корделией получили возможность сесть за стол. Люси ухитрилась устроить так, чтобы друзья сидели рядом с молодоженами. К ним не присоединилась только Анна – она сидела в конце стола, как всегда ослепительная, и обсуждала с Магнусом Бейном жизнь Рагнора Фелла на Капри. С самого начала, когда они перешли из храма в бальный зал, Корделия предложила позвать ее, но Мэтью сказал тогда: «Анна похожа на кошку. Нельзя принуждать ее, нужно подождать, и она сама к тебе придет». И Кристофер подтвердил, что это чистая правда.

Вокруг снова лакеи, подавали гостям блюда и напитки. Корделия жевала сладкий инжир; знакомый вкус напомнил ей детство, и она подумала о матери, об инжире в меду, который Сона велела подавать по особым случаям.

– Добро пожаловать в нашу семью, – улыбнулся Кристофер. – Теперь ты наша кухня, точнее, невестка. У меня до сих пор не было невесток.

– Все Сумеречные охотники так или иначе связаны между собой родством, – сообщил Мэтью, спрятал флягу во внутренний карман пиджака и проворно схватил два бокала шампанского с подноса проходившего мимо официанта. Один бокал он изящным жестом подал Джеймсу. – А молодожены, скорее всего, придутся друг другу кузенами в девятом колене.

– Спасибо за ценную информацию, – с сарказмом произнесла Корделия, поднимая бокал. – Надеюсь, вы не откажетесь сделать меня почетным членом братства «Веселых Разбойников».

– Посмотрим, посмотрим, – хитро сказал Мэтью, и в глазах его вспыхнули лукавые искорки. – Это будет зависеть от твоих навыков и опыта в разбое, грабежах... и тому подобном.

– Это так здорово, просто замечательно, все это, – восторженно бормотал Кристофер. – То есть я хочу сказать, даже несмотря на то, что вся эта свадьба... ну, вы понимаете... из-за того, что...

Томас поспешил вмешаться и громко произнес:

– Вот именно, обошлась в кучу денег! Но я должен сказать, что результат стоит потраченных средств.

– В любом случае здорово, что у тебя теперь будет собственный дом, Джеймс, – продолжал Кристофер. – Больше не надо мерзнуть на сквозняке в «Дьяволе».

– «Веселые Разбойники» собираются в респектабельном доме, – хмыкнул Мэтью. – Кто бы мог подумать?

– А мне нравятся наши комнаты в «Дьяволе», – возразил Джеймс.

– А мне нравится, когда огонь в камне не заливает дождем, – сказал Томас.

– Я запрещаю перетаскивать хлам из таверны ко мне домой, – сурово объявил Джеймс. – Я не собираюсь превращать его в склад для своих непутевых друзей.

Мальчишки начали возражать и продолжали весело болтать, но Корделия молчала. Она была благодарна им: за то, что они спокойно отнеслись к этому браку, а ведь могли бы невзлюбить ее за то, что она вынудила Джеймса жениться. Они понимали всю сложность ситуации.

Когда речь зашла о новом доме, она уже не в первый раз подумала: «Скоро прием закончится, я не поеду домой с отцом, матерью и Алистером. Я отправлюсь со своим мужем в наш новый дом». Их дом. Дом, о котором она совершенно ничего не знала; она, молодая супруга, даже представления не имела, где он находится.

Мать была недовольна решением Корделии, которая позволила жениху самостоятельно заниматься покупкой и отделкой дома. Сона говорила, что мужчины не имеют ни малейшего понятия о том, как обставлять дом, а кроме того, разве Корделия не хочет, чтобы ее жилище носило отпечаток ее личности? Разве не хочется ей самой обустраивать дом, в котором ей предстоит провести всю оставшуюся жизнь?

Корделия тогда ответила матери, что Джеймс собирается сделать ей сюрприз и ее это вполне устраивает. Она сказала себе, что, поскольку деньги на покупку дома дали родители Джеймса, после развода все имущество достанется ему. Возможно, он захочет жить там с Грейс.

Она не смогла справиться с искушением и принялась искать взглядом Грейс. Та сидела рядом с Чарльзом, как всегда молчаливая и прекрасная. С другой стороны от нее сидела Ариадна – Корделия совсем забыла о том, что Грейс теперь живет в доме Бриджстоков. Все это выглядело очень странно.

Внезапно Чарльз поднялся и направился к молодоженам. Выглядел он в высшей степени довольным собой, и Корделия насторожилась.

Мэтью тоже это заметил.

– Мой братец на горизонте, – тихо сказал он Джеймсу. – Осторожнее. У него какой-то слишком счастливый вид.

– Мои дорогие мистер и миссис Эрондейл! – излишне громко начал Чарльз, и Мэтью в тоске поднял глаза к потолку. – Могу ли я первым поздравить вас со счастливым событием? – И он протянул Джеймсу руку.

Джеймс взял ее и пожал.

– Ты будешь отнюдь не первым, Чарльз, но мы все равно ценим твое внимание.

– Какая чудесная свадьба, – продолжал Чарльз, оглядывая стропила с таким лицом, словно очутился в этом зале впервые. – В этом году у нас настоящий брачный сезон, верно?

– Что? – несколько растерялся Джеймс, но тут же опомнился. – Ах да, разумеется, ты ведь тоже женишься... на... на мисс Блэкторн.

Мэтью одним махом осушил бокал шампанского.

Корделия пристально смотрела на Джеймса, но по лицу его невозможно было догадаться, о чем он думает. Он любезно улыбался Чарльзу, и, как обычно, Корделия была одновременно восхищена и немного напугана его безупречной, непроницаемой Маской. Так она называла бесстрастное выражение, которое принимало лицо Джеймса в тех случаях, когда он хотел скрыть свои чувства.

– Мы с нетерпением ждем того дня, когда в этом самом зале будем пить за ваше счастье и здоровье, Чарльз.

Чарльз отошел, и Мэтью поднял бокал.

– В Париже это называют *sang-froid*, месье Эрондейл.

Корделия про себя согласилась с ним. Маска пугала ее, потому что не позволяла никому догадаться о чувствах и мыслях Джеймса, но она, разумеется, иногда была полезной. Надев Маску, Джеймс становился неуязвимым.

– Это комплимент? – с любопытством спросил Кристофер. – Ведь, по-моему, это означает «хладнокровие»?

– Из уст Мэтью эта фраза, без сомнения, является комплиментом, – раздался веселый голос Анны. Корделия не заметила, как она подошла. Ее сопровождал Магнус Бейн в голубом фраке с золотыми пуговицами, золотом жилете, серо-коричневых бриджах и туфлях с блестящими пряжками. Корделия подумала, что он похож на одного из придворных «короля-солнце», какими их изображали на старинных картинах.

– Вы все, разумеется, знакомы с Магнусом Бейном? – Анна жестом указала на мага.

– Насколько я понимаю, – улыбнулась Корделия, – это не совсем корректный вопрос. Не имеет значения, знаете ли вы Магнуса Бейна, главное – знает ли он вас.

– О, мне это нравится. – Анна явно была довольна услышанным. – Весьма остроумно сказано, Маргаритка.

Магнус, надо отдать ему должное, выглядел несколько смущенным. Очень странно было видеть смущение на лице чародея, всегда уверенного в себе и щегольски одетого. Они с Анной, на которой был черный мужской костюм, небесно-голубой жилет и фамильное рубиновое ожерелье, представляли собой весьма элегантную пару.

– Мои поздравления, – пробормотал маг. – Я желаю вам и Джеймсу самого безоблачного счастья, которое только возможно в этом мире.

– Спасибо, Магнус, – ответила Корделия. – Мы очень рады вас видеть. Есть ли хоть малейший шанс, что вы останетесь жить в Лондоне?

– Возможно, – сказал Магнус. В течение последних нескольких месяцев он бывал в столице наездами, но чаще исчезал по каким-то таинственным делам. – Но сначала мне нужно посетить Корнуоллский Институт, чтобы помочь в решении одной проблемы. Если быть точным, я уезжаю завтра.

– И что же это за проблема? – осведомился Мэтью. – Нечто сверхсекретное, мистическое, загадочное и прекрасное?

– Напротив, работа очень скучная, – решительно ответил Магнус, – но за нее хорошо заплатят. Мне поручили разобрать колдовские книги, имеющиеся в Корнуоллском Институте. Некоторые из них могут быть опасными, но кое-какие сочинения представляют немалую ценность для Спирального Лабиринта. Джем – то есть, прошу прощения, Брат Захария – будет меня сопровождать; насколько я понимаю, это единственный Сумеречный охотник, которому доверяют и Конклав, и Спиральный Лабиринт.

– Значит, вы будете путешествовать и трудиться в хорошей компании, – заметила Корделия. – Однако мне очень жаль слышать, что вы покидаете Лондон. Мы с Джеймсом надеялись, что вы примете приглашение отобедать с нами в новом доме.

– Не стоит беспокоиться, – улыбнулся Магнус, – вам недолго придется обходиться без моего лучезарного присутствия. Я рассчитываю вернуться через две недели. Тогда мы отпразднуем ваше новоселье.

Мэтью вмешался:

– Я требую, чтобы меня тоже пригласили на обед, на котором будет присутствовать Магнус. Я не потерплю, чтобы мной пренебрегали.

– Кстати, о пренебрежении, – пробормотала Люси. Откуда ни возьмись в непосредственной близости от них появилась Ариадна Бриджсток, очаровательная в своем розовом платье, отделанном золотым бисером.

– Вот вы где, – заговорила Ариадна. – Джеймс, Корделия, примите мои поздравления. – Не дожидаясь ответа, она повернулась к молодоженам спиной и обратилась к Анне: – Вы не уделите мне минутку, мисс Лайтвуд? Мне хотелось бы пройтись с вами по залу.

Корделия, загоровшись любопытством, бросила на Мэтью многозначительный взгляд, а он едва заметно пожал плечами. Однако Корделия заметила, что он насторожился, словно кот, почуявший мышь.

Анна, которая до этого момента стояла в небрежной позе, сунув руки в карманы, выпрямилась.

– Никто не бродит по залу, и ты сама это прекрасно видишь, Ариадна.

Ариадна, опустив взгляд, тербила юбку.

– Мы могли бы поговорить, – предложила она. – Возможно, приятно провели бы время.

Корделия напряглась – она испугалась, что сейчас Ариадна получит резкий ответ. Но Анна лишь произнесла негромким, совершенно бесстрастным голосом:

– Я так не думаю.

И ушла, не удостоив девушку больше ни единым словом.

– Эта молодая дама обладает более сложным характером, чем представляется со стороны, – обратился Магнус к Ариадне.

Но Ариадна как будто не оценила сочувственную реплику чародея. Глаза ее сердито вспыхнули.

– Мне это известно гораздо лучше, чем другим. – Она сухо кивнула молодоженам. – Позвольте еще раз пожелать вам большого счастья.

Корделии неожиданно захотелось пожелать ей в ответ победы в сражении, но она не успела даже рта раскрыть: Ариадна ушла прочь, высоко подняв голову.

– Ну что же, – заметил Магнус, небрежно играя сверкающим цветком, красовавшимся у него в петлице. Корделия заметила, что это позолоченный пион. – Нельзя не восхищаться силой духа, которую проявляет эта девушка.

– О, она настроена очень решительно, – сказала Люси. – Она подходит к Анне на каждом вечере, на каждом балу и всегда обращается к ней с какой-нибудь просьбой.

– И как на это реагирует Анна?

– Судя по ее бурной любовной жизни, пока никак, – ответил Джеймс. – Всякий раз, когда я вижу ее, она наслаждается обществом очередной незнакомой мне леди.

– Между ней и Ариадной совершенно точно что-то произошло, – сказал Томас. – Просто мы не знаем, что именно.

Корделия вспомнила сцену в лазарете: Анна опустилась на колени у кровати Ариадны и страстно шептала лежавшей без сознания девушке: «Не умирай, прошу тебя». Она никому не рассказывала об этом эпизоде; почему-то ей казалось, что Анна была бы не довольна, если бы кто-то узнал о подобном проявлении ее истинных чувств.

Магнус ничего не ответил, потому что его внимание привлек кое-кто другой.

– Ах, – пробормотал он. – Мистер Карстерс.

Алистер с целеустремленным видом приближался к Корделии и Джеймсу. Магнус, словно предчувствуя неловкую сцену, извинился и незаметно исчез.

Корделия смотрела на брата в тревоге; ей казалось, что он напрасно рискует. Попытка поздравить жениха и невесту вполне могла привести лишь к оскорблениям и насмешкам со стороны «Веселых Разбойников». Но, видимо, он твердо решил исполнить свой долг; он подошел прямо к сестре и, не глядя на остальных, отрывисто проговорил:

– Я хотел бы поздравить вас обоих с этим счастливым событием.

Джеймс смерил его холодным взглядом.

– Вижу, у тебя хватает ума хотя бы произносить правильные слова, – тихо сказал он, – пусть даже ты не можешь заставить себя притвориться, будто говоришь искренне.

Губы Алистера превратились в тонкую линию.

– Значит, попытка не засчитана?

«Прекрати», – мысленно взмолилась Корделия. Она знала, что Алистер не всегда был таким; она знала, что он мог быть добрым, ласковым, даже уязвимым. Она знала, что их отец разбил сердце сыну, превратил его в циничного, разочарованного в жизни человека, и Алистеру оставалось лишь как-то справляться с этой травмой. Но она считала, что брат ведет себя неправильно: что он не должен прятаться от людей, не должен окружать себя стеной из шипов.

Точно так же Джеймс скрывался за своей Маской.

– Сегодня мы стали братьями, Алистер, – ответил Джеймс, – мы будем рады видеть тебя в нашем доме. Я, разумеется, буду вежлив с тобой, и надеюсь, что ты тоже будешь вести себя пристойно, ради Корделии.

Во взгляде Алистера промелькнуло нечто вроде облегчения.

– Разумеется.

– Однако ты должен обращаться с ней любезно, – продолжал Джеймс спокойным, негромким голосом. – Потому что мое гостеприимство распространяется на тебя лишь в том случае, если Корделии приятно твое присутствие.

– Разумеется, – повторил Алистер. – Я прекрасно тебя понимаю.

Он повернулся к Томасу, который все это время сосредоточенно разглядывал свою тарелку.

– Том, – осторожно произнес он. – Можно тебя на минуту...

Томас резко поднялся, едва не опрокинув стол, и Корделия вздрогнула от неожиданности.

– Я уже тебя предупреждал: если ты хоть раз посмеешь заговорить со мной, я швырну тебя в Темзу, – прошипел он. Его обычно открытое, дружелюбное лицо исказилось от злости. – Ты мог бы выбрать более подходящую погоду для купания.

– Прекрати. – Корделия отшвырнула в сторону салфетку. – Алистер – мой брат, и я люблю его. Сегодня день моей свадьбы. Я не допущу, чтобы кто-то бросал моих родственников в Темзу.

– Ну как ты можешь, Томас, – взмолилась Люси, жалобно глядя на подругу.

Томас стиснул руки в кулаки.

– А теперь, – сердито произнесла Корделия, – кто-нибудь объяснит мне, наконец, что здесь происходит?

Наступило неловкое молчание. Даже Алистер не смотрел на нее. Наконец, он издал какой-то странный хриплый звук.

– Это... невыносимо, – пробормотал он. – Я не намерен это терпеть.

– Ты это заслужил, – разгневанно воскликнул Мэтью, и глаза его вспыхнули. Джеймс машинально вытянул руку, словно хотел успокоить своего парабата, но в этот момент в дальнем конце зала раздался грохот.

Алистер молча отвернулся и быстро направился прочь. Корделия, сразу сообразив, что происходит, вскочила из-за стола и бросилась за ним. Тяжелые парчовые юбки мешали ей, и она подбежала к родителям через несколько минут после Алистера. Отец сидел на полу возле перевернутого стула, сжимая ушибленное колено и издавая громкие стоны.

Сона неловко пыталась встать из-за стола.

– Элиас... Элиас, ты не...

Лицо отца было красным, как свекла; видимо, он уже успел изрядно набраться и пребывал в отвратительном настроении.

– Повторяю тебе, это я должен был вести дочь к алтарю! – рявкнул Элиас. – Но никто даже не подумал предложить мне участвовать в церемонии. Убрали с глаз подальше, как будто вы стыдитесь меня! Да, я могу представить, как ты и мой драгоценный сыночек уговаривали ее отказаться от родного отца! Это безобразие! Откровенное унижение! И не вздумай убеждать меня, будто это не так!

И он с силой ударил кулаком по паркету.

Корделия готова была провалиться сквозь землю от стыда. Она быстро взглянула на Алистера, который помогал Элиасу подняться на ноги, и встала так, чтобы загородить их своими пышными юбками от остальных гостей. Но было уже поздно: люди, сидевшие рядом с ее родителями, естественно, все видели и слышали, и теперь с любопытством наблюдали за скандальной сценой. Корделию охватила ярость. Как смеет отец бранить их за то, что ему не отвели роль поверенного на ее свадьбе! Ведь они до сегодняшнего утра понятия не имели о том, где он находится!

– Я здесь, – раздался голос у нее за спиной. Это был Джеймс. Он ласково прикоснулся к руке Корделии, потом наклонился к Элиасу, и они вместе с Алистером кое-как поставили ее отца на ноги. Элиас злобно уставился на Джеймса.

– Мне не нужна твоя помощь.

– Как вам будет угодно, – спокойно ответил Джеймс.

Сона в отчаянии спрятала лицо в ладонях; Корделия быстро погладила мать по плечу, потом оглянулась: Джеймс и Алистер поспешно тащили Элиаса к выходу.

– Отец, мне кажется, тебе надо немного отдохнуть, – говорил Алистер. Он не повышал голоса, вел себя естественно, вид у него был такой, словно происходящее было совершенно нормальным. «Значит, вот как он справлялся с ним все эти годы», – подумала она.

– Сюда, сэр, – сказал Джеймс и, глядя на Алистера, беззвучно произнес «бильярдная». Тот кивнул. Сона бессильно откинулась на спинку стула, а Корделия поспешила следом за молодыми людьми, которые направлялись к двойным дверям. Она шла быстро, глядя прямо перед собой; она знала, что все смотрят на них, слышала неестественно громкие и жизнерадостные голоса Уилла и Габриэля, пытавшихся отвлечь гостей.

Джеймс и Алистер уже скрылись за дверями вместе с ее отцом. Она выскользнула из зала и очутилась в коротком коридорчике, в который выходила дверь бильярдной. Она испытала некоторое облегчение, оставшись в одиночестве, пусть даже ненадолго; прислонилась к стене и про себя произнесла короткую молитву, обращенную к Разиэлю. «Я знаю, что не заслуживаю твоего снисхождения, но, прошу тебя, дай мне сил».

Из-за двери бильярдной доносились голоса. Корделия застыла на месте; наверное, Джеймс и Алистер не заметили, что она последовала за ними.

– Конечно же, – говорил Алистер, – ты и твои друзья еще долго будете потешаться над нами.

Голос у него был усталым, подавленным, как будто он устал бороться и признавал свое поражение. Да, Корделию часто раздражало упрямство Алистера, но слышать этот безнадежный голос было намного тяжелее.

– Если кто-то и злится на тебя, то вовсе не из-за поступков твоего отца, – услышала она голос Джеймса. – Только за то, что ты сам говорил и делал.

– Я же пытался извиниться, пытался стать другим, – ответил Алистер, и Корделия, несмотря на разделявшую их дверь, поняла, что его голос дрожит. – Как я могу исправить содеянное, если никто не позволяет мне?

В голосе Джеймса прозвучало искреннее сочувствие.

– Ты должен дать людям время, Алистер, – сказал он. – У всех нас есть недостатки, никто не ждет от других абсолютного совершенства. Но если ты причиняешь людям боль, будь готов к тому, что они испытывают гнев. Ты оскорбил человека и отнял у него покой, и ненависть – это естественная реакция на происшедшее. Она не может угаснуть так быстро, как бы тебе ни хотелось этого.

Алистер помолчал некоторое время, потом неуверенно заговорил:

– Джеймс, скажи мне... А он не...

Раздался глухой стук, как будто что-то упало, потом послышался знакомый звук – Элиаса тошнило. Корделия услышала, что Алистер просит Джеймса уйти, говорит, что он справится сам. Не зная, что делать дальше, Корделия тихо отошла от двери и вернулась в балый зал.

Свадебный обед был в разгаре. Корделия заметила, что «Веселые Разбойники» встали из-за стола, расхаживали по залу, здоровались с гостями, принимали поздравления от имени новобрачных. Вокруг Мэтью и Анны собралась группа молодежи, откуда время от времени доносились взрывы смеха; Уилл улаживал слух важных гостей длинным и сильно приукрашенным пересказом какого-то романа Диккенса.

Корделия прислонилась к стене. Она знала, что друзья стараются ради Джеймса, но не только. Они прикладывали усилия и ради нее тоже; они отвлекали людей, занимали их разговорами, чтобы заставить их хотя бы временно забыть о происшествии с Элиасом. Да, к счастью, ей не пришлось справляться со всем этим одной.

Она вошла в зал, и гости один за другим начали подходить к ней, со всех сторон сыпались поздравления. Струнный квартет исполнял негромкую мелодию; гости закончили с едой, мужчины принялись за портвейн, а женщины – за миндальный ликер. Евгения и Ариадна играли с Алексом. Мэтью запел, а Люси с Томасом, судя по их встревоженным лицам, пытались его остановить. Шарлотта бросила на них быстрый взгляд. Корделия невольно задала себе вопрос: интересно, что думает Шарлотта о своем младшем сыне, о его богемных привычках, о каком-то внутреннем конфликте, который не давал ему покоя, о том, что он никогда не бывал безмятежным и довольным собой, как другие, – только слишком печальным или слишком радостным.

Потом она подумала о собственной матери. Сона встала из-за стола и оживленно беседовала с Идой Роузвэйн и Лилиан Хайсмит с таким видом, будто ничего не произошло. Корделия поняла, что именно этим и занималась ее мать всю замужнюю жизнь: стараясь забыть об унижении и отчаянии, собиралась с силами, улыбалась и продолжала выполнять свой долг. Как же она, Корделия, могла так долго оставаться слепой?

Она сделала глубокий вдох, изобразила любезную улыбку и направилась к матери. Она заметила, что на лице Соны промелькнуло облегчение, и поблагодарила ее собеседниц за то, что они удостоили своим присутствием ее свадьбу. Ида Роузвэйн похвалила платье невесты; Лилиан Хайсмит восхищалась новыми ножнами.

– Благодарю, – сказала Корделия. – Чудесная вещь, согласна с вами. Это свадебный подарок от моего отца.

Она улыбнулась, и женщины тоже заулыбались; если у них и имелось какое-то мнение насчет ее отца, они предпочли оставить его при себе. Сона прикоснулась к щеке Корделии, и она продолжала обходить гостей, благодарила их за то, что они пришли, за поздравления и пожелания счастья. Она удивлялась: всего-то нужно было притвориться, и все остальные тоже начинали притворяться и лгать, и все шло как по маслу.

Когда она отошла от Уэнтвортов, желавших узнать имя поставщика шампанского, кто-то осторожно прикоснулся к ее плечу.

– Дорогая моя. Ты держишься просто прекрасно. – Обернувшись, Корделия увидела перед собой Тессу.

Корделия лишь кивнула в ответ; Тесса не заслуживала ее фальшивых улыбок. Она с облегчением заметила, что некоторые гости начинали прощаться.

– Успех в обществе зависит от твоего умения держаться уверенно, – осторожно продолжала Тесса. Корделия подумала об унижениях, которые приходилось терпеть Тессе и ее семье все эти годы: о сплетнях и перешептываниях насчет происхождения Тессы, ее отца-демона. – И от умения не обращать внимания на глупцов, невежд и их злобные речи.

Корделия снова молча кивнула. Уиллу и Тессе было прекрасно известно, что Элиас провел это время в Базилиасе, и о том, почему его положили в больницу. Но все равно это было ужасно унижительно, то, что родители Джеймса увидели ее отца таким.

– Сейчас я должна провожать гостей, – ответила Корделия, – но Джеймс там, в ваших комнатах с... с моим отцом.

– Ничего страшного, я помогу тебе, – успокоила ее Тесса и жестом пригласила следовать за собой. Вместе они стояли у главных дверей бального зала, и Корделия без конца улыбалась, снова и снова повторяя положенные слова. Она благодарила всех за оказанное внимание и приглашала на торжественный прием в их новом доме, который предполагалось устроить через некоторое время. Краем глаза она заметила Уилла и Люси – они обходили гостей, раздавая коробки с кусочками свадебного торта, который полагалось забрать домой, на удачу.

– Очевидно, я должен ждать целый год, прежде чем это съесть, – с любопытством заметил Кристофер, указав на коробку. Его сопровождали родные – Сесили и Габриэль, Александр, который устал и уже уснул, и даже Анна. Анна, судя по всему, собиралась куда-то в компании Магнуса Бейна; возможно, в Адский Альков, а может быть, в какое-то другое таинственное место. – К тому времени на торте должны вырасти новые, очень интересные штаммы плесени.

– С нетерпением жду результатов эксперимента, – торжественно ответила Корделия.

Томас, который вел под руку Евгению, с заговорщическим видом улыбнулся. По крайней мере, он не сердился на нее, хотя и по какой-то непонятной причине не разговаривал с Алистером. Корделия подумала, что дальше так продолжаться не может; она просто обязана выяснить, почему «Веселые Разбойники» возненавидели ее брата.

Наконец, в бальном зале осталось лишь несколько посторонних. Корделия заметила Алистера и Джеймса на пороге двери, ведущей в бильярдную. Войдя в зал, они разошлись: Алистер присоединился к Соне, а Джеймс остановился и взглядом искал кого-то.

Заметив Корделию, он помахал ей, и у нее дрогнуло сердце, когда она сообразила, что он искал ее. Он поспешил к жене, взял ее за руки и, наклонившись к ее уху, заговорил вполголоса. Корделии стало отчего-то неловко, но никто не обращал на них внимания. Тесса незаметно отошла. Разумеется, никто не обращает внимания на них, подумала Корделия; ведь они молодожены, а молодожены всегда смущенно перешептываются.

– Прошу прощения за то, что оставил тебя одну, – прошептал он. – Твой отец устроил небольшой беспорядок в бильярдной. – Ей почему-то было приятно оттого, что Джеймс не пытался умалчивать о происшедшем, разговаривал с ней как с взрослой женщиной. – Мы достали для него холодный компресс и потушили свет в комнате. Он сказал, что ему нужно побыть одному, чтобы прошла головная боль.

Корделия кивнула.

– Спасибо. Я думала, что в больнице ему помогут, но...

Джеймс ласково погладил ее по щеке.

– В последнее время ему пришлось испытать немало тревог и волнений. Я уверен, что такого больше не повторится. Пусть он проведет ночь в бильярдной, он никому не мешает.

Она взглянула на Алистера. Он с бесстрастным видом говорил что-то матери. Корделия всегда считала, что его неприятный характер был результатом беспорядочного воспитания и детства, проведенного в одиночестве, но сейчас она поняла, что дело не только в этом. Как часто Алистеру приходилось улаживать последствия безумных выходок отца? Какой след это оставило в его душе?

«Мы поговорим об этом дома. Я заварю чай, и мы...»

Но нет. Она не поедет сегодня домой, на площадь Корнуолл-Гарденс. Она не будет ночевать в одном доме с Алистером. Она отправится домой с Джеймсом. В их собственный дом, где они отныне будут жить вдвоем.

Она подняла голову. Лицо Джеймса было совсем рядом, и она видела его бледно-золотые глаза с янтарными искорками, крошечный белый шрам на подбородке. Его прекрасные губы, которые она целовала несколько часов назад. Взгляды их встретились, и ей показалось, что он не хочет отворачиваться, хочет смотреть в ее глаза вечно. Но она знала, что это всего лишь мечта, иллюзия.

Она вдруг ощутила усталость, бесконечную усталость. Весь день она играла роль. Сейчас она хотела лишь одного: поехать домой, где бы ни был этот дом. И если «быть дома» значило «быть с Джеймсом», что ж, пусть; она больше не может притворяться перед собой, лгать себе и говорить, что не хочет этого.

– Поехали домой, Джеймс, – прошептала она. – Отвези меня домой.

5

Король мертв

*«Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут – и побили.
И в темный ящик сунут на покой»¹⁵.*

Омар Хайям, «Рубаи»

Новобрачные покинули Институт без лишнего шума, оставалось только попрощаться с семьями и поверенными. Люси крепко прижала к себе Корделию, но промолчала – наверное, впервые в жизни она не знала, что сказать. Через плечо подруги Корделия увидела, как Мэтью шепчет что-то на ухо Джеймсу. Джеймс улыбался.

– Позаботься о моем мальчике, – обратился Уилл к Корделии; невесте на мгновение показалось, что свекор сейчас взьерошит ей волосы, но, видимо, его отпугнуло изобилие цветов и жемчужин.

Последним подошел Алистер и ласково погладил сестру по щеке.

– *Agar oun ba to mehraboon nabood, bargard khooneh va motmaen bash man kari mikonam ke az ghalat kardene khodesh pashimoon besheh.*

«Если он обидит тебя, возвращаясь домой, и я заставлю его пожалеть».

Таким образом Алистер хотел дать понять, что будет скучать по ней. Корделия отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

Когда они выходили из Института, Джеймс немного отстал, и Корделия обернулась посмотреть, в чем дело. Огромное средневековое здание показалось ей чужим и враждебным. Все происходило словно во сне. Джеймс, остановившись на пороге, сделал вид, что надевает перчатки, а сам с тоской смотрел на выбоины в каменных ступенях, оставленные ногами множества посетителей за сотни лет существования Института, на деревянные перила главной лестницы, отполированные тысячами рук. Корделии было не по себе, когда она покидала особняк в Южном Кенсингтоне, где прожила всего четыре месяца. Как же чувствует себя Джеймс, уезжая из родного дома?

– Ты собираешься мне сказать, где мы будем жить? – обратилась она к своему молодому мужу в надежде его отвлечь. – Или это по-прежнему страшная тайна?

Джеймс поднял голову, и она с облегчением заметила в его золотых глазах веселые искорки.

– Я хранил свой секрет достаточно долго. Он может подождать еще час.

– Ну что ж, надеюсь, дом обставлен с невиданной роскошью, иначе вам не поздоровится, мистер Джеймс Эрондейл, – с притворной суровостью произнесла Корделия, когда они спустились по заснеженным ступеням. Солнце село, и на западном горизонте осталась только узкая светлая полоса; на притихший город опустились зимние сумерки.

Бриджет уже велела подать карету; как и дом, экипаж был подарком от Тессы и Уилла. Это была легкая двухместная карета, но в ней имелись откидные сиденья, так что при необходимости можно было подвезти еще двух человек. Знакомый кучер, много лет служивший в Институте, прикоснулся к шляпе в знак приветствия. В карету был запряжен Ксанф, конь, принадлежавший Уиллу с молодости; у него были умные глаза, белая морда в крапинку и ровный характер. Отныне Ксанф стал собственностью Джеймса и Корделии, а Люси, выйдя замуж, должна была получить Балия. У Корделии была привычка кормить Ксанфа морковью; навер-

¹⁵ Перевод И. И. Тхоржевского.

ное, поэтому Уилл решил, что этот конь придерживается благоприятного мнения о девушке и обрадуется, если она станет его новой хозяйкой. Услышав это от Уилла, Корделия просто кивнула, но потом спросила Джеймса, пошутил отец или говорил серьезно насчет «благоприятного мнения» лошади.

– Мне и самому бывает трудно понять, – ответил Джеймс. – Иногда он просто разыгрывает нас, а иногда сам верит в то, что говорит. Валлийские суеверия. Думаю, когда речь идет о его лошадях, он вполне серьезен.

Корделия вдруг обнаружила, что довольна, очутившись в знакомом экипаже, в который запряжена знакомая лошадь. Уже некоторое время она пыталась настроиться соответствующим образом и, несмотря на предостережения матери, старалась радостно предвкушать сюрприз в виде нового дома. Однако, несмотря на все усилия, воображение рисовало ей сырые комнаты, покрытые плесенью обои, отсутствие отопления и, возможно, даже мебели. А что, если у дома нет крыши? Невозможно, такой недостаток заметил бы даже Джеймс. Кроме того, в доме хлопотала Райза; она отправилась туда после церемонии, чтобы приготовить все к прибытию молодоженов. Корделия постаралась скрыть улыбку, на мгновение представив себе, как старая служанка сердито бранится при виде снега, насыпавшегося через дыру в крыше в ведро для угля.

Корделия слушала стук колес, смотрела в окно и пыталась понять, где же все-таки находится ее новый дом. Некоторое время они ехали на запад по Стрэнду, не без труда преодолели забитую экипажами Трафальгарскую площадь, потом проехали по Пэлл-Мэлл мимо здания Военного министерства, охраняемого королевскими гвардейцами в медвежьих шапках. Еще несколько поворотов, и Корделия заметила на одном из домов табличку «Керзон-стрит». Они остановились в тихом квартале, у крыльца симпатичного дома, выкрашенного белой краской. Корделия с облегчением увидела, что у дома имеется крыша, а также все необходимые внешние атрибуты, в частности дверь и стекла в окнах.

Некоторое время она смотрела на дом-игрушку, не веря своим глазам, потом обернулась к Джеймсу и сердито ткнула его пальцем в грудь.

– Мэйфэр! Вот уж не ожидала, что ты выберешь такой дорогой район!

– Ну... как тебе, наверное, известно, неподалеку отсюда находится дом Консула, в котором живут ее непутевые сыновья, – медленно произнес Джеймс. – Мне не хотелось, чтобы они смотрели на нас свысока, как на бедняков и неудачников.

Он прыгнул на землю и подал Корделии руку.

– Это означает, что тебе хотелось жить рядом с Мэтью. – Корделия рассмеялась и подняла голову, чтобы разглядеть свое новое жилище. Дом был четырехэтажным, из окон первого этажа лился теплый свет. – Тебе следовало так сразу и сказать, без обиняков! Я бы тебя поняла.

Парадная дверь распахнулась, и на крыльце появилась Райза. На свадьбе она присутствовала в парадном наряде, но сейчас на ней было простое платье служанки и фартук; пытаясь защититься от зимнего ветра, она придерживала рукой хлопчатобумажный головной платок.

– Заходите же, что вы стоите там, в снегу, глупые дети. Я приготовила вам горячий ужин и чай.

Она говорила на персидском языке, но Джеймс как будто понял ее. Он взбежал по ступеням и принялся руководить кучером, который заносил в дом чемоданы.

Корделия вошла вслед за ним. Райза помогла ей снять широкое бархатное пальто и, пока Корделия изумленно оглядывалась, осторожно взяла Кортану. Вестибюль был освещен множеством изящных бронзовых настенных светильников и оклеен изумрудно-зелеными обоями с узорами в виде птиц и плетей страстоцвета.

– Как красиво, – пробормотала Корделия, проводя пальцем по золотому павлиньему перу. – Кто это выбирал?

– Я, – ответил Джеймс. И в ответ на ее удивленный взгляд произнес: – Может быть, показать тебе дом? Райза, прикажи Эффи подать легкий ужин. По-моему, ты что-то говорила насчет чая.

– А кто это Эффи? – прошептала Корделия, когда Райза с Кортаной в руках повела наверх кучера, тащившего баулы.

– Новая горничная. Ее наняла Райза. Насколько я понимаю, раньше она работала на Паунсби, – объяснил Джеймс.

Они вошли в просторную столовую с мраморным камином и высокими окнами, выходящими на Керзон-стрит. Толстый ковер приглушал шаги. Внимание Корделии сразу же привлекли четыре яркие картины, висевшие в ряд на стене, и она подошла, чтобы рассмотреть их поближе. Джеймс наблюдал за ней, сцепив пальцы, стараясь не выдавать волнения.

Это были персидские миниатюры, раскрашенные чистыми, насыщенными цветами – алым, синим, золотым. Корделия обернулась и, широко раскрыв глаза, уставилась на Джеймса.

– Где ты нашел эти картины?

– В одной антикварной лавке в Сохо, – ответил Джеймс, по-прежнему с непроницаемым лицом. – Там распродавали имущество какого-то персидского купца.

Корделия наклонилась ближе, чтобы рассмотреть великолепные каллиграфические надписи, выполненные в технике насталик¹⁶. Сами миниатюры изображали пророков и их последователей, музыкантов, птиц, табуны лошадей, реки.

– Это афоризм Руми, – прошептала она, увидев знакомую фразу: «Рана – это место, через которое в вас входит свет». Это всегда было одним из ее любимых высказываний поэта.

Так неожиданно было увидеть в новом доме частичку своего детства. С сильно бьющимся сердцем Корделия осматривала заново отделанную комнату, стены, обтянутые шелком, филигранную люстру искусной работы, стол из розового дерева, резные стулья.

– Стол можно раздвигать, тогда за ним уместится шестнадцать человек, – рассказывал Джеймс. – Хотя у меня нет такого количества знакомых, с которыми мне хотелось бы обедать. Пойдем, я покажу тебе остальные комнаты.

Корделия последовала за ним в коридор, придерживая пышные юбки, которые с трудом прошли в дверной проем. Они осмотрели чудесную гостиную, отделанную синим и белым, где стояло массивное пианино; затем, не заходя в кабинет, спустились на цокольный этаж, в кухню. Здесь было светло и тепло. Небольшая дверь вела из кухни в крошечный заснеженный сад. Корделия увидела шпалеры, увитые какими-то колючими растениями – скорее всего, плетистыми розами, – и подумала, что летом там, наверное, очень красиво.

В кухню вошла горничная в черном платье с пустым подносом в руках – наверное, это и есть Эффи, подумала Корделия. Женщина задумчиво посмотрела на Джеймса и Корделию, словно оценивала товары, выставленные на продажу. Ее седые волосы были собраны в высокую прическу, а глаза походили на два буравчика.

– Я накрыла для вас стол в кабинете, – заговорила она, не утруждая себя приветствиями и представлениями. – Когда еда остынет, она станет невкусной.

Джеймс насмешливо прищурился.

– Тогда, думаю, следует пойти и поесть прямо сейчас, – торжественным тоном обратился он к Корделии и повел ее наверх.

Она думала, что кабинет окажется небольшой комнатой с парой книжных шкафов и письменным столом, но, как и все прочее в этом доме, он оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Это было просторное, элегантно обставленное помещение с удобной современной мебелью; среди прочего здесь имелось несколько кресел и ноульский диван с высокими подлокотниками, обитый штофом. Материал обивки сочетался с тканью штор. Книг

¹⁶ Насталик – один из вариантов арабской каллиграфии.

было великое множество, полки занимали почти все стены. Окна кабинета выходили на улицу. В углу стоял письменный стол – Корделия вспомнила, что видела его в Институте. Однако внимание ее привлек чудесный столик с инкрустацией в виде шахматной доски, выполненной из блестящего черного дерева и перламутра. На столе были расставлены черные и ярко-красные фигуры, искусно вырезанные из слоновой кости.

– Ты как-то сказала мне, что любишь шахматы, – заговорил Джеймс. – На приеме у Таунсендов, помнишь?

Да, она помнила. Это был один из множества тоскливых балов, на которые Джеймс был вынужден ее сопровождать в качестве жениха. За окном угасал дождливый октябрьский день. Они танцевали, разговаривали о всяких пустяках, но Корделия даже в самых смелых мечтах не могла вообразить, что он запомнил ее слова.

Корделия бесцельно бродила по комнате, словно в тумане, читала надписи на корешках книг, потрогала бронзовые часы на камине. Над камином висела великолепная картина, изображавшая волшебницу Шалот в лодке; огненно-рыжие волосы скрывали фигуру женщины, подобно шелковому плащу. На деревянной конторке у окна лежал какой-то огромный том в кожаном переплете.

– Неужели это «Новый словарь английского языка»? – воскликнула Корделия.

– Боюсь, только до буквы «К», – улыбнулся Джеймс. – Я заказал последний том сразу, как только он вышел. Остается лишь надеяться, что следующего тома не придется дожидаться еще двадцать лет. Ну а пока придется обойтись без слов, начинающихся на буквы «Л» или «М».

– Это же чудесно, Джеймс! Люси будет мне отчаянно завидовать.

– Люси может приходить к нам и читать словарь сколько душе угодно, – ответил Джеймс. – Но не позволяй ей таскать сюда свои книги, иначе она мгновенно займет полки, предназначенные для тебя.

Корделии сначала показалось, что всю библиотеку занимает огромная коллекция Джеймса. Она не раз видела эти книги у него в руках. Казалось, не было такой области знаний, которая не интересовала бы Джеймса; на полках стояли книги, посвященные самым разнообразным предметам, от естественной истории и навигации до «Чудес Британии»¹⁷ и нескольких путеводителей Бедекера.

Но теперь она заметила, что Джеймс оставил место и для ее книг. Вещи, которые он выбрал для нее – словарь, миниатюры, шахматы – были поистине прекрасны. Наверное, он потратил на поиски уйму времени. Неудивительно, что она почти не видела Джеймса последние несколько месяцев. Все это время он занимался отделкой их чудесного дома, выбором обоев, мебели. И результат стоил того. Здесь все было совершенно, как в мечтах, как в счастливом сне. Корделия нашла в своем новом жилище все то, что выбрала бы сама; нет, даже она сама не сумела бы отделать и обставить дом лучше.

Однако оставались еще комнаты, которых она не видела.

Точнее, одна комната, предназначенная только для них двоих. Спальня.

Корделия представила себе просторное помещение, гардероб, трюмо, бархатные портьеры, но прежде всего – гигантскую двуспальную кровать. Кровь быстрее побежала по жилам. Как она сможет уснуть, лежа рядом с Джеймсом в одной лишь ночной рубашке? А что, если она потянется к нему во сне, невольно обнимет его? Наверное, он придет в ужас. Наверное, с отвращением оттолкнет ее...

Или... а что, если он ждет от нее настоящей брачной ночи? Корделия слышала, как перешептывались между собой другие девушки, сама немало ночей провела над зачитанным до дыр экземпляром «Похотливого турка»¹⁸, украденным из отцовского кабинета. Однако она по-

¹⁷ Вероятно, имеется в виду часть «Истории бриттов», написанной валлийским историком Неннием (IX в.).

¹⁸ Популярный в викторианской Англии эротический роман о приключениях англичанки, проданной в гарем алжирского

прежнему не имела четкого представления о том, что происходит в спальне между супругами. Люси, казалось, также пребывала в неведении. Когда в «Прекрасной Корделии» речь заходила о ночах страсти с участием главной героини, Люси неизбежно начинала описывать непогоду: шторы, хлопающие на сильном ветру, страшную бурю, молнии, раскалывающие небо надвое. Может быть, подумала Корделия, ей сегодня стоит надеяться на бурю и дождь?

– Тебе нравится?

Джеймс подошел к низкому столику у дивана, на котором Эффи сервировала ужин: чай, масло, хлеб и горячие пироги с дичью.

– Я имею в виду дом.

– Пока что все прекрасно, – ответила Корделия. – Но, может быть, ты приберег для меня напоследок какой-то ужасный секрет? Что это? Безумец на чердаке? Демоны в подвале?

Джеймс фыркнул. На щеках у него выступил румянец – наверное, потому, что в комнате было жарко натоплено. В свете пламени, пылавшего в очаге, блестели его черные кудри, а когда он взмахнул рукой, ослепительно сверкнул серебряный браслет.

Только в этот момент Корделия заметила, что Джеймс не снял пресловутый браслет. Она прикусила губу, постаралась подавить боль и молча проглотить оскорбление. Она не могла просить его избавиться от украшения. Не многим было известно о том, что это символ вечной любви, которая связывала его и Грейс. Да, она, его жена, имела право требовать от него физической верности, требовать, чтобы он изображал любящего мужа перед всеми их родными и знакомыми. Но она не имела никакой власти над мыслями и чувствами Джеймса. Она прекрасно понимала все это, и тем не менее вид браслета заставил ее страдать, поскольку напомнил о том, что свою любовь он отдал другой, что тоскует о другой, а ей, Корделии, осталась лишь его дружба.

«Все правильно, – сказала она себе. – Не позволяй себе забывать об этом».

Она откашлялась.

– Можем сыграть в игру. Партию в шахматы.

Джеймс, казалось, был заинтригован.

– Хозяйка дома просит меня сыграть с ней партию в шахматы?

– Это приказ. – И Корделия, осторожно расправив юбки, опустилась на диван. Платье действительно было ужасно неудобным и занимало чуть ли не все свободное место.

– Первый ход за хозяйкой дома, – произнес Джеймс, устраиваясь рядом с ней.

«Ты еще пожалеешь о том, что предоставил мне преимущество», – усмехнулась она про себя. Первые несколько ходов они сделали в молчании, но вскоре игра приобрела определенный ритм, и они смогли болтать. Джеймс объяснил насчет прислуги: оказывается, Эффи происходила из старинного рода простых людей, наделенных Зрением; то же касалось двух лакеев и другой горничной, которая должна была приходить несколько раз в неделю, чтобы выполнять «черную работу». Райзе предстояло жить на Керзон-стрит до тех пор, пока Корделия не устроится на новом месте, а потом она собиралась вернуться на площадь Корнуолл-Гарденс и помогать Соне с новорожденным.

– Матушка настояла, чтобы Райза осталась по меньшей мере на несколько недель, – произнесла Корделия, откусив кусочек хлеба с маслом. – В свое время, после свадьбы моих родителей, Райза отправилась с ними в новый дом. Наверное, бедная женщина считает, что я, оставшись без ее присмотра, утону в кастрюле с супом или задохнусь под горой платьев, вывалившихся из шкафа.

Джеймс передвинул слона.

– Райза действительно не понимает ни слова по-английски?

Корделия взяла пешку.

– О, она прекрасно понимает все, что мы говорим, можешь не сомневаться, и притворяется глухой только в тех случаях, когда ее это устраивает. То, что услышит здесь Райза, моментально станет известно моей матери. В ее присутствии нам следует вести себя осторожно.

Джеймс отпил глоток чая.

– Итак, мы должны изо всех сил изображать счастливых новобрачных.

Корделия почувствовала, что краснеет. Но почему? Успокойся, сказала она себе: ты должна испытывать облегчение, ведь Джеймс, как это ни странно, вовсе не находит ситуацию ни неловкой, ни унижительной.

– Да, – прошептала она. – Наверное, нам следует обсудить, э-э, как конкретно нам это делать. В деталях.

Джеймс, воспользовавшись тем, что она отвлеклась, сделал ход ладьей так, что теперь она угрожала ферзю Корделии.

– Это как правила игры в шахматы. Только мы должны выработать правила супружеской жизни.

– Да, именно.

– Ну что ж, мне кажется, первым делом нужно составить список тех, кто может свободно приходить в наш дом, а кто – нет, – сказал Джеймс.

– Конечно, «Веселых Разбойников» и Люси мы всегда будем рады видеть, – заметила Корделия. – Но остальные должны предупреждать заранее. Никаких неожиданных гостей, которые могли бы застать нас...

– Не с поличным? – двусмысленно усмехнулся Джеймс, и она вспомнила лукавые огоньки, совсем недавно блеснувшие в его глазах.

– Ведущими себя не как муж и жена, – напряженным тоном произнесла она и передвинула другую фигуру. На этот раз – ладью.

– Итак, я должен сидеть у камина в халате и шлепанцах, закинув ноги на решетку, а ты – пилить меня за то, что я уронил в ванну сборник стихов?

– И... – Корделия смолкла. Наверное, не следует говорить об этом сейчас. Но, с другой стороны, соглашаясь на этот брак, она никогда не намеревалась унижаться. – Если ты захочешь увидеться с Грейс Блэкторн, пожалуйста, предупреди меня заранее, чтобы это не выглядело как тайное свидание у меня за спиной. Я должна быть к этому готовой.

– Если я захочу... – повторил Джеймс, почти рассерженным тоном. – Я вовсе не собираюсь видеться с ней, Маргаритка. За кого ты меня принимаешь? Я не намерен в течение этого года встречаться с Грейс наедине, с твоего разрешения или же без него. Я бы никогда не поступил так с тобой.

– Конечно, я верю тебе. – Корделия подняла руку и принялась тереть жемчужный гребень в волосах. Когда она услышала его слова, ей стало больно. – Нас будут приглашать на вечера, балы и другие светские мероприятия, – добавила она, пытаясь вытащить гребень из прически. – Мы должны принять по крайней мере пару приглашений...

– Согласен.

– ...и когда будем в гостях, ты должен притвориться, будто безумно влюблен в меня. – В этот момент Корделии, наконец, удалось вытащить гребень. Должно быть, он держал большую часть ее волос: прическа рассыпалась, шелковые локоны скользили по ее обнаженным плечам. – Договорились?

Она думала, что Джеймс рассмеется, но он молчал. Просто смотрел на нее в упор. Она снова почувствовала, что краснеет – может быть, она зашла слишком далеко? Она всего лишь хотела пошутить, но Джеймс выглядел так, словно она потрясла его до глубины души. Его золотые глаза потемнели.

Она опустила взгляд на шахматную доску и увидела, что Джеймс оставил ей пространство для маневра. Она быстро передвинула ферзя на клетку, откуда он мог угрожать коню и королю противника.

– Шах, – произнесла она.

– Пусть будет так, – каким-то странным, хриплым голосом проговорил Джеймс. – Корделия, я...

– Делай ход, – перебила она. – Твоя очередь.

– Да, верно. – Он некоторое время пристально смотрел на доску, затем передвинул коня. – Я подумал... я как раз подумал, что мы преуспеем только в том случае, если будем делиться друг с другом всеми своими мыслями. Предлагаю каждый вечер задавать друг другу по одному вопросу. О чем-то, что мы хотим узнать друг о друге. И на эти вопросы мы оба будем отвечать правдиво.

У Корделии на миг перехватило дыхание. А вдруг он спросит?.. Нет. Не спросит.

– Давай сделаем иначе. Только победитель будет иметь право задать вопрос, – предложила она.

– Победитель?

– Каждый вечер мы будем играть в шахматы, – объяснила она, указывая на доску. – Победитель получит приз – не деньги, а право спросить у проигравшего о чем-либо и получить откровенный ответ.

Джеймс, сложив пальцы «домиком», задумчиво взглянул на жену.

– Я согласен, но при одном условии. Проигравший имеет право выбирать игру на следующий вечер. Шахматы, шашки, карты. Что угодно.

– Отлично. Я не уступлю тебе ни в одной игре, что бы ты ни выбрал. Хотя я предпочитаю шахматы, ведь, как ты знаешь, они были изобретены в Персии.

Джеймс несколько мгновений пристально смотрел ей в лицо – как ей показалось, на ее губы. Потом опустил взгляд и сосредоточился на игре.

– Я не слышал об этом.

Корделия размышляла над своими фигурами.

– Ты знаешь такую поэму, «Шахнаме»?

– В переводе это означает «Книга царей», – ответил Джеймс. – Сборник персидских легенд.

– Все легенды – правда, – напомнила она. – Так вот, среди прочих в «Шахнаме» есть история о двух принцах, их звали Гав и Талханд. Талханд пал в битве, но когда его тело нашли, на нем не обнаружили даже царапины. Царица, его мать, лишилась рассудка от горя и обвинила Гава в том, что он отравил брата, ведь как может воин умереть на поле боя, не получив ни единой раны? Для того чтобы убедить царицу в том, что она ошибается, придворные мудрецы изобрели игру в шахматы и, передвигая фигуры по доске, показали ей, как разворачивалась битва. Талханд, окруженный врагами, просто умер от истощения. Отсюда и название игры, которое в переводе означает «король мертв». – Корделия проворно протянула руку к доске и сделала ход, который планировала почти с самого начала, классический эполетный мат. – Итак, король мертв. Другими словами, шах и мат.

Джеймс втянул воздух сквозь зубы, чертыхнулся и улыбнулся.

Корделия позволила себе искренне рассмеяться – ей так редко приходилось смеяться от души, забыв обо всех тяготах жизни, что ее лицо совершенно преобразилось.

– Отлично, превосходно, Маргаритка. Ты меня отвлекла, а я поддался на твою уловку.

– А теперь ты пытаешься меня отвлечь, – сказала она, с притворной скромностью складывая руки на коленях.

– Вот как? – Он оглядел ее с головы до ног. – От чего же?

– Я выиграла. Ты обязан откровенно ответить мне на вопрос.

Услышав это, Джеймс сел прямо и отбросил назад волосы, упавшие на глаза.

– Что ж, говори, – произнес он. – Спрашивай, что тебе угодно.

– Алистер, – быстро сказала она. – Я... я хочу знать, почему вы все так ненавидите его. Выражение лица Джеймса не изменилось, но он испустил долгий, тяжелый вздох.

– Ты ошибаешься, не все ненавидят его, – наконец заговорил он. – Но Мэтью и Томас его очень не любят. Когда мы учились в школе, Алистер был к нам... относился к нам... плохо. Думаю, тебе об этом известно. Также он распространял гадкие слухи насчет Гидеона и Шарлотты. Не он придумал эту мерзость, но он это повторял. Отвратительные слухи причинили сильную боль и Мэтью, и Томасу, поэтому они не собираются прощать твоего брата.

– О, – тихо произнесла Корделия. – Но Алистер... он ведь извинился перед ними? За это, и за все... за все, что было в Академии?

«Как же так, Алистер».

– Справедливости ради скажу, что Мэтью и Томас не дали ему такой возможности, – ответил Джеймс. – Он был не единственным, кто издевался надо мной, над нами, но... сначала мы считали, что он... другой, и поэтому, я думаю, разочарование было сильнее. Прости, Маргаритка. Мне хотелось бы, чтобы ответ на твой вопрос был не таким... грустным.

– А я рада, что ты сказал мне правду. Алистер... он всегда был самому себе злейшим врагом, он уже много лет твердо намерен разрушить свою жизнь.

– Его жизнь не разрушена, – возразил Джеймс. – Знаешь, я верю в прощение. В милосердие. В то, что даже самые дурные поступки можно искупить. – Он поднялся. – Я провожу тебя наверх. Мне кажется, ты устала не меньше, чем я.

Наверх. Вот оно. Корделия снова почувствовала прежнее смятение и растерянность, поднимаясь за Джеймсом по лестнице – предположительно, в их спальню. В комнату, которая принадлежала только ей и Джеймсу, куда не могли заглянуть посторонние, куда не полагалось входить никому из гостей. Там между ними неизбежно должна была возникнуть близость, при мысли о которой ей становилось не по себе.

На втором этаже горел свет. Короткий коридор был ярко освещен настенными светильниками. Джеймс открыл первую дверь и жестом пригласил Корделию войти.

Стены в спальне были выкрашены в голубой цвет, окно выходило в крошечный сад. Корделия заметила заснеженные ветви и серп луны, а потом Джеймс повернул выключатель. Две лампы загорелись по сторонам великолепной кровати с четырьмя столбами, застеленной вышитым покрывалом. Определенно, на этой кровати хватало места для двоих.

Корделия постаралась сосредоточиться на первом предмете, попавшемся ей на глаза – это была резная панель над камином. На мраморной плите были вырезаны зубчатые башни, фрагмент герба Карстеров.

– Это?..

– Надеюсь, ты не против, – тихо произнес Джеймс, стоявший у нее за спиной. – Я понимаю, что для всего мира ты теперь принадлежишь к семье Эрондейлов, но мне показалось, что тебе захочется иметь напоминание о своей семье.

Корделия, наконец, решила осмотреться, и взгляд ее скользил по стеганому бархатному покрывалу, шелковому пологу, жаккардовым шторам. Оказалось, что Джеймс подобрал шторы ее любимых оттенков, изумрудного и лилового, как аметист. Те же цвета повторялись в узорах пушистого керманского ковра, устилавшего пол. Райза повесила Кортану на позолоченные бронзовые крючки рядом с кроватью – очевидно, крючки предназначались именно для этой цели. Скамья в оконной нише, достаточно просторная для двоих, была завалена шелковыми подушками с кистями, а по обе стороны окна стояли шкафчики с книгами... с ее книгами. Должно быть, Джеймс заранее попросил Райзу распаковать их – в качестве последнего сюрприза для Корделии.

– Эта комната... – заговорила она. – Это... ты выбрал и устроил все специально для меня.

«Но где же твои вещи? Где же ты сам, Джеймс?»

Обернувшись, Корделия увидела, что он снял золотой фрак, сложил его, перекинул через руку. Волосы его рассыпались, на щеке виднелось едва заметное пятнышко цветочной пылицы – видимо, случайно задел гирлянду в храме, – а манжета была испачкана вином. Наверное, если бы она поцеловала его, то почувствовала бы вязущий вкус крепкого сладкого чая. У нее путались мысли, ею владели одновременно неуверенность и страстное желание.

– Я подумал, что твоя спальня должна быть комнатой, где ты сможешь чувствовать себя прежней, – сказал Джеймс. – Где тебе не нужно будет притворяться.

Он пересек комнату, открыл боковую дверь: за ней находилась современная ванная комната с блестящими никелированными кранами и эмалированной ванной. В дальней части ванной комнаты Корделия заметила другую дверь, выкрашенную изумрудно-зеленой краской.

– Зеленая дверь ведет в мою комнату, – продолжал Джеймс, – так что если тебе что-нибудь понадобится, и если ты не захочешь будить слуг, можешь постучать в любое время.

В этот момент Корделии стало ужасно стыдно.

– Весьма разумно, – услышала она собственный голос, тоненький, далекий, неестественный. Многие супруги спали в отдельных комнатах, между которыми находилась общая спальня. Что, во имя всего святого, заставило ее думать, будто Джеймс собирается спать с ней в одной постели? У ее родителей была общая спальня, но это было необычно среди аристократических семей. В этом же доме все устроено по желанию Джеймса, и, конечно же, он захотел, чтобы у него была своя комната.

Вдруг она сообразила, что Джеймс смотрит ей в лицо, ждет ее ответа.

– Я очень устала, – пробормотала она. – Мне нужно...

– Да, конечно. – Он подошел к выходу и на пороге остановился, положив руку на дверную ручку. Когда он заговорил снова, голос его был мягким, лаксовым. – Мы сделали это, правда, Маргаритка? В глазах Анклава мы теперь муж и жена. Мы выдержали этот день. И выдержим все дни, которые нам еще предстоят. – Он улыбнулся. – Доброй ночи.

Он ушел, и Корделия машинально кивнула, глядя ему вслед. Она услышала его шаги в коридоре, потом дверь в соседнюю комнату открылась и снова закрылась.

Очень медленно Корделия закрыла дверь ванной, выключила все лампы, так что комната была теперь освещена лишь колдовским огнем, лежавшим на ее туалетном столике. Один из ящиков комода был приоткрыт, и Корделия увидела аккуратно сложенную ночную рубашку, сбрызнутую ароматной водой для белья. У двери находилась кнопка звонка. Корделия знала: нужно только позвонить, и Райза придет, чтобы помочь ей...

Помочь ей снять платье. Корделия в ужасе замерла. Она не могла, никак не могла сейчас вызывать Райзу. Если она это сделает, служанка немедленно догадается о том, что человек, который должен сегодня снимать с нее платье – Джеймс, – спит в другой комнате и вовсе не намерен проводить ночь с молодой женой. Об этом сразу же станет известно Соне. Мать будет встревожена. Нет, она будет в шоке.

Корделия потянула вниз ворот платья, пытаясь высвободиться из него. Но оно тесно облегло фигуру и было застегнуто на спине на сотню крошечных пуговиц, до которых ей было никак не дотянуться. Она в нетерпении вертелась у зеркала. Может, разрезать проклятое платье мечом? Но нет, Райза найдет его и все равно поймет.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, Корделия распахнула дверь в ванную и направилась к зеленой двери. Каблуки ее громко стучали по паркету. Нужно сделать это сейчас, прямо сейчас, немедленно, иначе у нее не хватит духу.

Она подняла руку и постучалась к Джеймсу.

Из комнаты донеслось какое-то шуршание, потом дверь приоткрылась, и на пороге появился Джеймс с озадаченным лицом. Он был без обуви, жилет расстегнут, расстегнуто и несколько верхних пуговиц на рубашке. Золотой фрак лежал на кресле.

Корделия старалась смотреть в пространство, но это не сработало – она обнаружила, что взгляд ее упирается прямо в ямочку в основании его шеи, обычно скрытую под рубашкой. У него была изящная, но сильная шея, и Корделии захотелось вечно любоваться ею; но она напомнила себе, что сейчас нельзя терять хладнокровие из-за тела Джеймса Эрондейла. Она собралась с силами и решительным тоном произнесла:

– Ты должен помочь мне снять платье.

Он несколько раз моргнул. Она подумала, что тени от его длинных ресниц похожи на крылья бабочки.

– Что?

– Я не могу снять платье без помощи горничной, – объяснила она, – и не могу вызвать Райзу, иначе она поймет, что мы не проводим ночь вместе... в смысле, как муж и жена... и расскажет все матери. А это будет настоящий кошмар.

Джеймс продолжал молча смотреть на нее в упор.

– Там пуговицы, – ровным голосом сказала она. – Много пуговиц. Тебе не нужно снимать с меня корсет, с этим я справлюсь сама. И не нужно прикасаться к моему телу, только к одежде.

Последовала долгая, мучительная, неловкая пауза, во время которой Корделия думала о том, возможно ли умереть от унижения.

В конце концов Джеймс распахнул дверь.

– Хорошо, – пробормотал он. – Заходи.

Она вошла в комнату, стараясь не смотреть на Джеймса и сосредоточиться на обстановке. Книжки, конечно. Повсюду книжки. Здесь он собрал своих любимых поэтов – Вордсворта, Байрона, Шелли, Поупа, Гомера и Уайльда.

Комната была отделана в охряном и красном цветах. Корделия пристально разглядывала темно-красный ковер, когда Джеймс снова заговорил:

– Наверное, тебе нужно повернуться ко мне спиной.

Это определенно принесло ей некоторое облегчение. Было ужасно стоять к нему лицом и знать, что он видит ее румянец. Она услышала совсем рядом его шаги, его дыхание, почувствовала, как его рука коснулась ее платья.

– С чего мне начать? – спросил он.

– Подожди, нужно убрать волосы, – прошептала она, подняла руки и перебросила на грудь тяжелую гриву каштановых волос. Джеймс издал какой-то странный звук. Наверное, его поразило количество пуговиц на платье.

– Начинай сверху, – попросила она, – и если придется немного надорвать ткань, ничего страшного. Я это платье больше никогда не надену.

Она хотела разрядить обстановку, хотела, чтобы он засмеялся, но он молчал. Она почувствовала прикосновение его пальцев к затылку и закрыла глаза. Прикосновения были осторожными, легкими. Он был совсем близко, так близко, что она чувствовала тепло его тела, его дыхание, и от этого у нее мурашки побежали по коже.

Его пальцы переместились ниже. Платье сползало с плеч. Тыльной стороной ладони Джеймс задел спину Корделии, и она зажмурилась. Она по-прежнему боялась, что сейчас умрет, но уже не от смущения.

– Маргаритка, – не своим голосом, запинаясь на каждом слове, произнес он. Наверное, он ужасно смущен, подумала она. Возможно, он даже считает, что в каком-то смысле изменил Грейс. – Есть... кое-что еще, что мы должны обсудить. Насчет вторых рун.

О, Разиэль. Вторые руны... те, которые молодые муж и жена наносят друг другу на грудь, оставшись в спальне вдвоем. Неужели Джеймс предлагает сделать это сейчас, поскольку она все равно снимает платье?

– Джеймс, – прошептала она, чувствуя, что в горле пересохло. – У меня с собой нет стило...

Он молчал. Если бы она не знала Джеймса, то решила бы, что у него дрожат руки.

– Не сейчас, – наконец проговорил он, – но рано или поздно придется это сделать. Если кто-то узнает, что у нас нет таких рун...

Корделия почувствовала жжение там, где ее жених изобразил первую брачную руну.

– Ну что ж, тогда нам надо хорошенько запомнить, что нельзя... раздеваться перед посторонними, – сквозь зубы произнесла она.

– Очень смешно. – Пальцы его снова двигались, время от времени касаясь ее спины. – Вообще-то, я думал о Райзе.

Она услышала его сдавленный вздох. Наверное, он расстегнул последнюю пуговицу, потому что корсаж платья смялся, как увядший цветок, и сполз до талии. Она стояла так, не двигаясь, несколько мгновений. Под платьем на ней были только корсет и тонкая сорочка.

Ни в одной книге по этикету не было и не могло быть указаний на такой случай. Корделия подтянула платье повыше, чтобы прикрыть грудь. Задняя часть платья, наоборот, сползла еще ниже, и она в ужасе сообразила, что Джеймс теперь может видеть ее бедра.

Взгляд ее случайно упал на книги Оскара Уайльда, стоявшие рядом с собранием сочинений Китса. Она вспомнила строку из «Баллады Редингской тюрьмы»: «Возлюбленных все убивают – так повелось в веках»¹⁹. И подумала: а можно ли убить того, кого любишь, поставив его в неловкое положение?

– Прошу, уходи, – услышала она за спиной чей-то голос и не узнала его.

Что же она наделала?

– Мне правда... ужасно жаль, – задыхаясь, выговорила она и убежала. Едва успев добраться до двери своей спальни, она услышала за спиной щелчок – это Джеймс закрыл дверь и заперся изнутри на замок.

¹⁹ Перевод В. Брюсова.

Лондон, Керзон-стрит, 48

Спрятавшись в подворотне, он наблюдал за тем, как они заходят в дом – Джеймс Эрондейл и его рыжеволосая молодая жена, владелица Кортаны. Они выбрались из кареты, и две фигурки в золотых свадебных нарядах Сумеречных охотников засияли в свете желтых фонарей, словно дешевые побрякушки.

Давно стемнело. Свет зажегся в одном из окон второго этажа, потом в соседнем. Он знал, что не может долго стоять так, не рискуя отморозить нос или конечности, или каким-то иным образом повредить это тело. Человеческие тела так хрупки. Отвратительно. Действительно, побрякушки, подумал он, кутаясь в зимнее пальто. Когда придет время, он без труда сокрушит их – ломает, как детские игрушки. Растопчет, как бесполезную блестящую мишуру.

6

Предвестие грядущего

*«Неужели ты не видишь, насколько этот мир, полный страданий
и тревог, необходим для того, чтобы образовывать ум, возвышать душу,
делать ее совершенной?»*

*Джон Китс, письмо к Джорджу Китсу,
21 апреля 1819 г.*

К неимоверному облегчению Корделии, ни завтра, ни в последующие дни Джеймс не заговаривал об эпизоде с платьем. Теперь Райза помогала ей одеваться, и она могла продолжать жить как прежде, словно ничего не произошло.

Она обнаружила, что жить в одном доме с Джеймсом в качестве его жены проще, чем ей представлялось до свадьбы. В день бракосочетания она была уверена, что ей предстоит целый год существовать в состоянии постоянного напряжения и невыносимой неловкости. Но, к ее удивлению, в течение следующих двух недель она ни разу не очутилась в неловкой ситуации. Ничто не напоминало ей о Грейс; напротив, иногда она на несколько часов забывала, что сердце Джеймса принадлежит другой. Быть вместе в обществе посторонних людей было легко, даже приятно: они с Джеймсом ездили в гости, ужинали с друзьями, с его родственниками в Институте, хотя до сих пор не получили приглашения на обед в дом на Корнуолл-гарденс. Магнус все еще отсутствовал; от Анны они узнали о том, что у мага и Джема возникли проблемы с библиотекой Корнуоллского Института, и им пришлось доставить кое-какие книги в Спиральный Лабиринт для дальнейшего изучения. Пока было неизвестно, когда они вернутся.

Однако «Веселые Разбойники» почти каждый вечер приходили, чтобы выпить и отведать стряпню Райзы. Уилл, Тесса и Люси тоже довольно часто навещали молодоженов. Анна заглядывала по вечерам; однажды они с Джеймсом на протяжении четырех часов обсуждали шторы, так что Корделия успела задремать на диване.

К немалому удивлению Корделии, находиться наедине с Джеймсом тоже было легко.

Разумеется, так произошло не сразу. Они привыкали друг к другу постепенно: часто читали вместе, сидя друг напротив друга у камина в гостиной. Иногда ужинали в кабинете и играли в шашки, шахматы или нарды. Корделия не умела играть в карты, и Джеймс предложил научить ее, но она отказалась, потому что предпочитала настольные игры с реальными фигурами, которых можно касаться. Ей нравилось, как они с Джеймсом сражаются, словно на поле боя.

Каждый вечер, после того как один из них выигрывал, победитель задавал свой вопрос. Так Корделия узнала, что Джеймс не любит пастернак, что иногда ему хочется быть выше ростом (несмотря на то, что, как она ему напомнила, рост его составлял вполне приличные шесть футов) и что он всегда мечтал увидеть Константинополь. А она в свою очередь рассказала ему о том, что боится змей, хотя и знает, что это глупо, мечтает научиться играть на виолончели и считает своим главным достоинством длинные волосы. (Джеймс, услышав это, лишь улыбнулся, и когда она попыталась выяснить, о чем же он думает, он заговорил о другом). Потом они смеялись и дразнили друг друга, и это были, наверное, лучшие минуты за день. Она ждала их с самого утра. Ведь прежде, чем полюбить Джеймса как мужчину, Корделия любила его как друга. В такие вечера она вспоминала, что он прежде всего ее друг.

Ей нравилось то, как постепенно смех стихал, реплики становились короткими, как они оба начинали клевать носом, но в то же время не хотели расставаться, им хотелось сидеть всю ночь, говорить о чем угодно. Она рассказывала Джеймсу о своих путешествиях, о том, что ей довелось увидеть: описывала ручных берберских обезьян, которых показывали на базаре в

Марракеше, лимонные рощи Ментоны, Неаполитанский залив после шторма, процессию слонов у Красного форта в Дели. Джеймс говорил о путешествиях с тоской: в детстве у него в комнате на стене висела карта мира, и на ней он булавками отмечал места, которые однажды надеялся посетить. Поскольку Корделия тоже никогда не бывала в Константинополе, они однажды провели целый вечер за книгами и картами, читая друг другу рассказы путешественников. Потом они обсуждали, какие достопримечательности им хотелось бы увидеть – минареты, подсвеченные фонарями, собор Святой Софии, древний порт города, стоящего на двух континентах. Джеймс лежал на ковре, закинув руки за голову, а Корделия вслух читала отрывок из старой книги, принадлежавшей перу известной британской путешественницы:

– «Царь всех городов раскинулся передо мной; он восседал, словно на троне, на холмах, застроенных многочисленными домами, и серебряная лента Босфора, украшенная роскошными дворцами, простиралась у его ног»²⁰.

Джеймс хмыкнул, и она заметила, как под темными ресницами блеснули золотые радужные оболочки.

– Слушать тебя интереснее, чем читать путеводитель, – сказал он. – Что ж, продолжай.

И Корделия продолжала читать до тех пор, пока огонь в камине не догорел; стало холодно, и ей пришлось настоять, чтобы Джеймс поднялся с пола, а потом они на ощупь поднялись на третий этаж и расстались у двери ее спальни. Он пожелал ей доброй ночи и целомудренно поцеловал в щеку. Иногда в такие моменты ей казалось, что ему не хочется отнимать руку от ее плеча.

Когда-то она мечтала обо всем этом, почему-то чувствуя себя виноватой, – о том, как будет жить с ним в одном доме, видаться с ним ежедневно, о том, как между ними возникнет близость. Но она только сейчас до конца поняла, что такое близость между двумя людьми, дружба, нежность, взаимопонимание, возникающие между любящими мужем и женой. Раньше она не представляла, что такое возможно между ними: что он будет за завтраком объяснять ей некоторые фразы, предположительно, неизвестные дамам (оказалось, что словосочетание «завтрак осла» означает соломенную шляпку, а «залить за воротник» – значит сильно напиться). И что, слушая его, она будет смущенно хихикать. Что она случайно зайдет в ванную, пока он будет бриться, без рубашки, с полотенцем на плечах. Однажды так и случилось, и она поспешно отступила к двери, но он лишь дружелюбно махнул рукой и завел разговор о том, следует ли им идти на бал по случаю помолвки Розамунды Уэнтворт.

– О, думаю, можно и пойти, – сказала она. – Люси там будет, да и Мэтью тоже.

Он начал смывать пену с лица, и она смотрела, как мышцы ходят под кожей его спины, плеч, рук. Она никогда не видела обнаженного мужчину – пусть даже лишь до пояса, – и у нее закружилась голова от странного, незнакомого чувства. Она быстро подняла взгляд и заметила светлые веснушки на плечах Джеймса; они выделялись на бледной коже, подобно золотым звездам. До сих пор она не видела в его внешности ничего, что не казалось бы ей прекрасным, совершенным. Это было почти... несправедливо.

В конце концов Корделия решила, что он прекраснее всего в движении. Она пришла к такому выводу, когда они тренировались вместе – еще одна часть супружеской жизни, о которой она не подумала раньше, но которая ей очень нравилась. Джеймс устроил комнату для тренировок на верхнем этаже; она была небольшой, но удобной, с достаточно высоким потолком, чтобы свободно действовать мечом, с канатом и платформами для сооружения препятствий. Здесь они с Джеймсом сражались и повторяли движения и выпады, и она видела его, настоящего, видела красоту его движений, его стройное, длинное тело, вытянутое в броске, видела, как изящно он выполняет самые сложные упражнения. Ей так хотелось верить, что он

²⁰ Отрывок из трехтомного сочинения «Город султана» (1837) английской писательницы и путешественницы Джулии Пардо (1806–1862).

тайком смотрит на нее, когда она не видит, – так же, как она тайком любовалась им. Но она никогда не замечала ничего подобного с его стороны и строго приказывала себе прекратить выдумывать глупости.

Иногда Корделия представляла себе, что неразделенная любовь стала чем-то вроде третьего члена их маленькой семьи, она присутствует в доме даже тогда, когда там нет ее самой, Корделии. Что она следует за Джеймсом по пятам, обнимает его невидимыми призрачными руками, когда он завязывает галстук перед зеркалом, прижимается к нему бесплотным телом, когда он спит. Но если он и чувствовал нечто подобное, то, естественно, не подавал вида.

– Маргаритка, – окликнул Джеймс жену.

Он стоял в коридоре, за приоткрытой дверью спальни Корделии. Райза заканчивала помогать молодой хозяйке с одеванием.

– Можно войти?

– Минутку, – крикнула в ответ Корделия. Райза как раз застегивала последние пуговицы на ее платье.

– *Bebin ke mesle maah mimooni*, – произнесла Райза, отступая назад, и Корделия бросила быстрый взгляд в зеркало. «Взгляни на себя, ты прекрасна, как луна».

Корделия с неприятным чувством подумала, что Райза, возможно, намекала на смелое декольте, открывавшее верхнюю часть груди – соблазнительные белые полумесяцы над темно-зеленым шелком. Она, конечно, знала, что замужняя женщина вправе одеваться более откровенно, чем юная девушка из хорошей семьи. Это платье было сшито таким образом, чтобы подчеркнуть все изгибы ее фигуры; искусно вшитые в нужных местах кружевные вставки словно предлагали полюбоваться обнаженным телом, хотя это была всего лишь иллюзия. Когда Анна выбирала материал, она объяснила, зачем это делается: даже самые придирчивые матроны не смогут найти ничего непристойного в покрое ее платья, но тайный обожатель без труда вообразит себе то, что скрывается под ним.

«Но возникнут ли подобные мысли у Джеймса? – слышала Корделия тоненький лукавый голосок, не оставлявший ее в покое. – Заметит ли он твоё платье? Сделает ли тебе комплимент?»

Она не знала. Прошло две недели после свадьбы, но иногда Джеймс казался Корделии совершенно чужим человеком; она не могла понять, о чем он думает, что чувствует. Но, несмотря ни на что, в течение этих двух недель она сама испытывала безграничное счастье и иногда поражалась самой себе. Может быть, она не зря затеяла это безумие? Нет, не зря. Все пройдет, но у нее останутся воспоминания; она будет лелеять их, когда станет старой, костлявой, скрюченной, как древнее иссохшее дерево. Воспоминания о двенадцати месяцах счастливой замужней жизни с мальчишкой, которого она боготворила. Некоторые люди лишены даже этого, думала она.

– Мне не по себе в этом туалете, слишком он вызывающий, – пробормотала Корделия, пытаясь натянуть край платья повыше.

– *Negaran nabash*, – отрезала Райза и решительно убрала ее руку. – Не волнуйся. Это первый твой настоящий бал после замужества, там будет весь Лондон. Покажи им, что ты гордая. Покажи, что никому не под силу тебя унижить и заставить почувствовать себя маленькой девочкой. Покажи им, что ты – Джаханшах. – Она кивнула в сторону двери и хитро подмигнула. – А сейчас мне пора. Нельзя заставлять *Alijenab*²¹ Джеймса ждать.

И Райза выскользнула из спальни, оставив хозяйку перед зеркалом. Корделия чувствовала себя довольно глупо. Джеймс редко заходил к ней в комнату; она догадывалась, что он не

²¹ Его превосходительство.

хочет нарушать ее уединение, мешать ей. Он снова постучал, прежде чем войти, потом закрыл за собой дверь.

Она постаралась не разглядывать его во все глаза, как влюбленная девчонка. Он был одет в черный фрак и белый жилет. Сумасшедший оборотень, портной его отца, в очередной раз постарался на славу: одежда была безупречно подогнана по фигуре, тонкое сукно облегалo широкие плечи и мускулистые руки, под белой сорочкой угадывалось стройное тело. Взгляд Джеймса упал на Корделию, и он застыл. На скулах его выступил едва заметный румянец.

– Маргаритка, – заговорил он. – Ты выглядишь... – Он смолк, тряхнул головой и сунул руку в карман. Рука слегка дрожала, и у него не сразу получилось вытащить небольшую коробочку, оклеенную черным бархатом. Он протянул коробочку Корделии, и она не без удивления взяла ее.

– У нас юбилей, две недели, – объяснил Джеймс, отвечая на ее недоуменный взгляд.

– Но... Я тебе ничего не купила... – Корделия машинально погладила бархатную крышку. – Ведь я не знала, что через две недели принято обмениваться подарками.

– Не принято, – успокоил ее Джеймс. – Просто у меня свои причуды. И это – одна из них. – Он усмехнулся. – Открой.

Корделия открыла футляр и увидела на черном бархате сверкающий золотой кулон с цепочкой. Она достала украшение и восхищенно ахнула. Кулон представлял собой миниатюрный глобус – крошечный шарик с выгравированными на нем очертаниями континентов.

– Мы столько говорили с тобой о путешествиях, – с некоторым смущением продолжал Джеймс. – И вот мне захотелось подарить тебе весь мир.

– Как это чудесно. – Корделии казалось, что ее сердце готово разорваться от волнения. – Подожди... я сейчас ее надену...

– Не надо, не надо, – рассмеялся Джеймс, обходя ее. – Там очень маленький замок. Я тебе помогу.

Он ловко расстегнул замочек и надел ожерелье на шею Корделии. Она застыла. Пальцы его едва касались нежной кожи, чуть выше края платья. Она чувствовала его чудесный аромат – смесь запахов лавра и чистой кожи молодого мужчины. Послышался щелчок застежки; Джеймс сделал глубокий вдох, коснулся цепочки, чтобы расправить ее, и Корделия почувствовала это, почувствовала, как поднимается его грудь при дыхании, почувствовала прикосновение ткани его сорочки, от которого встали дыбом крошечные волоски у нее на затылке. Его руки на миг застыли в нескольких дюймах от зеленого шелка и обнаженной кожи.

В следующий миг Джеймс отступил и откашлялся. Она обернулась, чтобы взглянуть на него. Он снова надел свою Маску, и она ничего не могла прочесть на его лице, кроме обычного дружелюбия.

– Очень мило, – произнес он, вытаскивая из кармана сложенную в несколько раз бумажку. – Кстати, я чуть не забыл. Недди принес письма от Люси для нас обоих. Твое я не стал читать, несмотря на сжигающее меня любопытство.

«Дорогая Корделия! – было написано на бумажке знакомым размашистым почерком Люси. – Мне ужасно, ужасно жаль, но я вынуждена пропустить сегодняшний бал и бросить тебя на растерзание представителям высшего общества. К сожалению, мне нездоровится. Если кто-нибудь попробует тебя задеть, держи голову высоко и помни, что сказала бы в таком случае Прекрасная Корделия: “Я не склонюсь перед вами, и никто не сможет меня заставить!” Завтра с нетерпением жду подробного описания приема, особенно нарядов, и еще мне ужасно хочется узнать, не отрастил ли Тоби дверной молоток. С любовью, Люси».

Пока они спускались по лестнице, Корделия подала Джеймсу записку, чтобы он мог прочесть. Карета уже стояла у дверей. Морозный воздух обжигал лицо; днем снег начал таять, но к вечеру снова похолодало, и теперь тонкий лед трещал и ломался под ногами, как стекло. В

карете их ждали тяжелые меховые полости и покрывала для ног. Корделия со вздохом облегчения закуталась в меха.

– Дверной молоток? – переспросил Джеймс, когда карета тронулась, хрустя льдом.

– Это такая борода, – с улыбкой объяснила Корделия. – Я тебе покажу, если увижу.

Сумеречные охотники редко носили бороды; подобно воинам Древнего Рима, нефилимы издревле считали, что борода мешает в сражении, поскольку противник может за нее схватить. Однако для женщин не существовало ограничений относительно длины волос: возможно, потому, что ни римляне, ни средневековые нефилимы не могли представить себе женщину на поле боя.

– Ну что ж, если Тоби отрастил бороду, у меня есть выбор, – сказал Джеймс. – Либо вызвать его на дуэль, либо отрастить бороду в два раза длиннее.

– Надеюсь, ты не сделаешь ни того ни другого, – поморщилась Корделия.

– Думаю, ты, в качестве моей супруги, имеешь право голоса в вопросах, касающихся моей внешности, – ответил Джеймс. Корделия взглянула на него из-под полуопущенных ресниц, но он равнодушно смотрел в окно, на черно-белые ночные улицы. – Уэнтворты редко устраивают большие приемы. С нетерпением жду момента, когда ты увидишь Торт.

– Какой торт? – удивилась она.

– Сейчас приедем, и ты поймешь.

Как только они въехали в ворота, она сразу поняла, что имел в виду Джеймс. Особняк Уэнтвортов представлял собой абсолютно безвкусное сооружение, утыканное множеством башенок с зубцами и бойницами – видимо, архитектор вдохновлялся образами средневековых замков. Стены и башни были покрыты штукатуркой цвета слоновой кости, и здание действительно являло собой некий чудовищный гибрид Тадж-Махала и кремowego свадебного торта. Ослепительный свет, лившийся из огромных окон, падал на заснеженную лужайку перед домом, и вся эта варварская роскошь производила довольно нелепое впечатление.

Карета остановилась у зеленого ковра, призванного изображать лесную тропу; ковер вел к сверкающим мраморным ступеням и массивной двери в средневековом стиле. На каждой ступени стояло по два лакея в ливреях цвета слоновой кости, бедняги вытянулись по стойке смирно, когда Джеймс и Корделия проходили мимо. Она невольно прыснула со смеху, войдя в холл, больше напоминавший тронный зал императорского дворца. Пол был отделан розовым и белым мрамором. Да, дом действительно напоминал гигантский торт.

Джеймс подмигнул жене, когда они ступили в балый зал, просторное, как крытый рынок, помещение с расписными потолками. Среди обильной позолоты и облаков, похожих на взбитые сливки, порхали десятки пухлых розовошеких херувимов. У стен группами собирались гости, и в толпе Корделия среди прочих заметила Уилла и Тессу, которые оживленно беседовали с Габриэлем и Сесили Лайтвуд. «Веселые Разбойники» тоже были здесь в полном составе; они заняли целый столик в углу в компании Анны. Мэтью, заметив новобрачных, поднял бокал шампанского, а Анна лениво помахала рукой. Танцы еще не начались; люди бродили вокруг длинного стола, ломившегося под тяжестью закусок – здесь было достаточно еды, чтобы накормить всех жителей небольшого города. Чудовищные окорока в глазури и лососи размером с новорожденного ребенка, залитые блестящим желе, покоились на серебряных блюдах в окружении гор сэндвичей и пирожных с кремом; рыбы и поросята злобно пялились невидящими глазами на голодных гостей.

Хозяева, Мартин Уэнтворт и его жена Глэдис, стояли в центре зала и с восхищением рассматривали огромную ледяную скульптуру, изображавшую Розамунду и Тоби в развевающихся античных одеждах. На плече Розамунды сидел голубь. Джеймс уставился на скульптуру, не скрывая удивления.

– Может быть, это намек на то, что сегодняшнее мероприятие следует называть «Холодным Приемом»? – прошептал он на ухо Корделии. Она плотно сжала губы, но не могла совла-

дать с собой и затряслась от беззвучного смеха. Джеймс с невинным видом продолжал разглядывать купидонов на потолке, и в это время к ним приблизились Розамунда и Тоби, так сказать, во плоти.

– О, вы оба чудесно выглядите, такая прекрасная пара, я всегда это говорила, правда, Тоби? – бросилась в атаку Розамунда.

Тоби вздрогнул. У него был такой вид, словно его только что разбудили.

– Да? Когда? – пролепетал он.

Розамунда бросила на Джеймса голодный взгляд, как будто он был восхитительным, аппетитным свежим кексом, который ей не терпелось намазать черничным джемом. Чувствуя, что мужа необходимо спасать, Корделия в свою очередь воскликнула с дурацким лицемерным восторгом:

– О, здесь так чудесно, я вижу, весь Лондон пришел вас поздравить! Джеймс, мы должны поздороваться с твоими родителями...

– Не весь, – тяжело вздохнула Розамунда. – Как назло, убили Амоса Гладстона, и кое-кто решил, что праздновать сейчас неуместно. А я считаю, это несправедливо, потому что мы планировали этот вечер еще до его смерти. Конечно, мы бы отменили прием, если бы не ледяная скульптура. Она заранее заказана и оплачена.

– Превосходная речь, Розамунда, – сказал Джеймс.

– Благодарю, – лучезарно улыбнулась Розамунда. – Вы же понимаете, ну как мы могли заранее узнать, что его убьют во время патрулирования?

– Когда это случилось? – спросила Корделия и покосилась на Джеймса. Тот пожал плечами. – Мы еще не слышали...

– О, позапрошлой ночью, – промямлил Тоби, высокий молодой человек с безвольным подбородком и очень светлыми волосами.

– Это было нападение демонов? – продолжал Джеймс.

– Очевидно, да, – сказала Розамунда. – А что еще это могло быть? А теперь, Тоби, будь так добр, покажи Джеймсу бильярдную. Она только что заново обставлена. – Невеста смущенно захихикала и вцепилась в руку Корделии. – Нам, дамам, нужно сейчас в другое место.

Тоби увел Джеймса прочь, а Розамунда с Корделией направились к группе женщин, собравшихся у стола с напитками и закусками. Среди них Корделия заметила Евгению, сестру Томаса, худую девицу в бледно-желтом платье и перчатках.

– Тебе сюда, – с удовлетворением в голосе произнесла Розамунда. Волосы ее были высоко подобраны и украшены огромным количеством живых цветов. Когда она поворачивала голову, на плечи ей дождем сыпались лепестки. – Именно здесь собираются замужние женщины, – театральным шепотом добавила она.

Разумеется, запоздало сообразила Корделия. Замужние женщины во время танцев держались обособленно; в конце концов, им больше не нужно искать себе мужей. Она с надеждой посмотрела на Евгению, но Розамунда уже набросилась на нее:

– Евгения! А ты что здесь делаешь? Пойдем к девицам – там целая толпа молодых джентльменов, и все они просто жаждут потанцевать...

– Не пойду, – упрямо произнесла Евгения, но спорить с Розамундой ей было не под силу. Пару секунд спустя желтое платье исчезло в толпе.

– Корделия Эрондейл, если я не ошибаюсь? – заговорила высокая, угловатая женщина в шелковом платье абрикосового цвета. Корделия вспомнила ее имя – Юнис Паунсби, мать Огастеса Паунсби. Судя по всему, Розамунда оставила ее не просто с замужними дамами, но среди матрон, которые годились ей в матери и бабки. – Вы выглядите усталой.

Дамы коварно засмеялись. Корделия, ничего не понимая, смотрела в лицо своей собеседнице.

– Юнис вас дразнит, – заговорила Веспасия Гринмантл, женщина с приветливым лицом, облаченная в пурпур. – Новобрачные рано спать не ложатся, верно?

Кровь бросилась Корделии в лицо.

– Радуйтесь, пока можете, – продолжала Юнис. – Не пройдет и нескольких месяцев, как вы будете подбирать мебель для детской.

– Маленькие дети – это так скучно, Юнис, – вмешалась Лилиан Хайсмит. Корделия подумала, что в своем старомодном синем платье и сапфировых украшениях она выглядит, словно царица. – А вот оружие, напротив, весьма интересный предмет. – Она протянула руку к Кортане. – Я, например, давно восхищаюсь вашим клинком, дорогая. Можно?

Корделия кивнула, и Лилиан, задумчиво улыбаясь, прикоснулась к эфесу Кортаны.

– Когда я была маленькой, у меня было одно-единственное желание: получить какое-нибудь оружие, выкованное кузнецом Велундом. В двенадцать лет я сбежала из дома, и родители обнаружили меня на Риджуэйской дороге²². Я искала курган кузнеца. Я взяла с собой пенни, поскольку знала из легенд, что кузнецу нужно заплатить, и была совершенно уверена, что получу взамен меч! – Она усмехнулась. – Ваш меч прекрасен.

– Благодарю вас, – произнесла Корделия.

Дамы без всякого стеснения перешептывались у нее за спиной. Кто-то вслух интересовался, почему они с мужем не отправились в свадебное путешествие; другая женщина, скорее всего Юнис, ответила, что Джеймс и Корделия не могли позволить себе такую роскошь, как год помолвки, тщательная подготовка и свадьба следующим летом. «Необходимо было срочно спасти то, что осталось от ее репутации, вы же понимаете».

Нет, это было совершенно невыносимо. Музыканты готовились играть танцевальные мелодии; скоро все друзья будут заняты, в отчаянии думала Корделия, и никто не сможет избавить ее от этих мегер. Она заметила, что Джеймс некоторое время назад вернулся в балльный зал, но родители перехватили его, отвели в сторону и затеяли какой-то серьезный разговор. В любом случае он не может пригласить ее на танец, напомнила она себе. Это не принято. Джентльмены никогда не танцуют на балах со своими женами.

– Не окажете мне честь, миссис Эрондейл?

Дамы в недоумении начали оглядываться, закачались цветы в прическах, зашуршали юбки и веера. Корделия подняла голову, услышав хорошо знакомый ленивый, тягучий голос: перед ней стоял Мэтью и смотрел на нее сверху вниз с вопросительным выражением лица. При взгляде на него можно было ослепнуть; его жилет был расшит павлинами, светлые волосы ярко блестели в свете люстр. Мысленно поблагодарив судьбу, Корделия позволила ему увести себя в центр зала.

– Ну что ж, могу тебя уверить, что за последние сто лет с этими леди не происходило ничего более захватывающего, – рассмеялась она. – О боже, наверное, я ляпнула что-то не то? Ведь теперь я тоже замужняя женщина и не имею права считать скучными тех, кто состоит в браке.

– Большинство людей невыносимо скучны, – пожал плечами Мэтью. – Брак не имеет к этому никакого отношения.

Первым танцем оказался полонез; пары со всего зала присоединялись к «колонне», которая следовала за ведущими. Здесь были Сесили и Гидеон, Кэтрин Таунсенд и Огастес Паунсби; Филомена ди Анджело – Корделия вспомнила, что эта темноволосая итальянка присутствовала на ее свадьбе, – шла рядом с Альбертом Брейкспиrom. Кристофер пригласил на танец Евгению, Алистер с церемонным видом вел за руку Ариадну.

²² Риджуэйская дорога (Ridgeway Road) – одна из древнейших дорог Англии; проходит мимо многих археологических памятников, в том числе неолитической гробницы Уэйлендз-Смайти, где, по преданию, живет Велунд.

– Зачем же тогда ты ходишь на балы и приемы? – удивилась Корделия. – Если ты находишь все и вся такими скучными.

– Люди скучны. А сплетничать о них мне никогда не скучно. Смотри: Тоби и Розамунда спорят о чем-то, как всегда. Интересно знать, о чем? А недавно Лилиан Хайсмит стукнула Огастеса Паунсби зонтиком: как ты думаешь, за что? Неужели он оскорбил ее? Эсме Хардкасл надоедает Пирсу Уэнтворту бесконечными рассказами о своей книге, посвященной истории Лондонского Анклава; но он ее даже не слушает и глаз не сводит с Кэтрин Таунсенд. А прекрасная Евгения отказывает всем, кто пытается пригласить ее на танец. Вероятно, сказывается отрицательный опыт.

– А что произошло с Евгенией?

– Огастес Паунсби. – Мэтью нахмурился. – Он вел себя так, словно между ними существовало понимание.

Корделия удивилась; «понимание» могло означать вполне серьезные вещи. Например, полную уверенность девушки в скором предложении руки и сердца.

– Ну, и она вела себя достаточно свободно: встречалась и гуляла с ним без компаньонки и тому подобное. Конечно, все было совершенно невинно, но... неожиданно он взял и сделал предложение Кэтрин Таунсенд, а та ему отказала. И Евгения в результате сделалась посмешищем всего Анклава. Она уехала в Идрис, чтобы избежать местных сплетен.

– Как это мерзко с его стороны! – с отвращением воскликнула Корделия. – Но неужели ни у кого из гостей не найдется более страшной тайны? Скелеты в шкафах и тому подобное?

– Ты спрашиваешь меня, нет ли в этом зале убийц? – Мэтью быстро закрутил ее в танце, и перед глазами у нее стремительно пронеслись огненные ленты, в которые слилось пламя множества свечей. – Есть. Например, я.

Корделия принужденно рассмеялась и украдкой начала оглядываться. Они очутились в дальней части бального зала. Джеймс по-прежнему был занят разговором с Уиллом и Тессой.

– А что, если я скажу, что умею читать по губам? – продолжал Мэтью, проследив за ее взглядом. – Что я понимаю каждое слово, которое говорят друг другу Джеймс и его родители? И что новость, которую они ему сообщили, потрясет тебя до глубины души?

– Я бы велела тебе прекратить подслушивать чужие разговоры. Кроме того, я тебе не верю. Научиться читать по губам не так просто. Еще я бы сказала, что ты врешь и нарочно пугаешь меня, чтобы показаться более интересным. А правда состоит в том, что если и существует какая-то шокирующая новость, то ты просто-напросто узнал ее от своей матушки.

Мэтью сделал трагическое лицо и прижал руку к груди с таким видом, словно его ударили ножом в сердце.

– Меня оскорбили! Усомнились в моем мужестве! О женщины, вам имя – жестокость!²³ – И он, прищурившись, уставился на Корделию. – Означает ли это, что ты не хочешь узнать, о чем они разговаривают?

– Конечно же хочу, болван. – И она легко стукнула Мэтью веером по плечу. Полонез не предполагал такой интимности между партнерами, как вальс, и все же она находилась достаточно близко к Мэтью и заметила тонкие линии, появлявшиеся у его глаз, когда он по-настоящему улыбался. А это случалось очень редко. Она чувствовала его запах: пахло бренди, сигарами и цветами франжипани.

– Ну что ж, – он понизил голос. – Тебе известно, что Чарльз уже несколько месяцев работает в Парижском Институте.

– Я слышала, что глава Института заболел, и Чарльзу пришлось выполнять обязанности его заместителя.

– И он справился с ними превосходно, как всегда, – едко заметил Мэтью. – У них там было намечено важное совещание с вампирскими кланами Франции, и Чарльз почему-то пригласил всех, кроме вампиров Марсея. Скорее всего, просто по рассеянности, но они восприняли это как смертельное оскорбление.

– А разве он не мог извиниться и все объяснить?

Мэтью презрительно фыркнул.

– Ты что, не знаешь Чарльза? Он никогда не извиняется. А кроме того, вампиры ему не доверяют. Они подозревают – и заметь, не без причины, – что в случае серьезных разногласий Консул встанет на сторону своего сына. И поэтому дядя Уилл и тетя Тесса должны завтра отправиться с ним в Париж, чтобы помочь все уладить без потерь. – Мэтью бросил быстрый взгляд на Джеймса и его родителей. – Существа Нижнего Мира склонны доверять им,

²³ Мэтью перефразирует Гамлета: «О женщины, вам имя – вероломство!» (акт I, сцена 2). Перевод Б. Пастернака.

поскольку Тесса сама принадлежит к их народу, а Уилл счел нужным защищать ее перед Конклавом и даже женился на ней.

Сейчас полагалось взяться за руки. Когда их пальцы сплелись, черная руна Ясновидения на тыльной стороне ладони Корделии слегка замерцала.

– Ну что ж, могу сказать, что они отправили в Париж не того брата, какого следовало бы, – заметила она.

Держась за руки, они начали медленно описывать круг.

– Что ты имеешь в виду?

– Ведь это ты любишь Францию. Ты постоянно говоришь о Париже, – ответила она. – Помимо всего прочего, ты обладаешь дьявольским шармом – и прекрасно знаешь об этом. Из тебя получился бы отличный посол, ты справился бы гораздо лучше Чарльза.

Мэтью выглядел... так, словно его поразили удар молнии, и это было еще мягко сказано. У Корделии возникло чувство, будто его редко сравнивали с братом в положительном смысле, когда речь шла об их профессиональных качествах. Следующий круг они сделали в молчании. Без принужденного светского разговора танец вдруг показался Корделии более интимным, чем прежде. Она, не глядя, угадывала движения своего партнера, чувствовала тепло его руки, прикосновение холодного металла его печатки. Кольца, которое подарил ему Джеймс.

Ей доводилось прежде видеть, как танцуют влюбленные пары: в полном молчании они пожирали друг друга глазами, пользуясь редкой возможностью под благовидным предлогом побыть рядом, прикоснуться друг к другу. Нет, конечно, между ней и Мэтью не могло быть ничего подобного: ее фраза всего лишь смутила его, только и всего. «Что ж, очень плохо, – подумала она. – Ему уже давно следовало это услышать».

Он стоил тысячи таких, как Чарльз.

Музыка смолкла. Танцующие расходились, Мэтью и Корделия опустили руки.

– Увы, – произнес он знакомым легкомысленным тоном, – боюсь, мне придется отвести тебя обратно к нашим злоязычным дамам. Я бы пригласил тебя на следующий танец, но ты же знаешь, что холостым мужчинам не очень прилично танцевать несколько раз подряд с замужними женщинами. Предполагается, что мы должны увиваться вокруг юных девушек.

Корделия усмехнулась.

– Ничего страшного. Ты на целых десять минут избавил меня от их глупой болтовни. Мне уже от отчаяния хотелось зарыться лицом в блюдо с заварным кремом.

– Это была бы напрасная трата крема, – произнес знакомый голос, и Корделия, вздрогнув, увидела рядом Джеймса. В золотом свете множества свечей глаза его горели каким-то странным огнем.

– Неужели ты наконец вырвался из когтей родителей? – произнес Мэтью слегка неприязненным тоном. В следующий миг на губах его появилась обычная лукавая ухмылка, и Корделия решила, будто ей просто показалось. – Слышал насчет Чарльза?

Джеймс беззвучно присвистнул.

– Да уж. По этому поводу я мог бы много чего сказать, но сейчас... – Он повернулся к Корделии. – Миссис Эрондейл, могу ли я попросить вас пройти со мной в первом туре вальса?

Корделия смотрела на него, широко раскрыв глаза.

– Но мужьям нельзя... то есть обычно мужья не танцуют с женами.

– А этот муж танцует, – ответил Джеймс и увлек ее прочь.

Грейс, 1896

Джесс умирал долго и мучительно. Агония началась посреди ночи, и Грейс, ворвавшись в комнату брата, увидела жуткое зрелище: он метался среди окровавленных простыней и кричал, кричал, точнее, издавал какой-то дикий, звериный вой, выражавший невыносимое страдание. Грейс криками звала мать. Она знала, что существуют исцеляющие руны, что магия Сумеречных охотников могла бы им помочь, но она не умела чертить такие руны. Кроме того, у нее не было стило.

Она прижала брата к себе, его кровь пропитала ее сорочку... а когда она осторожно опустила его на подушки, он был уже мертв. Какая-то часть ее сознания отметила, что пришла Татьяна. Мать, содрогаясь от рыданий, поднесла к губам сына маленький золотой медальон. Грейс тогда не поняла, что это за вещь, но ей предстояло вскоре это узнать.

Грейс хотела, чтобы мать пришла, помогла ей, но почему-то почувствовала себя в ее присутствии еще более одинокой. У Татьяны началась истерика: она пронзительно вопила, выла, рвала на себе одежду, выкрикивала отчаянные молитвы и проклятия, обращенные к существам, неизвестным Грейс, молила спасти его, спасти ее мальчика. А когда его не стало, она рухнула на пол, долго сидела в нелепой позе обиженной маленькой девочки и жалобно хныкала. Все это время она словно не замечала присутствия Грейс.

В следующие дни слабые надежды Грейс на утешение в обществе матери окончательно развеялись. После смерти Джесса мать совсем ушла в себя; неделями не обращала внимания на Грейс, не смотрела на нее, не реагировала, когда дочь заговаривала с ней. Пока Грейс пыталась понять, как жить дальше после такой потери, мать разражалась проклятиями в адрес Сумеречных охотников, брызгала слюной, уверяя, что их единственная цель – разрушить ее жизнь, уничтожить ее, повторяла, что не намерена сдаваться без боя. Она почему-то обвиняла во всех своих несчастьях семью Эрондейл, хотя Грейс не видела никакой связи между этими людьми и смертью Джесса.

По правде говоря, ей и самой хотелось бы возложить на кого-нибудь вину за гибель брата, но она знала, что иногда Сумеречные охотники не выдерживали рун и гибли, если им пытались наносить Метки. Это было кошмарно, несправедливо, бессмысленно – но так случалось, и с этим ничего нельзя было поделать. И поэтому Грейс не могла найти утешения, обвиняя других в смерти Джесса.

Не лучше стало, когда мать начала надолго исчезать в подвале особняка и появлялась оттуда лишь под утро, бормоча какие-то заклинания на незнакомом языке. От ее одежды и волос несло серой. Татьяна разговаривала с Грейс только о коварстве и злобе нефилимов. Эти монологи начинались и заканчивались совершенно неожиданно; проходило несколько дней, и женщина, заметив в комнате Грейс, начинала предложение с середины, как будто читала ей одну бесконечную лекцию.

Грейс не считала Сумеречных охотников в целом каким-то «злом» – в конце концов, она провела среди них большую часть жизни, – но Татьяна иллюстрировала свои «лекции» живописными примерами. Она шарил в самых темных уголках Блэкторн-Мэнора и вытаскивала на свет божий всевозможные доказательства жестокости нефилимов. В подвале, в каком-то пыльном сундуке она нашла целую «коллекцию» трофеев, добытых у существ Нижнего Мира: зубы вампира, высохшую лапу оборотня, нечто, напоминавшее гигантское крыло бабочки, плававшее в прозрачной вязкой жидкости. Татьяна признала, что тридцать лет назад приняли закон, запрещающий брать подобные трофеи, но до этого, на протяжении девятисотлетней истории нефилимов, убивать и калечить существа других рас считалось нормальным. Она показала

дочери запись в дневнике, где подробно описывалось лишение Меток какого-то непослушного младшего сына.

«Они вышвырнули его в мир простых людей», – вслух читала Татьяна, – «ради блага его семьи и Конклава».

Но жемчужиной ее коллекции, спрятанной в кабинете Блэкторн-Мэнора, был кристалл алетей, магический камень с множеством граней, который использовали для хранения воспоминаний. Естественно было предположить, что семьи держали в таких камнях воспоминания о счастливых событиях, но в этом камне содержалась лишь одна короткая кровавая сцена, произошедшая сто лет назад. Инквизитор подвергал нестерпимым пыткам некую Аннабель Блэкторн, чье преступление заключалось в любовной связи с существом Нижнего Мира. В конце концов женщину приговорили к пожизненному заключению в Адамантовой Цитадели.

– Вот каковы они, нефилимы, – говорила Татьяна, убирая кристалл в тайник, – вот те, кто жаждет нас раздавить и уничтожить. Это они убили нашего Джесса.

Она снова разразилась рыданиями и бессильно опустилась на пол, а Грейс, догадавшись, что мать забыла о ней, осторожно выскользнула из кабинета и скрылась в своей комнате. Но она еще много часов не могла уснуть: как только она закрывала глаза, перед нею вставало лицо той девушки, которая умерла в темнице много лет назад. Ее беспомощность. Ее ужас. Аннабель приняла одно-единственное роковое решение и поплатилась свободой, потеряла все, что имела. И тогда Грейс пришло в голову: может быть, показывая Грейс злосчастный кристалл, мать хотела преподать ей некий особенный урок? Может быть, она хотела намекнуть, что саму Грейс ждет страшная участь, если она покинет Татьяну и ее мрачный особняк?

Однажды поздно вечером, через несколько дней после смерти Джесса, к особняку подкатила черная карета, и Грейс было приказано открыть ворота. Хлестал дождь, под ногами хлюпала грязь, но она повиновалась, прошла по покрытой лужами гравийной дорожке и с трудом распахнула тяжелые железные ворота. Ворота жалобно скрежетали – их открывали очень редко. Карета въехала в поместье, и Грейс пошла следом к крыльцу, с любопытством разглядывая экипаж. На стенках кареты были вырезаны странные символы – это не были руны Сумеречных охотников, она никогда в жизни не видела подобных знаков.

Карета остановилась у дверей дома, и когда Грейс догнала ее, пассажир спрыгнул на землю. Это был мужчина. Она помнила, что он был очень высокого роста, хотя, возможно, впечатление было обманчивым, ведь она была еще ребенком. На нем был черный плащ с капюшоном, скрывавшим лицо.

– Мне нужна Татьяна Блэкторн.

– Это моя мать, – быстро ответила Грейс. – Я сейчас найду ее. Как мне вас представить...

– В этом нет нужды, – перебил ее неизвестный хриплым, неприятным голосом. – Она меня ждет.

Отстранив Грейс, он вошел в дом и свернул в первый из боковых коридоров, как будто хорошо здесь ориентировался.

Грейс сначала хотела последовать за черным человеком, но обнаружила, что дрожит всем телом и не может сделать ни шага. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но у нее зуб на зуб не попадал. Лишь через несколько минут она обнаружила, что в состоянии идти, и поднялась в свою комнату. Огонь почти догорел, и она подбросила в камин еще поленьев, но так и не смогла согреться до самого утра.

После смерти Джесса время текло иначе, прежняя жизнь утратила смысл. Грейс просыпалась по утрам, занималась обычными делами, как автомат, а вечером погружалась в глубокий сон без сновидений. Деревья в парке пожелтели, колючки разрослись. Татьяна блуждала по дому, погруженному во мрак; теперь она постоянно молчала и часто бесцельно и подолгу смотрела на сломанные часы – их было множество и все они показывали без двадцати девять.

Они не утешали друг друга. Грейс знала, что отныне всегда будет одинока, совершенно одна на всем белом свете, поэтому не удивилась, когда у нее начались галлюцинации. Она видела Джесса. Однажды она проснулась посреди ночи, судорожно хватая ртом воздух. Он был в ее комнате, в той самой одежде, которая была на нем в ночь смерти. Он парил над полом где-то на краю ее поля зрения, в дальнем углу комнаты. Внезапно он очутился рядом с ней – призрак, до мельчайших деталей походивший на ее умершего брата; от него исходило едва заметное свечение, и он улыбался, так же, как улыбался ей при жизни.

Это было уже слишком, это было невыносимо; сначала судьба жестоко посмеялась над ней, отняв единственного друга, а теперь она сходит с ума. Она закричала.

– Грейс! – услышала она встревоженный голос брата. – Грейс, не бойся! Это я. Это я, поверь мне.

– Это сон, видение, ты не настоящий, – ошеломленно пробормотала Грейс. Потом заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Почему же не настоящий, – несколько обиженным тоном ответил Джесс. – Я призрак. Разве ты не знаешь, что призраки существуют? И это были не галлюцинации, когда ты видела того дядьку, пьющего кровь. Он был вампиром.

Грейс издала какой-то звук, похожий не то на смех, не то на всхлип.

– Во имя Ангела, – вырвалось у нее. Татьяна строго запрещала детям употреблять это выражение, но сейчас она совершенно забыла о Татьяне. – Ты настоящий. Только настоящий Джесс может меня так дразнить.

– Прошу прощения. Наверное, мне трудно сочувствовать твоему горю, потому что я здесь, собственной персоной.

– Ты здесь, но в виде призрака, – возразила Грейс. Она помолчала, пытаясь осмыслить этот факт, и через несколько мгновений, когда в голове немного прояснилось, она с любопытством оглядела привидение. – Так ты был призраком все это время? Почему же ты не пришел ко мне сразу?

Джесс помрачнел.

– Я не мог. Я пытался, но... ты не слышала и не видела меня. До сегодняшнего дня. – Он с несколько озадаченным видом покачал головой. – Может быть, когда человек умирает, его призрак не сразу получает возможность вернуться. Может быть, где-то там, в какой-то канцелярии, надо заполнить соответствующие бумаги.

Грейс помолчала.

– Может быть, – прошептала она. – Знаешь, Джесс... Мама что-то затевает. Что-то нехорошее. Я не знаю, что у нее на уме, но она ищет черные книги в подвале и во всех углах, и еще какой-то человек приезжал, чтобы... помочь ей. Кто это был?

– Я не знаю, – задумчиво ответил Джесс. Потом рассеянно протянул руку и погладил Грейс по лицу, волосам. Его прикосновение было реальным, но едва ощутимым – как будто его руки были сотканы из паутины. Она подвинулась к нему, желая, чтобы он обнял ее, утешил.

– Но я это выясню, Грейс, – пообещал он. – Теперь я могу приходить и уходить, когда мне заблагорассудится.

– И маму мы больше не разбудим, – грустно сказала Грейс. – Возвращайся поскорее, Джесс. Я по тебе очень скучаю.

Проснувшись на следующее утро и вспоминая эту встречу, она подумала, что, скорее всего, это был сон, порожденный ее больным рассудком, сломленным горем. Но с наступлением сумерек Джесс вернулся, пришел он и на следующую ночь. Однако он приходил только после захода солнца. Наконец, явившись к Грейс в пятый раз, он кое-что объяснил.

– Матушка теперь тоже может видеть меня, – произнес он странным голосом, лишенным какого бы то ни было выражения. – Она намерена вернуть меня из царства мертвых.

Сердце Грейс переполняли противоречивые эмоции. Она прекрасно понимала, почему ее мать решилась на такой опасный шаг: ведь мысль о возвращении Джесса переполняла ее саму невыносимым счастьем и надеждой. И все же...

– Тот человек, который приезжал сюда... это был некромант?

– Да, это чародей, искусный в черной магии, – мрачно ответил Джесс. – Мое тело... сохранили при помощи некромантии, чтобы уберечь от тления, – произнес он с отвращением. – Для этого она и наняла его. В подвале стоит стеклянный гроб, там лежит мое тело, точно такое, как при жизни, как будто я... вампир. На груди у трупа... у меня... лежит медальон, в котором заключен мой последний вздох.

Грейс не знала, что должна сейчас испытывать, облегчение или тревогу.

– Итак, у нее впереди много лет, чтобы... попытаться вернуть тебя в наш мир.

– Да, – подтвердил он. – А тем временем я остаюсь в неопределенном состоянии, на пороге между жизнью и смертью, между светом и тьмой. По ночам я просыпаюсь и брожу по дому, а с восходом солнца исчезаю. После заката я снова открываю глаза и обнаруживаю, что весь день спал в гробу.

Грейс даже не могла себе представить, как это жутко, отвратительно – проснуться в гробу, еженощно видеть собственное безжизненное тело.

– Я пребываю в этом состоянии только благодаря черной магии. Рано или поздно чары утратят силу, и тогда... Я уйду. Навеки.

Она знала, что Джесс прав. Но все равно ее сердце дрогнуло от счастья, смешанного с чувством вины. Видеть Джесса, хотя бы по ночам, хотя бы в качестве бесплотного духа, было намного лучше, чем вечно оставаться одной. Одной с безумной матерью в темном, холодном доме.

7

Ступай легко

*«Привиделась мне вереница лиц,
Фигуры сквозь туман брели за мной,
Так призраки блуждают по ночам
И стонут, не найдя пути домой.*

*На кладбище, среди могил, стояла я,
Прислушиваясь к мертвым голосам;
И ветер ледяной мне прошептал:
«Ступай легко, ты – прах, подобно нам».*

*Джулия Уорд Хау,
«Мой последний танец»*

Ариадна сразу заметила Анну, и сердце ее сжалось от приятного и одновременно болезненного чувства.

Приятного потому, что Анна сделалась во сто крат привлекательнее с того дня, когда Ариадна впервые увидела девушку с длинными темными волосами, сверкающими синими глазами и мрачным выражением лица, одетую в модное платье, совершенно ей не подходившее. Прошло время, Анна отбросила все лишнее и чуждое и стала самой собой. Теперь она была прекрасна: исчезли тонкие линии, прорезавшие лоб, на соблазнительных ярко-алых губах играла кокетливая улыбка.

И одновременно со счастьем Ариадна испытывала жестокую боль, потому что не имела возможности даже прикоснуться к своей возлюбленной. Анна была, словно крепостной стеной, окружена своими друзьями; как всегда, ее сопровождали высокий красавец Томас, Кристофер, юноша с тонкими, нежными чертами лица, так похожий на сестру, и этот павлин Мэтью, который носил только самые яркие и безвкусные тряпки. Если бы Джеймс и Корделия не танцевали вальс, они бы тоже сейчас стояли рядом с Анной. Кстати, Корделия выглядела сегодня как сказочный цветок, наверняка Анна помогала ей выбирать наряд.

Молодые люди подозрительно рассматривали приближавшуюся Ариадну, а Анна, казалось, не видела ее в упор: она стояла в небрежной позе, прислонившись к стене. В черно-белом мужском костюме, тесно облегавшем стройную фигуру, она казалась изящной, как кошка. Вот она откинула голову и рассмеялась над словами одного из своих друзей. Рубиновая подвеска, которая, как знала Ариадна, была чувствительна к присутствию демонической энергии, сверкнула у нее на груди.

– Здравствуй, Анна, – заговорила Ариадна.

Анна неторопливо повернула голову и пренебрежительно бросила:

– А, мисс Бриджсток... добрый вечер.

Ариадна расправила плечи и задрала подбородок, всем своим видом давая понять, что ее не так просто унизить. На ней было новое синее платье, волосы поддерживала лента из такой же ткани. Платье и лента цвета глаз Анны. Она знала, что ее возлюбленная это заметит.

– Не потанцуешь со мной?

Анна вздохнула и сделала знак своей «свите». Мальчишки с видимой неохотой отошли на небольшое расстояние.

– Снова в бой? – съязвил Мэтью и, окинув Ариадну пристальным взглядом, нагло подмигнул ей.

– Ариадна, – бесстрастно произнесла Анна, – ты действительно собираешься со мной танцевать? Здесь, в этом зале, перед всеми этими людьми?

Ариадна ответила не сразу. Прежде чем подойти к Анне, она подождала, пока ее родители удалятся в гостиную, но в бальном зале осталось немало друзей ее семьи. Разумеется, все они увидят этот танец и не преминут рассказать о нем Инквизитору, думала она. Роузвэйны, Уэнтворты, Лилиан Хайсмит, зоркая старая ведьма...

Но это не имело никакого значения. Ариадна решительно выпрямилась, ее глаза сверкнули. Сейчас для нее существовала только Анна.

Анна, заметив смущение и колебания Ариадны, лишь усмехнулась.

– Разумеется, нет. Ты на такое не способна. Ведь ты ничуть не изменилась, верно, Ари? Сколько еще раз ты намерена приглашать меня на танец, зная, что я не соглашусь и тебе ничто не угрожает?

Ариадна с вызывающим видом скрестила руки на груди.

– Тысячу раз, – ответила она. – Бесконечно.

Анна поставила бокал на подоконник.

– Это просто смехотворно, – процедила она, и Ариадна с изумлением увидела, что глаза ее лихорадочно блестят. – Что ж, идем.

Ариадна подобрала юбки и последовала за Анной; выйдя через боковую дверь, они очутились в столовой. Мебель была покрыта белыми чехлами – видимо, хозяева не пользовались этой комнатой. Анна уверенно прошла через столовую, открыла какую-то очередную незаметную дверь и исчезла за ней.

Переступив через порог, Ариадна обнаружила, что за дверью находится вовсе не жилая комната, а какая-то тесная каморка. Наверное, кладовая, промелькнуло у нее в голове, а потом Анна закрыла дверь, и наступила крошечная тьма.

От неожиданности Ариадна даже вскрикнула. Она услышала издевательский смешок Анны, а в следующую секунду вспыхнул колдовской огонь. Нет, не колдовской огонь: сияние исходило от красного камня, который Анна носила на шее. Ариадна не знала, что он способен светиться в темноте.

Она осмотрелась и поняла, что они действительно попали в кладовую. Однако полки были пусты, если не считать каких-то тряпок и ветоши для полировки паркета. На полу тоже ничего не было. В каморке оказалось очень тесно, и Ариадна нечаянно наступила Анне на ногу; ей пришлось отклониться назад, иначе они столкнулись бы лбами.

Она знала, что лицо ее пылает. Оставалось надеяться, что Анна не видит этого в полутьме. Ариадна сделала глубокий вдох.

Прежде Анна пользовалась лавандовой водой, но сейчас от ее одежды, волос и кожи исходил тяжелый, пряный аромат, смесь запахов табачного листа и сладких восточных благовоний. В алом свете рубиновой подвески изменился и цвет ее глаз: теперь они походили скорее на два аметиста, как у Кристофера. Свет подчеркивал ее высокие аристократические скулы. Ариадна не сводила взгляда с красиво очерченных, чувственных губ Анны, губ цвета раздавленной малины. У нее перехватило дыхание от волнения.

– Выслушай меня, – начала Анна. Она говорила не спеша, совершенно спокойно. Ариадна поняла, что ее не уговорить, не переубедить. Все было кончено. – Прошло четыре месяца с того дня, когда ты сказала, что завоюешь меня снова. Но меня нельзя завоевать, Ариадна. Любовь – это тюрьма, а у меня нет ни малейшего желания надевать на себя кандалы. Они испортят мне брюки.

– Но ведь я люблю тебя, – в отчаянии прошептала Ариадна, – и я не чувствую себя так, будто нахожусь в тюрьме.

– Однако любовь привела тебя в эту кладовку, похожую на темницу, – усмехнулась Анна.

– Зато я в этой темнице с тобой, – тихо сказала Ариадна. Она подняла руку – очень осторожно, словно перед ней дикое животное, которое нельзя спугнуть. Она коснулась щеки Анны, но та мгновенно перехватила ее руку и стиснула запястье. Хватка у нее была желез-

ная. Затем Анна отстранилась и взглянула на Ариадну сверху вниз; она была немного выше и носила мужские сапоги на каблуках.

– И я счастлива, – прошептала Ариадна.

– В таком случае ты очень глупа, – холодно произнесла Анна. – Хочешь узнать почему?

– Да. Скажи мне. Скажи, почему ты считаешь меня глупой.

Анна наклонилась к уху Ариадны. Она говорила шепотом; от ее горячего дыхания волосы на виске Ариадны шевелились, губы едва касались щеки молодой девушки.

– Потому, что я никогда не полюблю тебя снова, – говорила Анна. – Я никогда к тебе не вернусь. Никогда. У нас нет будущего. Ну так что, ты по-прежнему хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

Ариадна закрыла глаза.

– Да. Да.

Анна впиалась в ее губы. Это был страстный, почти грубый поцелуй. Ариадна издала сдавленный стон, когда Анна обхватила ее за шею, задела волосы на затылке, привлекла к себе. Ариадна никогда не целовалась с Чарльзом, если не считать нескольких приличных поцелуев в щеку при посторонних. До него она пыталась заставить себя полюбить других, целовалась с юношами, но это казалось ей бессмысленным занятием и не доставляло никакого удовольствия. Просто два человека бестолково тычутся носами друг другу в лицо.

С Анной тогда, прежде, все было иначе. И сейчас тоже. Как же вышло, что она почти забыла? Забыла горячие губы Анны, этот вкус, вкус сладкого вина и розовой воды. Ариадна приподнялась, прикусила нижнюю губу Анны, почувствовала, как руки возлюбленной сжимают ее бедра, отрывают ее от пола.

Подобно всем Сумеречным охотникам, Анна была сильной женщиной; она подняла Ариадну, как пушинку, и посадила ее на какую-то полку. Когда руки ее освободились, она с удвоенным рвением вернулась к своему занятию. Ариадна стонала, изогнув спину, а Анна продолжала целовать ее, раздвинула ее губы, ласкала, посасывала ее язык, слегка прикусывала его; она была так искусна в любви, что Ариадна окончательно потеряла голову и забыла обо всем.

Она не ошибалась, она была права, и тогда, четыре месяца назад, и сегодня. Ради этих мгновений стоило пожертвовать всем; за минуты с Анной она была готова заплатить любую цену. Она никогда не чувствовала ничего подобного ни с кем, кроме Анны. Она с нежностью вспоминала о том, как они впервые были вместе, какими неопытными они были тогда, как осторожно, неуверенно прикасались друг к другу, смеялись, пробовали ласкать друг друга, чтобы узнать, что именно нравится каждой из них.

Но для Ариадны в науке любви оставалось еще много неизвестного. Анна обогнала ее, подобно тому, как автомобиль обгоняет карету. Руки ее нашли колени Ариадны среди нижних юбок, скользнули вверх по бедрам, коснулись обнаженного тела над чулками и приподняли батистовую сорочку. Ариадна крепче вцепилась в волосы Анны. Она слышала собственные страстные стоны, похожие на всхлипы – пальцы Анны безошибочно нашли самое чувствительное место. Ариадна уронила руки, вцепилась в свою полку. Она чувствовала, что падает, падает, летит куда-то в бездонную пропасть. Потом она с трудом открыла глаза – ей отчаянно хотелось увидеть лицо Анны. В алом свете волшебного камня глаза возлюбленной показались Ариадне темно-синими; рот ее был слегка приоткрыт. Наверное, впервые за последние два года мысли ее были полностью заняты Ариадной.

Это было уже слишком. Ариадна издала судорожный вздох и задрожала всем телом; ей почудилось, что мир разлетается на мелкие осколки.

– Анна, Анна, Анна... – шептала она, уткнувшись лицом в сукно мужского пиджака. В какой-то момент она крепко прижалась к плечу Анны.

Ей нужно было лишь слегка повернуть голову, чтобы услышать биение сердца Анны. Оно стучало как молот.

Ариадна отстранилась и огладила сорочку на груди Анны, чувствуя сквозь тонкую ткань жар ее тела.

– Анна, иди сюда. Позволь мне...

– О, не беспокойся, я обойдусь. – Анна сделала шаг назад. – По правде говоря, Ариадна, ты меня удивила. Тебе следовало с самого начала сказать мне, что тебе нужно только это. Я могла бы оказать тебе эту услугу уже несколько месяцев назад.

Анна приоткрыла дверь кладовой, Ариадна поспешно поправила платье, спрыгнула с полки и пошатнулась: ноги не держали ее.

– Анна, мы не можем просто...

– Вернуться в балльный зал вдвоем? Согласна. Пойдут разговоры, – насмешливо ответила Анна. – Я появлюсь первой, а ты возвращайся через несколько минут и больше не подходи ко мне сегодня. Не хмурься, дорогая. Уверю тебя, нас никто не видел.

Когда они с Джеймсом скользили по сверкающему паркету балльного зала, до Корделии доносились перешептывания гостей. Но ей было все равно. Пусть себе шипят насчет того, как невоспитанно он себя ведет – танцует на званом вечере с собственной женой, хотя целыми днями может наслаждаться ее обществом у себя дома. Ее не волновало мнение других людей; она чувствовала себя на седьмом небе от восторга, чувствовала себя победительницей. Нет, она не была ветреной девчонкой, которая по глупости угодила в щекотливую ситуацию и при помощи шантажа женила на себе чужого, равнодушного юношу. Она была безразлична Джеймсу.

Она знала это. Его пальцы были сплетены с ее пальцами, другая рука лежала на ее талии. Вальс был более чувственным танцем, чем полонез, и Джеймс не заботился о том, чтобы держаться на расстоянии от своей жены. Он прижимал ее к себе вплотную, так что поскрипывала его накрахмаленная сорочка, и улыбался уголком рта.

– Насколько я понял, Мэтью уже поделился с тобой новостью насчет Чарльза. Как тебе понравилось общение с матронами Анклава?

– Не очень... а сейчас они просто пожирают нас взглядами, – заметила Корделия. – Мне кажется, они потрясены и возмущены.

– Это все потому, что мужья бросили своих дам, чтобы пить портвейн и играть в бильярд.

– А ты разве не хочешь пить портвейн и играть в бильярд? – лукаво спросила она.

– Когда мужчина танцует так хорошо, как я, у него имеются обязательства перед светом; он должен подавать пример остальным, – усмехнулся Джеймс и закружил Корделию в танце. Снова очутившись лицом к нему, она рассмеялась. Он поймал ее, крепко обхватил за талию.

– Я узнал кое-какие подробности насчет того, что произошло с Амосом Гладстоном прошлой ночью, – продолжал он. – Беднягу нашли с перерезанным горлом. Окоченевший труп лежал в темном переулке. Ни ихора, ни других следов нападения демонов; хотя в тот день наступила оттепель, шел дождь, так что...

Корделия вздрогнула.

– Знаешь, мне почему-то страшно. В последний раз, когда в Лондоне гибли Сумеречные охотники...

– То были нападения среди бела дня, – поспешно перебил ее Джеймс. – А это нормально... по крайней мере, для нефилимов. Не вижу здесь ничего необычного. За последнее время мы здесь, в Лондоне, несколько отвыкли от трагедий, но увы – люди гибнут во время патрулирования, это неизбежно. Заметь, не то чтобы я одобрял тех, кто делает вид, будто ничего не произошло, потому что они уже оплатили ледяную скульптуру...

Он умолк. В дверях балльного зала появились очередные гости, и Розамунда с Тоби поспешили им навстречу. Даже поверх голов танцующих Корделия узнала Чарльза по огненно-

рыжей копне волос. Рядом с ним шла Грейс в кружевном платье цвета слоновой кости; сквозь кружева просвечивал небесно-голубой атлас юбки.

Бледная девушка долго смотрела на Корделию, широко раскрыв серые глаза. Через некоторое время она опомнилась и отвернулась.

– Я не думала, что Чарльз придет на бал, – заговорила Корделия, изо всех сил притворяясь, будто происходящее ей в высшей степени безразлично. – Если я правильно помню, завтра он уезжает в Париж?

– Да, рано утром, вместе с моими родителями. Думаю, Чарльз твердо решил не терять лицо и сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

Джеймс больше не смотрел на Грейс. У него было немало времени, чтобы научиться изображать равнодушие, подумала Корделия; им уже приходилось сталкиваться с Грейс в свете, хотя в последний раз они видели его бывшую невесту на своей свадьбе. Джеймс никогда не смотрел на нее дольше нескольких секунд, не подходил к ней, даже для того, чтобы поздороваться, но Корделия теперь лучше угадывала его настроение и чувствовала, когда он думает о другой.

– Прощу прощения – мы отвлеклись от танца.

– А ты как раз блестяще подавал пример другим мужьям, – подхватила Корделия. Джеймс рассмеялся, но его смех показался ей горьким. Корделия оглянулась. Розамунда жестом пригласила Грейс присоединиться вместе с ней к группе незамужних женщин, но Грейс лишь покачала головой и пристально посмотрела в лицо Тоби.

Тоби взял Грейс за руку и увел танцевать, а Розамунда даже не успела возразить и смотрела им вслед, растерянно приоткрыв рот. Чарльз пожал плечами и отошел.

Корделия невольно смотрела на эту сцену во все глаза. Нет, книги по этикету не запрещали танцевать с хозяином дома, и неважно, помолвлен он, женат или свободен. Но присоединяться к танцующим посередине вальса было странно, и Грейс очень рисковала, попросив об этом Тоби, – а она определенно пригласила его на танец! Таким образом она могла нажить себе врагов среди приятельниц Розамунды.

Выражение лица Тоби только ухудшало ситуацию. Он смотрел на Грейс, не отрываясь, как зачарованный, словно никогда в жизни не видел такой прекрасной женщины. Если поступок невесты и задел чувства Чарльза, он этого не показал; он целеустремленно шагал через весь зал к Алистеру, который в полном одиночестве стоял у колонны. Вид у Алистера был усталый.

– В чем дело? – прошептал Джеймс. – Маргаритка?

Какая ирония, подумала она, он словно читает ее мысли. Ей стало грустно. Однажды Джеймс оставил ее посреди танца, чтобы подойти к Грейс, и вот теперь она, Корделия, собирается точно так же бросить его. Несмотря на то, что больше всего на свете ей хочется остаться.

– Алистер, – пробормотала она, отняла у Джеймса руку и, не оглядываясь, поспешила прочь. Она бежала мимо танцующих пар, задыхаясь, задевая юбки дам, и остановилась только у противоположной стены зала.

Чарльз уже подошел к Алистеру и с небрежным видом стоял рядом, тоже прислонившись к колонне. У Алистера было совершенно бесстрастное лицо – точнее, оно показалось бы бесстрастным тому, кто его не знал. Но Корделия заметила, что он напрягся, застыл в неестественной позе, а руки, спрятанные в карманах, сжаты в кулаки. Она сразу же поняла, что брат зол как никогда.

– Я знаю, ты тоже читаешь газеты простых людей, – говорил Чарльз. – И я подумал, что, может быть, ты обратил внимание на убийство, недавно произошедшее в Ист-Энде. На первый взгляд, оно не представляет для нас интереса, но некоторые детали...

Корделия, невинно хлопая ресницами, подошла к Алистеру. Она прекрасно сознавала, что на них смотрят, и ей не хотелось давать людям лишний повод для сплетен.

– Чарльз, – прошептала она, изображая жизнерадостную улыбку, пожалуй, даже слишком жизнерадостную, – мне кажется, вы обещали держаться подальше от моего брата.

Чарльз со снисходительным видом приподнял бровь.

– Корделия, дорогая моя. Иногда между нами, мужчинами, возникают разногласия. Дамам лучше в это не вмешиваться. Позвольте нам решать наши проблемы без посторонней помощи.

Корделия повернулась к брату.

– Ты хочешь разговаривать с Чарльзом?

Алистер выпрямился и прошипел:

– Нет.

Чарльз покраснел, отчего веснушки на его щеках стали темно-коричневыми.

– Знаешь, Алистер, – презрительно бросил он, – только трус прячется за юбки младшей сестренки. Наверное, она считает, что ты меня боишься, раз примчалась тебя выручать!

Алистер нахмурился.

– Только негодяй способен поставить другого человека в такое положение, из которого его приходится выручать.

Чарльз набрал воздуха в легкие, как будто собирался заорать во весь голос. Корделия проворно загородила собой Алистера, продолжая улыбаться так, что у нее заболели мышцы лица.

– Чарльз, уходите немедленно, – приказала она. – Иначе я всем расскажу о том, как ваши дядя и тетя, бросив свои дела, помчались в Париж, чтобы разбираться с последствиями вашего провала.

Чарльз плотно сжал губы. Странно, но в этот миг он очень напомнил ей Мэтью. На свете не было двух других людей, настолько не похожих друг на друга. Если бы Чарльз был добрее, проницательнее, если бы он не был таким самовлюбленным болваном и проявлял хоть немного уважения к чувствам других людей, то, может быть, Мэтью не...

Корделия моргнула. Чарльз сказал ей что-то, без сомнения, что-то язвительное, и зашагал прочь. Глядя ему вслед, она заметила, что за ними действительно наблюдают – не кто иной, как Томас. Он пристально смотрел на них с другого конца зала; видимо, эта сцена потрясла его настолько, что он замер на месте, забыв, куда собирался идти. Джеймс покинул танцующих, подошел к друзьям и болтал о чем-то с Мэтью, положив руку ему на плечо.

В этот момент произошло сразу несколько событий. Томас, перехватив взгляд Корделии, покраснел и отвернулся. Музыка смолкла, и танцующие начали расходиться. Грейс молча оставила Тоби и направилась прямо к Джеймсу.

Мэтью и Кристофер смеялись над чем-то; Мэтью умолк и уставился на Грейс, которая обратилась к Джеймсу с какими-то словами. Оба отошли в сторону. Джеймс отрицательно покачал головой, небрежно взмахнул рукой, и Корделия увидела, как блеснул серебряный браслет.

– Ты хочешь, чтобы я пошел и переломал ноги твоему мужу? – спокойно произнес Алистер.

– Прекрати, он же не может убежать с криками ужаса всякий раз, когда Грейс оказывается рядом, – прошептала Корделия. – Он должен быть любезным.

– Таким же любезным, какой ты была с Чарльзом? – криво усмехнулся Алистер. – Не пойми меня неправильно, Лейли, я тебе благодарен. Но тебе не обязательно...

Краем глаза Корделия заметила, что Джеймс отошел от Грейс и направился к ней, Корделии, останавливаясь лишь затем, чтобы кивнуть попадавшим по дороге знакомым. Он был белым как мел, но Маска была на месте.

– Алистер, – заговорил он, подойдя. – Рад тебя видеть. Надеюсь, у ваших родителей все в порядке?

Алистер сказал, что Корделии не обязательно проявлять любезность. Но у любезности есть свои преимущества, подумала она. Джеймсу хорошие манеры служили доспехами. Доспехи и Маска.

– Все в порядке, – ответил Алистер. – Безмолвные Братья рекомендовали матери отдыхать после волнений, связанных со свадьбой, и не появляться в свете до рождения ребенка. А отец не хочет оставлять ее в одиночестве.

Кое-что из слов Алистера, несомненно, было правдой, но он определенно приукрасил эту правду. У Корделии не хватило духу расспрашивать. Внезапно ей захотелось немедленно уйти отсюда. Нет, Джеймс не нарушил их соглашения, но было ясно, что ему больно находиться в одном доме с Грейс.

Хуже всего было то, что она его прекрасно понимала. Она знала, каково это – находиться рядом с человеком, которого любишь, и чувствовать себя так, словно вас разделяет полмира.

– Джеймс, – сказала она, положив руку мужу на локоть, – знаешь, мне внезапно захотелось сыграть партию в шахматы.

Услышав это, Джеймс улыбнулся, но улыбка тут же погасла.

– Разумеется, – ответил он. – Мы сейчас поедем домой.

– Шахматы? – пробормотал Алистер. – Супружеская жизнь полна приключений.

Корделия на прощание поцеловала Алистера в щеку, а Джеймс отправился извиняться перед хозяевами за ранний отъезд. Они молча забрали верхнюю одежду и уже через десять минут стояли на парадном крыльце «замка» Уэнтвортов в ожидании своей кареты.

Был прекрасный вечер; тучи рассеялись, на темно-синем небе мерцали яркие, как бриллианты, звезды. Грейс смотрела вслед молодым супругам с задумчивым лицом. Корделия невольно задавалась вопросом: что же скрывается в тайниках души Грейс? Что она чувствует? Это было совсем не похоже на нее, вот так подойти к Джеймсу. Возможно, отчаяние оказалось сильнее благоразумия и воспитания. Корделия не находила в себе сил злиться на нее.

Однако она не могла расспросить Джеймса, потому что они были не одни: на крыльцо вышли Тесса и Уилл. Тесса улыбнулась Уиллу, надевая перчатки, отделанные мехом, и он наклонился, чтобы поправить ей прическу.

Джеймс громко откашлялся, и Корделия вздрогнула.

– Иначе они начали бы целоваться прямо здесь, – объяснил он с таким видом, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Поверь мне, я знаю.

Тесса, казалось, обрадовалась, увидев сына и невестку, ласково улыбнулась Корделии.

– Ты сегодня чудесно выглядишь, дорогая. Очень жаль, что нам пришлось покинуть бал раньше времени – но, к счастью, мисс Хайсмит предложила бедняжке Филомене отвезти ее в Институт в своем экипаже. Завтра еще до рассвета мы отправляемся в Париж при помощи Портала.

Корделия отметила про себя, что она ни словом не упомянула о Чарльзе.

– Мы хотели к вам подойти на балу, но нас отвлекла Розамунда; она чуть не плакала и без конца жаловалась, что ледяная скульптура растаяла, – рассмеялся Уилл. – Что за молодежь нынче? Неужели она только сегодня узнала, что лед в тепле тает? Чему вас учат в школе?

Джеймс хмыкнул.

– Это очередная разгромная речь по поводу «нынешней молодежи»? – И он продолжал, имитируя выговор Уилла: – Суется, не уважают старших, никакого понятия о морали, дурацкие словечки вроде «сбрэндить» и «финтюльки»...

– Даже я знаю, что нет такого слова «финтюльки», – с достоинством произнес Уилл. Они с Джеймсом продолжали подшучивать друг над другом еще несколько минут, пока из-за угла не показалась карета Института. На козлах сидел тощий слуга Уэнтвортов в ливрее цвета слоновой кости с серебряными галунами. Корделии невольно пришла в голову мысль о том, насколько сильно отношения Джеймса и его отца отличаются от отношений между Алистером

и Элиасом. Иногда она размышляла о том, что сказал бы Элиас, узнав об Алистере и Чарльзе. О том, что Алистер не такой, как большинство мужчин. Ей хотелось думать, что отец после подобного открытия не станет меньше любить ее брата. Несколько месяцев назад она была уверена в этом. Но сейчас она уже ни в чем не была уверена.

Ее размышления были прерваны воплем. Костлявый лакей, сидевший на козлах, вскочил на ноги и с ужасом озирался по сторонам.

– Демон! – хрипло кричал он. – Демон!

Корделия резко обернулась. Из-под кареты возникло нечто, напоминавшее колесо от прялки, покрытое слюнявыми красными ртами. Она протянула руку за Кортаной – и вздрогнула. Ладонь пронзила острая боль. Неужели она порезалась? Это было невозможно. Джеймс коснулся плеча жены.

– Все в порядке, – успокоил он ее. – Здесь обойдутся без нас.

Уилл уставился на Тессу своими голубыми глазами.

– Можно?

Тесса снисходительно улыбнулась, словно Уилл просил разрешения взять еще кусок торта.

– Пожалуйста.

Уилл издал странное уханье, неподобающее джентльмену его возраста и положения. Корделия ошеломленно смотрела, как он спрыгнул с крыльца и побежал догонять колесообразного демона. Джеймс и Тесса улыбались.

– Надо ему помочь! – ничего не понимая, воскликнула Корделия.

– Вовсе нет, – безмятежно ответил Джеймс. – Этот демон и мой отец – старые друзья. Точнее, старые враги, но в данном случае это одно и то же. Тварь обожает гоняться за ним после балов и приемов.

– Это очень странно, – заметила Корделия. – Теперь я понимаю, что породнилась с очень странной семьей.

– Только не надо притворяться, будто ты не знала об этом с самого начала, – улыбнулся Джеймс.

Корделия рассмеялась. Все это было так нелепо, смехотворно, но, с другой стороны, такова семья Джеймса – они во всем отличались от остальных. Ей почти показалось, что жизнь вернулась в нормальное русло, когда подъехала их карета и они закутались в меховые покрывала. Взглянув в окно, Корделия заметила Уилла с ангельским клинком: он увлеченно гонялся за необыкновенным демоном по розарию Уэнтвортов.

– Должно быть, ты ужасно расстроена из-за того, что пришлось остаться дома, – посочувствовала Джессамина, проплывая мимо книжных полок. – Да, теперь я понимаю: ты просто раздавлена.

Люси была поглощена чтением «Китти Костелло»²⁴, точнее, пыталась сосредоточиться на этом занятии, когда в гостиной появилась заскучавшая в одиночестве Джессамина. Обычно Люси не возражала против ее общества, но жестокая головная боль только что утихла, и она чувствовала себя совершенно разбитой.

Люси со вздохом загнула страницу на том месте, где остановилась, и закрыла книгу.

– Вообще-то, я нисколько не жалею, что осталась дома. Не очень-то мне и хотелось идти на этот бал.

– Правда? А ведь даже ваша итальянка туда поехала, – заметила Джессамина.

– Филомена? – переспросила Люси.

²⁴ Роман ирландской писательницы Энн Гектор (1825–1902), опубликованный под псевдонимом «миссис Александер» в 1904 г.

Люси редко видела Филомену и пока не успела составить о ней определенного мнения. Несмотря на то что их итальянская гостья жила в Институте, она большую часть времени проводила в аристократических гостиных, в музеях и на выставках.

– Нет, почему же; я рада за нее. Ей надо повеселиться. А мне, откровенно говоря, вовсе не хочется лишний раз видеть самодовольные лица Тоби и Розамунды... А вот о чем я действительно очень сожалею, так это о том, что не смогла сегодня поддержать Корделию. Уверена, Розамунда сразу потащит ее к замужним дамам, а это такая тоска!

Джессамина спустилась и, усевшись на край письменного стола, начала болтать призрачными ногами.

– По крайней мере, все признали ее брак. А когда я вышла замуж за Ната, никто и слышать об этом не желал.

– Возможно, потому, что он был убийцей, Джессамина.

Люси отложила книгу и, поднявшись, потуже завязала пояс фланелевого халата. Она уже распустила косы, как обычно делала перед сном, и волосы спадали почти до талии. Внезапно она ощутила острую тоску по тем временам, когда была маленькой девочкой. В детстве Люси много часов провела в этой самой комнате, сидя на диване рядом с матерью. Тесса заплетала ей косы, а Уилл читал им вслух. Она знала, что будет скучать по родителям, которые уезжали в Париж вместе с Чарльзом; Джеймс едва успел переехать в другой дом, и вот теперь мать с отцом тоже покидали ее. Люси чувствовала себя очень одинокой. Не помогло и то, что Уилл с Тессой обещали вернуться к традиционному рождественскому балу, который проводили каждый год в Институте. По крайней мере, тетя Сесили и дядя Габриэль составят ей компанию, думала Люси. На время отсутствия старших Эрондейлов им предстоит исполнять обязанности руководителей Института. Кристофер и Александр тоже переехали в Институт, но Люси знала, что Кристофер большую часть времени будет проводить в своем подвале на Гровнор-сквер, взрывая все, что попадется под руку.

Джессамина фыркнула, но ничего не ответила на замечание насчет Ната. Иногда она романтизировала свое прошлое, но на самом деле правда была ей прекрасно известна. Направляясь по коридору в свою комнату, Люси думала о том, что Джессамина вовсе не заслуживала смерти за свои ошибки; не заслужила она и того, чтобы превратиться в призрак, существо, не нашедшее покоя после смерти, обреченное на вечное заключение в стенах Института.

Воспоминания об этой истории всегда навевали на нее грусть. Открывая дверь спальни, Люси решила найти Бриджет и подольститься к ней, чтобы получить чашку горячего молока. Иначе заснуть не удастся, думала она. Но когда она вошла в комнату, мысли о горячем молоке мигом вылетели у нее из головы.

Ночь была ясной, и лунный свет, проникавший через окно, освещал разложенное на постели сиреневое платье, которое Люси выбрала для сегодняшнего бала. У окна стояли туфли из мягкой кожи на низких каблуках; на туалетном столике, словно россыпь крошечных льдинок, поблескивали бриллианты. В кресле рядом с письменным столом, заваленным бумагами, сидел Джесс и внимательно изучал последние страницы рукописи «Прекрасной Корделии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.